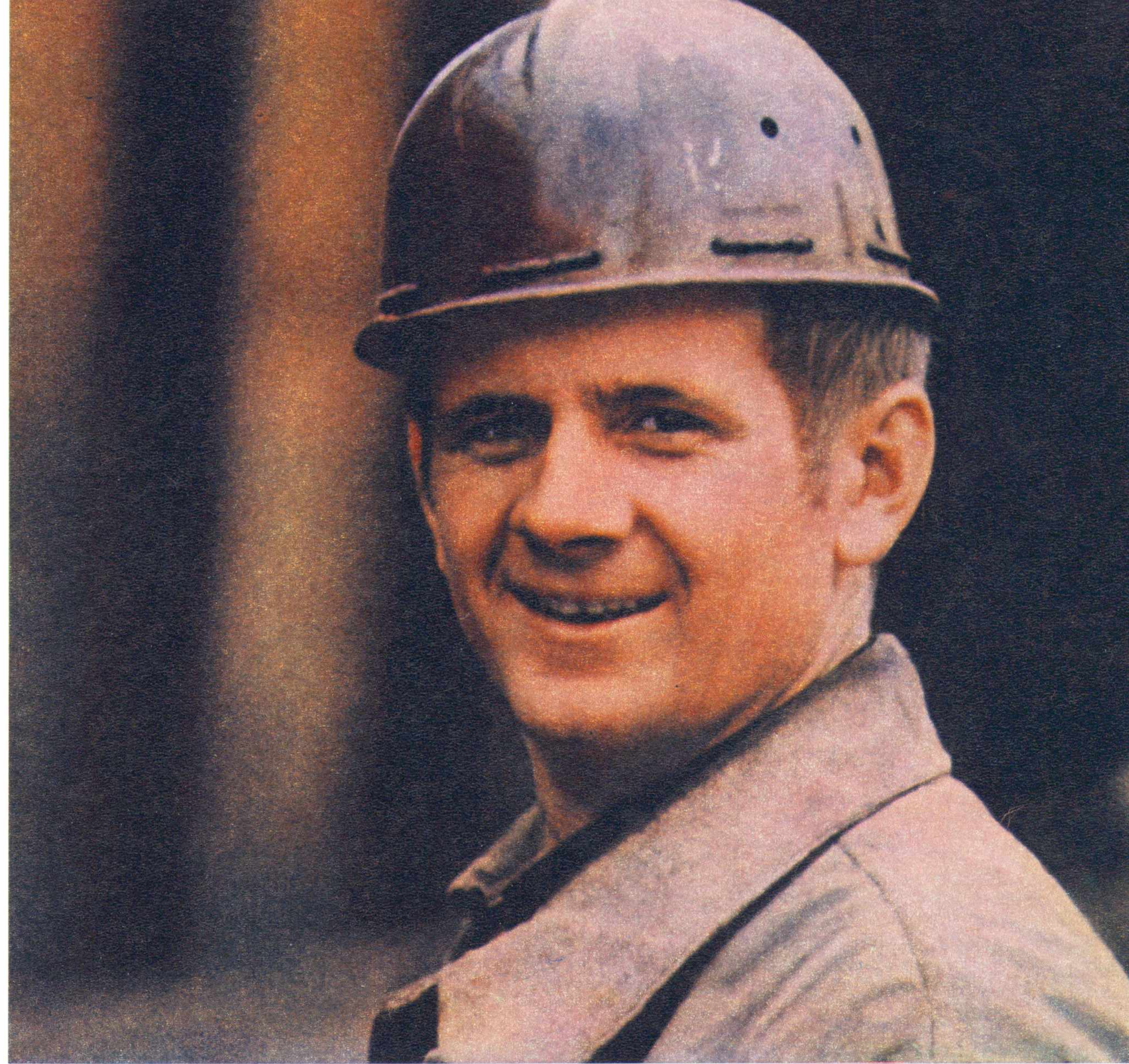

Польской Народной Республике 25 лет. С праздником, друзья!

W jubileuszowym roku 25-lecia Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej przekazujemy braterskie pozdrowienia Narodowi Polskiemu.

Член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Государственного совета ПНР, маршал Польши М. Спыхальский:

PRZEWODNICZĄCY
RADY PAŃSTWA
Marszałek Polski

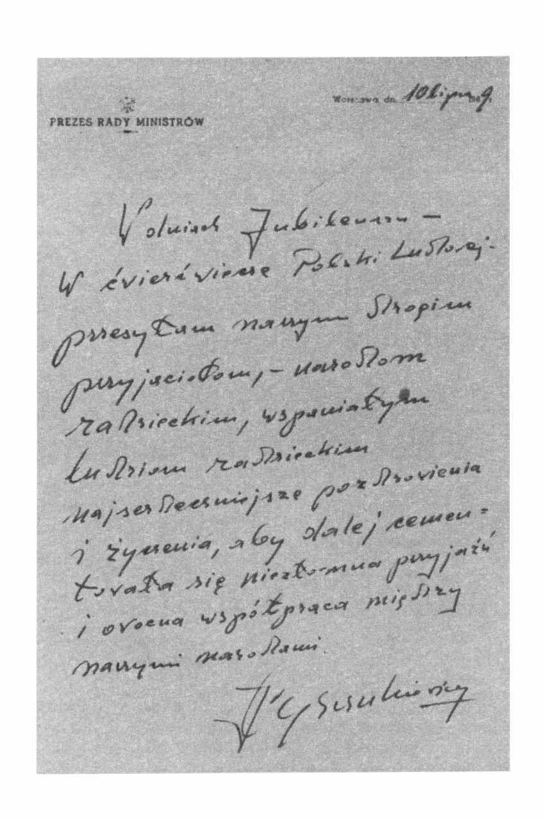
W dwudziestopięciolecie historycznych dni, kiedy to bohaterska Armia Radziecka wraz z walczącymi ramię w ramię z nią żołnierzami ludowego Wojska Polskiego wyzwalała pierwsze obszary ziemi polskiej z jarzma hitlerowskiego okupanta, przesyłam za pośrednictwem czasopisma „Ogoniok" serdeczne pozdrowienia naszym Drogim Przyjaciołom radzieckim.

M. Spychalski

Двадцать пять лет отделяют нас от тех исторических дней, когда героическая Советская Армия вместе со сражающимися плечом к плечу с ней солдатами народного Войска Польского освобождала первые польские территории от гнета гитлеровских оккупантов. В эти юбилейные дни я посылаю через журнал «Огонек» свои самые сердечные поздравления нашим дорогим советским друзьям.

Член Политбюро ЦК ПОРП, Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Ю. Циранкевич:

В дни юбилея — 25-летия народной Польши — я посылаю нашим дорогим друзьям — советским народам, прекрасным советским людям самые сердечные поздравления и пожелания, чтобы и дальше укреплялись нерушимая дружба и плодотворное сотрудничество между нашими народами.

PREZES RADY MINISTRÓW

Warszawa dn. 10 lipca 69

W dniach Jubileuszu — W ćwierćwiecze Polski Ludowej — przesyłam naszym Drogim przyjaciołom, — narodom radzieckim, wspaniałym ludziom radzieckim najserdeczniejsze pozdrowienia i życzenia, aby dalej cementowała się niezłomna przyjaźń i owocna współpraca między naszymi narodami.

J. Cyrankiewicz

◀ Студенты Варшавы.

Фото Интерпресс.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 29 (2194)

Основан 1 апреля 1923 года

19 ИЮЛЯ 1969

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ

В Москве, в Большом Кремлевском дворце, 10—11 июля работала шестая сессия Верховного Совета СССР.

В работе сессии принимали участие товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. Н. Косыгин, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, П. Е. Шелест, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, Д. А. Кунаев, П. М. Машеров, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидов, Д. Ф. Устинов, В. В. Щербицкий, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Повестка дня сессии:

1. Вопросы международного положения и внешней политики Советского Союза.
2. О проектах законов: основы исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик; положение о предварительном заключении под стражу; о внесении дополнений и изменений в основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.
3. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

С докладом по первому пункту повестки дня выступил министр иностранных дел СССР А. А. Громыко. С чувством горячей заинтересованности в сохранении мира на земле участники сессии обсуждали вопросы, изложенные в докладе А. А. Громыко.

Депутаты полностью одобрили внешнюю политику и практические действия Советского правительства, приняли ряд законов, утвердили Указы Президиума Верховного Совета СССР.

На снимке: Москва, Кремль. Шестая сессия Верховного Совета СССР седьмого созыва.

Фото М. Скурихиной и Е. Халдея.

«ДОБРА РОБОТА!»

В Польше, в Торуни, есть небольшое предприятие, которое теперь, кажется, никто не называет иначе, как «Доро». Наверное, потому, что именно отсюда пошел по стране ставший широко известным метод «Доро»: сокращение двух польских слов — «Добра робота!» И когда осматриваешь экспонаты выставки «25 лет Польской Народной Республики», когда видишь превосходные станки, электронно-вычислительные машины, макет шахты будущего, элегантные костюмы, макеты первоклассных судов, хочется сказать:

— Доро!

Добрая польская работа, славная своими нынешними делами, своими традициями, славная тем, как высоко ее оценивают ныне во всем мире!

За двадцать пять лет польская промышленность стала в первые ряды, вровень с промышленностью самых высокоразвитых стран. Ежегодно до 35 тысяч станков — таков сегодняшний день. Впервые в истории страны польской металлургией выплавлено 11 миллионов тонн стали.

Выставка рассказывает о многом и весьма поучительном.

В 1948 году было спущено на воду первое польское морское судно. С той поры

ТРИДЦАТЬ

911 крупных судов сошло со стапелей и бороздило моря и океаны.
Недавно в нашу страну была поставлена миллионная польская газовая плита. И вот уже пошел счет второго миллиона.
Взаимный экономический обмен между нашими странами ширится год от года. В СССР по польской технологии строится завод, который будет давать 480 тонн сахара в сутки. А наша страна поставляет в Польшу домостроительные предприятия.
Сотрудничество между СССР и ПНР охватывает почти все отрасли народного хозяйства двух стран. Польско-советские товарообороты характеризуются высокой динамикой роста: по сравнению с 1950 годом они возросли почти в шесть раз. И это тоже — доро, добрая работа!

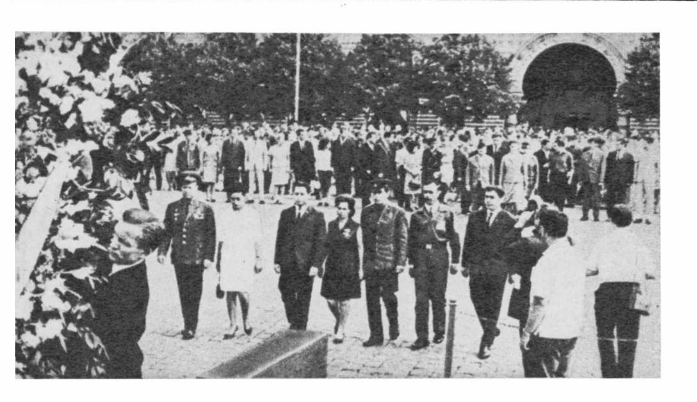
К. БАРЫКИН

●

Большим успехом пользуется у советских людей юбилейная промышленная выставка «25 лет Польской Народной Республики», открытая в Москве на территории ВДНХ СССР.
9 июля на выставке побывала делегация Польской Народной Республики, возглавляемая членом Политбюро ЦК ПОРП, Председателем Совета Министров Ю. Циранкевичем.
Вместе с членами делегации ПНР на выставке были Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и другие советские руководители.
На снимке: Члены делегации Польской Народной Республики, руководители Коммунистической партии и Советского правительства осматривают экспозицию юбилейной промышленной выставки «25 лет Польской Народной Республики».

Фото А. Гостева.

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ

Сорок пять лет Коммунистический союз молодежи нашей страны носит имя В. И. Ленина. Так решил VI съезд комсомола. Через 45 лет, 12 июля 1969-го, тысячи юношей и девушек, комсомольцев шестидесятых годов, пришли на Красную площадь, к Мавзолею В. И. Ленина. Торжественно прозвучала величальная в честь Ильича. Молодежь возложила к Мавзолею В. И. Ленина венок от молодежи и комсомольцев Советского Союза.

Фото А. Гостева.

ЛЕТ НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОСТУ

К шестидесятилетию Андрея Андреевича ГРОМЫКО

Кто бы решился в свое время предсказать, да что предсказать — просто подумать, что сыну крестьянина-бедняка деревни Старые Громыки Гомельской области будет суждено стать во главе дипломатической службы огромнейшей страны, которой принадлежит ведущее место в современных международных отношениях?
Октябрьская революция выдвинула к руководству страной немало талантливых людей из народа. Впервые на дипломатическую службу, куда прежде допускались избранные представители титулованной знати царской России, пришли люди, направленные партией, пришли люди из народа, для того чтобы трудиться на благо людей, во имя великого дела построения коммунистического общества.
Андрей Андреевич Громыко принадлежит к поколению советских дипломатов, которые начинали работу в конце тридцатых годов. До того как он вступил на дипломатическое поприще, он успел узнать крестьянский труд, был плотогоном, учился в институте, в аспирантуре, работал в системе Академии наук СССР, преподавал. В Народный комиссариат по иностранным делам А. А. Громыко пришел тридцатилетним научным работником-экономистом.
В 1943 году американскую печать взволновала сенсация: русские назначили послом в Вашингтон человека, которому всего... 34 года! В рамки традиций западной дипломатии это просто не умещалось. В такое время (идет война!), в такую крупную страну (важность поста посла в США очевидна каждому!) едет молодой, в общем мало известный дипломат.
Нового советского посла узнали и оценили быстро, как впоследствии так же быстро стали отдавать должное его способностям и дипломатическому искусству на посту министра иностранных дел. Недавно министр иностранных дел одной из крупнейших держав заметил: «Чтобы вести переговоры с Андреем Громыко, нужно тщательно готовиться к каждой беседе. Но и тогда не знаешь, что вдруг достанет этот человек из кладовой своей памяти».
Глубокие знания международной обстановки, истории, экономики, редкостная память на факты, события, трудолюбие — это личные качества А. А. Громыко, которые известны каждому, кто с ним знаком или кому приходилось с ним вести дела на международной арене. И все свои способности, опыт и силы он отдает служению Советской социалистической Родине, претворению в жизнь внешней политики Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства.
Имя А. А. Громыко связано с важнейшими внешнеполитическими событиями нашего времени. Достаточно сказать, что он — участник Ялтинской и Потсдамской конференций, на которых закладывались основы послевоенного устройства в мире. Советское правительство доверило А. А. Громыко принять участие от имени Советского Союза в разработке одного из крупнейших документов современности — Устава Организации Объединенных Наций. В сложной системе международных отношений надо было найти то, что позволяло бы наладить послевоенное сотрудничество государств с разным общественным строем.
Советской делегации на этих переговорах пришлось немало потрудиться, чтобы в Уставе ООН нашли отражение идеи о мире и дружбе между народами, о мирном сосуществовании государств, о борьбе против агрессии и войны. Позиции делегации СССР при разработке Устава ООН и создании Организации Объединенных Наций были особенно сильны и прочны, так как она выступала от имени Советского Союза, несшего на своих плечах основную тяжесть борьбы против гитлеровского фашизма, так как она последовательно проводила политику дружбы и сотрудничества между народами, завещанную В. И. Лениным.
На постах постоянного представителя СССР в Организации Объединенных Наций и в Совете Безопасности, посла СССР в США, затем в Великобритании, заместителя министра иностранных дел, первого заместителя министра иностранных дел, министра иностранных дел А. А. Громыко проводил и проводит линию Коммунистической партии Советского Союза, последовательно отстаивает дело мира, интересы нашей социалистической страны.
Член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР Андрей Андреевич Громыко ведет еще и значительную научную работу. Он — доктор экономических наук. Его перу принадлежит ряд книг и статей. Под редакцией А. А. Громыко выходят «История внешней политики СССР», «История дипломатии», «Дипломатический словарь».
Профессия дипломата, как утверждают, накладывает на человека печать сдержанности, скупости на слова. Но собеседнику подчас А. А. Громыко представляется с неожиданной стороны: профессиональный разговор сочетается с неподдельным юмором, перемежается литературными сравнениями, примерами из области искусства, ссылками на свидетельства очевидцев давно минувших событий. Все это говорит об эрудиции человека.
...На последней сессии Верховного Совета СССР А. А. Громыко выступал с докладом «Вопросы международного положения и внешней политики Советского Союза». В этом докладе он сказал: «Советский Союз твердо и последовательно выступает за мир на земле. Он проводит и будет проводить политику дружбы между народами — ленинскую внешнюю политику».
Видным представителем советской школы дипломатии, осуществляющей эту политику, является А. А. Громыко, которому сегодня исполнилось шестьдесят лет.

К. РУНОВ

Первый секретарь ЦК ПОРП Владислав Гомулка выступает на пленуме Польской объединенной рабочей партии с докладом об итогах международного Совещания коммунистических и рабочих партий.

Фото Интерпресс.

Войцех ГЕЛЖИНСКИЙ

СЛУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ

Обычно в задачу репортера не входит подведение исторических итогов, он не занимается обзором пути, пройденного нацией за четверть века. Репортер призван отражать день сегодняшний и преддверие завтрашнего. Тяжелую артиллерию статистических таблиц и специальных исследований он использует лишь для того, чтобы выловить самые интересные — не обязательно самые важные — точки соприкосновения с текущими делами.

Но круглая дата — 25-летие народной Польши — побуждает даже репортера, живущего по роду профессии сегодняшним днем, к воспоминаниям и раздумьям.

На память приходят два освобождения, которые я пережил в маленькой деревушке Кобылце под Варшавой. Два, потому что первый танковый удар Советской Армии, когда в последние дни июля 1944 года здесь была прорвана линия фронта гитлеровцев, был отбит. Шесть долгих, как полярная ночь, недель непрерывной борьбы, непрекращающихся атак и контратак и, наконец, освобождение. Первого советского солдата, вбежавшего в землянку с криком: «Выходите! Немцев уже нет!»,— звали Саша, он был из Закавказья, на вид ему было лет семнадцать. Саша, хлеб с тушенкой и «Темная ночь» — вот три первые ассоциации, когда я вспоминаю день возвращения свободы...

Прошу прощения за то, что я не могу уйти от личных переживаний, когда размышляю на темы, заключающиеся в словах «освобождение», «восстановление», «социальные перемены»...

Восстановление Варшавы... Как рассказать о нем тем, для кого в Варшаве всегда — сколько они помнят — была Площадь Конституции, солнечные блики Жолибужских садов, и Старе Място, и силуэт Дворца культуры, неотделимый от панорамы города? Как представить им прошлое, как оживить в их воображении облик мертвой Варшавы, который для многих теперь — это иллюстрации школьных учебников, а не часть *живой* истории, как для меня и моих ровесников?

Каньоны дотла сожженных улиц. Груды обломков высотой в несколько метров. 90 процентов левобережной Варшавы в руинах. Лишь на окраине, среди бездорожья и сорняков, хатки довоенных бедняков, бараки безработных, норы бездомных. Остальное — пожарища.

Но на этих пожарищах — поверят ли они этому? — с первых дней освобождения прорастала жизнь, начиналось восстановление. Первая столовая работала в обгоревшем трамвае. Городской транспорт заменяли несколько конных подвод. За водой ходили к Висле. Но уже тогда в Варшаве было сто тысяч населения. Люди вернулись из скитаний. Жили в подвалах и развалинах. Спасались от холода, сжигая остатки мебели.

Наверное, стоило бы оставить несколько зданий в том состоянии — память на вечные времена. Но в размахе восстановления, в благородном соревновании «двоек» и «троек» каменщиков, бивших рекорды по кладке кирпича на глазах восхищенных болельщиков, об этом както забыли. Жаль. Сегодня те, кто посещает нашу прекрасную столицу, с явным недоверием слушают слова экскурсоводов: «Здесь ничего не было... Здесь тоже... А там одни развалины...»

Интеграция воссоединенных земель... Тема эта заслуживает национальной эпопеи. Всего за два года польский народ, потерявший в войне свыше 6 миллионов граждан, дал западным и северным воеводствам несколько миллионов переселенцев: репатриантов из-за Буга, крестьян, испокон веков бедовавших по окраинам перенаселенных земель малой Польши, горняков — реэмигрантов из Франции, Бельгии и Вестфалии, жителей сожженных городов центральной Польши. Земли, возвращенные Польше после многовекового немецкого господства, были полностью опустошены гитлеровскими ордами. Во многих повятах не было ни *единой* животины, промышленность была разрушена, транспорт полностью парализован, а в полях и на дорогах лежали десятки миллионов мин и неразорвавшихся снарядов. Американское командование, захватившее план немецких минных полей, передало его польским властям лишь в июне 1947 года, то есть *уже после окончания* основных работ по разминированию. В результате этого военные кладбища в Бжеге, Яворе и многих других силезских городах пополнились новыми рядами могил саперов; в один из последних дней их работы погиб капитан Иванов, командир 3-й роты 30-го батальона, советский специалист, временно откомандированный в польскую армию. Для саперов война длилась значительно дольше 9 мая 1945 года.

Ныне на западных землях проживает больше поляков, чем когда-либо немцев. Районы эти, слаборазвитые до войны, заброшенные в третьем рейхе, оставляемые в массовом порядке населением, искавшим более легкого хлеба над Рейном, в Вестфалии и Саксонии, стали ныне одной из главных баз польской промышленности. Здесь действует крупнейшая в республике электростанция — Турошув, а также судоверфи Гданьска и Щецина — одни из крупнейших в мире; здесь, на вроцлавской фабрике «Эльвро», молодые инженеры конструируют отличные вычислительные машины; это польские геологи нашли богатейшее в Европе месторождение медных руд под Любином. Образовалось новое, молодое, энергичное общество. Статистики открывают поразительную вещь: в 1947 году население Вроцлава на 40 процентов состояло из вчерашних крестьян, а на 43 процента — из вчерашних жителей маленьких, полусельских городишек. Несколько лет спустя Вроцлав вырос в третью (после Варшавы и Кракова) научную и культурную столицу Польши.

Индустриализация... Я был свидетелем рождения не одной крупной стройки: Новой Гуты,

---

Стальное сердце Познани

Стефан КОНОПИНСКИЙ, польский журналист

Так было с незапамятных времен. Спросите старейших жителей Познани, и они подтвердят: три раза в сутки отмеряют время гудки завода «Г. Цегельский». Бывало, что гудки раздавались и в неурочное время. Тогда в городе делалось неспокойно, в полутемных флигелях рабочих кварталов хлопали двери, а женщины говорили: «Слышишь, наши, вероятно, снова бастуют...» За белыми занавесками мещанских особняков появлялись испуганные лица: «Опять эта голытьба чего-то хочет».

Заводские гудки всегда определяли ритм жизни города, этапы его истории.

* * *

В первые месяцы после войны здесь с трудом собрали несколько паровозов из тех, что не успели угнать гитлеровцы. А гильзы от артиллерийских снарядов использовали для производства... кастрюль и сковородок. В 1958 году состоялись торжественные проводы последнего паровоза, построенного на заводе «Г. Цегельский». На нем был проставлен номер «1.752». Для сравнения отметим, что за все межвоенное двадцатилетие их было построено всего 354. За годы народной власти из ворот завода вышло около 6 тысяч пассажирских вагонов — в 20 с лишним раз больше, чем до войны. Станки, производство которых тогда только налаживалось, занимают сегодня третье место среди изделий завода. При Пилсудском на предприятии работало четыре с половиной тысячи человек, а теперь — 17 тысяч.

В подвергшихся коренной реконструкции цехах «Г. Цегельского» делают сейчас и судовые двигатели, ведь наша республика считается одним из крупнейших мировых экспортеров кораблей. Завод в Познани — главный производитель судовых двигателей в Европе, а во всем мире уступает только Японии. Его продукция хорошо известна советским морякам, плавающим на судах, построенных на польских верфях. Польские дизели устанавливают на корабли, сходящие со стапелей в СССР. 80 процентов выпускаемых на заводе главных двигателей, а также агрегатных и вспомогательных экспортируются в Советский Союз. В страну Октября отправляются семь из десяти построенных здесь пассажирских вагонов.

— Что означает для завода сотрудничество с СССР?

Инженер Веселовский, заместитель технического директора, говорит, что Советский Союз — импортер солидный. Он заказывает судовые двигатели, образно говоря, «пачками» — по нескольку десятков одного типа и на несколько лет вперед. СССР — не просто заказчик, заинтересованный в быстрых поставках, но и взыскательный партнер, требующий современных изделий все лучшего качества. Вот сейчас директор предприятия находится в Москве. Командировка связана с поставками на 1969—1971 годы. Эти поставки предопределяют темпы дальнейшего роста завода.

Секретарь парторганизации Зенон Яськовяк уточняет: тот уровень технического мастерства, которого добился коллектив предприятия, был бы, например, немыслим без собственного техникума.

Плоцка, Пулав, Рыбникского округа, Тарнобжега, определяющих сегодня экономическую географию страны. Сталь, нефтехимия, азотные удобрения, коксующийся уголь, сера, медь... Как кратко показать — не в цифрах — величие этого труда, начинавшегося всегда одинаково: хаос земляных работ, путаница разъезженных грузовиками дорог, неразбериха деревянных бараков для кочующих с места на место строительных бригад, шумовой аккомпанемент экскаваторов и бульдозеров? Цифры говорят: 14-кратный рост промышленной продукции по сравнению с 1938 годом. Современный темп прироста — около 8 процентов. Иными словами, каждый очередной год увеличивает продукцию польской промышленности почти на столько же, сколько до войны давала вся промышленность, все вместе взятые рудники и шахты Силезии, фабрики Лодзи, Варшавы и всех других центров.

Многочисленные экскурсии польских эмигрантов, несколько десятков лет проживших где-то за океаном, все с большим трудом находят фрагменты «настоящего польского пейзажа»: крытые соломой хаты, тихие деревянные села, отрезанные от мира. Но пришлось бы специально законсервировать для таких экскурсантов несколько деревень — как живой музей. Как быстро устарели прежние символы! Сегодня польская деревня — это электрифицированная, механизированная, хозяйственная, восприимчивая к науке и прогрессу, зажиточная деревня. Польские дороги — когда-то синоним бездорожья — сегодня асфальтовые шоссе, которым могут позавидовать западные автомобилисты.

Однако нам, полякам, ни на мгновение нельзя самоуспокаиваться. В наше время, как отметил Эдвард Герек, отступает не только тот, кто стоит на месте, но и тот, кто идет вперед медленнее, чем другие. Поэтому задачи, которые партия ставит перед Польшей на будущее, заключаются в трех главных положениях: развивать науку и технику, интенсифицировать хозяйство, крепить единство социалистических стран.

Впрочем, самоуспокоенность нам не угрожает. Человеческая психика так устроена, что достигнутое перестает быть необычным; когда мы спускали на воду первый в Польше океанский корабль «Солдек», небольшой и уже в момент рождения устаревший (а было это в 1949 году), вся страна переживала радостное возбуждение: мы становимся морской державой! Теперь тоннаж судов, которые мы строим ежегодно, в 200 раз больше, чем тоннаж «Солдека»,— и никто не выражает особого энтузиазма по этому поводу. Обычное дело: мы строим суда. Обычным делом стали также для молодежи бесплатная медицинская помощь, всеобщее образование, доступность высших учебных заведений, отсутствие безработицы, право на отдых и пользование культурными ценностями — одним словом, любое из крупных завоеваний социалистического строя. Просто это есть, таковы естественные права человека. С удивлением, как сказку, слушает молодежь о временах столь недавних, когда крестьянин и рабочий и не мечтали о высшем образовании, об отпуске и санаториях, о книге и театре, а считали себя избранниками судьбы, если имели постоянную работу и хотя бы маленькую каморку в доходном доме. «Революция запросов»,— говорят социологи о столь сильном среди молодежи стремлении к лучшей жизни, о потребностях, растущих быстрее, чем материальные возможности их удовлетворения. Отрицательное ли это явление? Не думаю. «Революция запросов», а также то, что я называю «бессознательной социалистической сознательностью»,— убеждение, что в нашей стране каждому работающему полагаются привилегии, неизвестные капиталистическому обществу,— составляют неотъемлемые черты жизни в социалистическом обществе. Обществе, целью которого — и не в каком-то отдаленном будущем, а целью, реализуемой ежедневно,— является именно служение человеку.

Это учебное заведение ежегодно оканчивают сотни будущих бригадиров, мастеров, руководителей участков. Лучшие из них поступают затем в вузы. Некоторые получают высшее техническое образование в институтах Москвы и Ленинграда. С дипломами советских вузов вернулись, к примеру, инженеры Межва и Соловей, вскоре к ним присоединятся их коллеги Пиорунек, Мрочек, Войцеховский.

Забота о молодых стала на «Г. Цегельском» традицией. Уже около десяти лет заводская организация Союза социалистической молодежи устраивает ежегодно конкурсы рационализаторов, шефствует над семью общественными конструкторскими бюро, над заводским техникумом. Молодые рабочие активно участвуют во Всепольском турнире молодых мастеров техники. В 1967 году заводские новаторы позволили коллективу сэкономить более полумиллиона злотых, в прошлом году — более 1,3 миллиона.

АПН — Интерпресс

Варшава

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЛОВО ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ

ПОБЕДА ЕДИНСТВА

Игнацы КРАСИЦКИЙ

Уже в начале Совещания коммунистических и рабочих партий, в выступлениях Леонида Брежнева, Владислава Гомулки и других ораторов были намечены реальные перспективы мира, обеспечиваемого коллективными усилиями международной общественности, не только коммунистами, не только силами, которые активно участвуют в борьбе с империализмом, а всеми людьми доброй воли. Этот факт ободряет и вселяет оптимизм. Он является стимулом к тому, чтобы поддержать призывы Совещания, обращенные к мировому общественному мнению, и одновременно в духе мирного сосуществования сформировать отношения между Востоком и Западом.

Я хочу обратить внимание на тот факт, что успеха Совещания не предполагала ни одна буржуазная газета. Западная пресса слишком поспешила со своими выводами. Но именно в этом скрывается нечто большее, и не только тенденциозность, а злой умысел, искажающий объективную действительность.

Если вспомнить прогнозы многих известных в западном мире обозревателей, то можно заметить, что в основе их лежит общая тенденция, выходящая за рамки того или иного субъективного мнения. Эта тенденция была выражением глубокого и принципиального явления, а именно: классовой ограниченности и неспособности объективно разобраться в сущности процессов развития мировых социалистических сил.

Именно эти классовые предпосылки рождают у наших противников неумение отличать основные проблемы от второстепенных, постоянные — от случайных, несмотря на то, что политические итоги Совещания настолько конкретны и определенны, что их может понять каждый — независимо от того, является ли он другом или недругом прогресса.

Обозреватели всех политических оттенков заметили, что в ходе Совещания, которое продолжалось с 5 по 17 июня в Москве, даже те сравнительно немногочисленные делегации, которые высказывали более или менее существенные оговорки к проекту Документа, говорили о необходимости единства действий.

Поэтому несогласие некоторых с той или иной формулировкой Документа не затрудняло работы Совещания, не углубляло противоречий, так как все обсуждение велось в рамках широкой и свободной дискуссии.

Совещание не ограничилось повторением банальных истин и лозунгов о единстве, а на основе глубокого анализа современной действительности наметило перспективы борьбы с империализмом. Высказывания о характере этой борьбы были не всегда идентичны, ибо условия деятельности отдельных партий весьма разнообразны. Тем большее значение приобретают документы, принятые Совещанием.

В свете этого явления можно рассматривать конструктивную последовательность методов подготовки и проведения Совещания его организаторами и участниками. Как известно, это были методы взаимоуважения; работа, в ходе которой ни перед кем не закрывались двери.

Польская общественность с особым удовлетворением и гордостью приветствовала результаты московского Совещания. С глубоким удовлетворением, поскольку идеи мира и безопасности, сформулированные в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, полностью совпадают с интересами польского народа и государства. С немалой гордостью, ибо в подготовку Совещания внесла свой вклад и Польская объединенная рабочая партия. Предложения нашей партии на Консультативной встрече в Будапеште во многом способствовали созданию животворной атмосферы в Москве и в конечном итоге победе идей единства, которая стала очевидным фактом.

Польское общественное мнение полностью поддержало решения 3-го Пленума Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии, подтвердившие, что документы, принятые на Совещании, и выступление на Совещании товарища Владислава Гомулки станут директивными для деятельности Польской объединенной рабочей партии.

«Достижения московского Совещания,— сказал на Пленуме Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии товарищ Владислав Гомулка,— должны прочно войти в идеологический арсенал нашей партии и стать важным фактором воспитания ее рядов в духе пролетарского интернационализма и солидарности с освободительной борьбой трудящихся всех стран».

Польская объединенная рабочая партия, активно участвуя в подготовке к Совещанию и в его проведении, руководствовалась прежде всего заботой об усилении интернационального единства государств социалистической системы и мирового коммунистического движения. Участие в Совещании явилось для нашей партии еще одной возможностью к дальнейшему укреплению сотрудничества с Коммунистической партией Советского Союза и другими партиями социалистических стран, а также возможностью к проведению плодотворных встреч и бесед с деятелями братских партий из разных стран мира.

Сейчас, после Совещания, глубоко оправданная ходом событий историческая правота интернационализма, опирающаяся на нерушимую основу — могущество и сплоченность социалистического содружества, стала поистине общим достоянием всего коммунистического движения, руководством к действию для всех революционных сил.

И именно поэтому победа идей единства в Москве стала одновременно великой победой дела мира и прогресса на земле.

РОВЕСНИКИ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Николай **ПАСТУХОВ**,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

В одной из аудиторий Варшавского университета идут приемные экзамены по истории. Отвечает юная, голубоглазая абитуриентка Ванда Колишевская — дочь рабочего из Краковского воеводства. Она немного волнуется, но в ее ответах чувствуется широта познаний и увлеченность предметом.

— Не могли бы вы нам рассказать,— обращается к ней экзаменатор,— о времени появления Манифеста Польского комитета национального освобождения и его значении?

Будущая студентка радостно улыбнулась: вопрос пришелся ей по душе. Она сказала, что с рождением этого Манифеста связана одна из самых светлых и волнующих страниц польской истории. Напомнила, что на рубеже 1943—1944 годов в Варшаве была создана Крайова Рада Народова, которая призвала народ к борьбе за новую Польшу, что 20 июля 1944 года Советская Армия и сражавшиеся с ней плечом к плечу польские воины перешли границу на Буге. В освобожденных районах государственную власть взял в свои руки Польский комитет национального освобождения. 22 июля Комитет обратился к населению с Манифестом нового, демократического государства.

— С тех пор,— сказала в заключение Ванда,— день 22 июля отмечается в нашей стране как праздник национального возрождения Польши, праздник установления народной власти...

Для этой девушки Манифест, утвердивший четверть века назад на ее родине новую жизнь, стал уже историей. А для проректора Варшавского университета, доктора Витольда Ковальского, годы борьбы за новую Польшу — все еще сегодняшний день. Слишком свежи в памяти руины Варшавы и университета, поиски среди битого кирпича и стекла уцелевшего учебного оборудования, занятия со студентами в подполье... За такую деятельность фашисты расстреливали на месте. За время гитлеровской оккупации погибло около сорока процентов польских доцентов и профессоров. 22 июля вернуло жизнь Варшавскому университету. Он не только был восстановлен, но изменился и качественно — стал подлинным штабом науки социалистической Польши.

— Скажите, доктор Ковальский, в чем суть обновления Варшавского университета?

— Дело в том,— ответил проректор,— что в буржуазно-помещичьей Польше двери университета были открыты только для выходцев из привилегированных классов. Сейчас же мы принимаем преимущественно детей рабочих и крестьян.

— Какого вы мнения о студентах вашего университета?

— Самого наилучшего. Наших студентов отличают страстная тяга к знаниям, упорство, трудолюбие, высокая идеологическая вооруженность, подлинный интернационализм. Иногда можно услышать от людей старшего возраста, что во времена их юности молодежь была настоящей, а вот сейчас, видите ли, какая-то не такая. Это абсурд. Правда, появилось у нас, например, в марте прошлого года «грибковое заболевание», принесенное с Запада. Но к здоровому телу оно не пристало. Познакомьтесь с польскими студентами и молодыми специалистами, побеседуйте с ними, и вы сами убедитесь в правоте моих слов.

В эти июльские дни студенты Варшавского университета и других высших учебных заведений выехали на работу в подшефные промышленные предприятия и деревни, на практику. Как сообщают польские газеты, студенты не только работают в других городах, но читают лекции, доклады на самые острые темы дня, ведут массовую агитационную работу и выступают в театрах с самодеятельными спектаклями, завоевавшими в Польше большую популярность. Варшавский журнал «Польша» писал в эти дни, что «студенческий театр — самый чуткий, самый злободневный, новаторский, разрушающий шаблоны театр, молодежный по форме, серьезный и острый по содержанию».

Студенты Варшавы разъехались по стране... А что, если разыскать молодых специалистов, родившихся в памятный день — 22 июля 1944 года? Они, ровесники Манифеста, росли в новой Польше, и это, несомненно, наложило свой отпечаток на их жизнь, деятельность, духовные запросы и мировоззрение. Биография двадцатипятилетних — лучшее мерило всего того, чего добилась Польская Народная Республика.

С помощью друзей из польского агентства «Интерпресс» мне удалось узнать адреса Рышарда Стефаньского из городка Гарволин, что в сорока километрах от столицы, и Эльжбеты Свидерской, сотрудницы Варшавского торгового банка.

...Гарволин утопает в садах, за заборами зрелая, сочная черешня. Рядом с небольшими деревянными коттеджами высятся только что отстроенные современные дома.

Рышард Стефаньский работает в местной прокуратуре, но там мы его не застали, так как было обеденное время. Одна приветливая женщина помогла нам найти его в городской столовой. Высокий, подтянутый блондин встретил нас очень радушно и тут же, как старых друзей, пригласил к себе в гости. В пятиэтажном доме он снимает небольшую комнатку. Смущенно объясняет, что еще холост и ему самому придется сварить кофе.

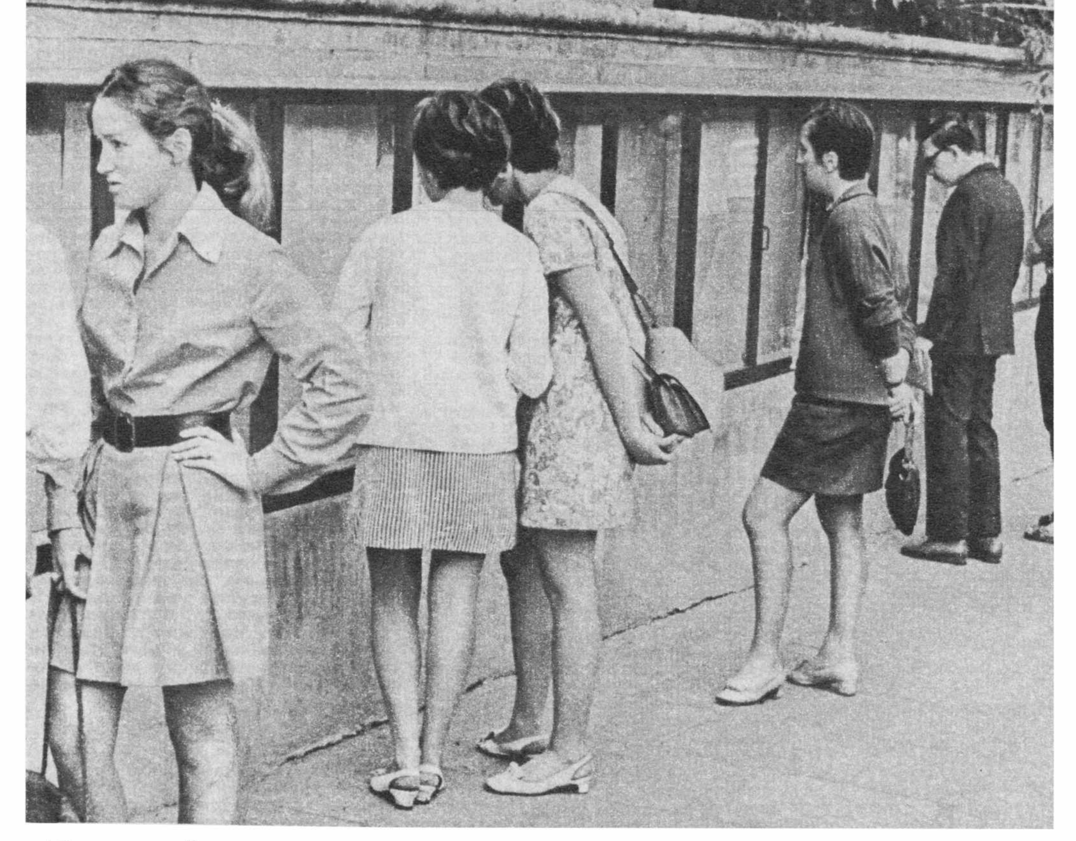
Рышард родился в деревне Мачеовица, которая находится всего лишь в двадцати километрах от Гарволина. Его отец служил капралом в польской армии. В 1939 году был ранен и инвалидом вернулся в деревню. Рышард появился на свет буквально за несколько дней до освобождения его деревни Советской Армией и Войском Польским. В доме Стефаньских останавливались советские воины. Они, как рассказывали родители, проявили большую заботу о новорожденном.

Народная власть ввела в стране бесплатное обязательное восьмилетнее образование. Окончив школу, Рышард успешно сдал вступительные экзамены на юридический факультет. В Варшавском университете вел большую общественную работу — внештатного инструктора районного комитета Союза социалистической молодежи Польши. В 1967 году защитил диплом и был направлен на работу в прокуратуру Гарволина.

— Как вы относитесь к своей профессии, Рышард?

— Я еще в школе мечтал стать юристом. Ведь правосудие в социалистическом государстве — это прежде всего один из рычагов воспитания людей. Помню, как-то в нашей деревне произошла драка, которая закончилась убийством. А из-за чего? Чья-то корова забрела на чужое пастбище. Вот тогда я и решил посвятить себя борьбе против пережитков старой Польши. Сейчас я лично вижу для себя профессиональную цель не в констатации преступления, а в его предупреждении.

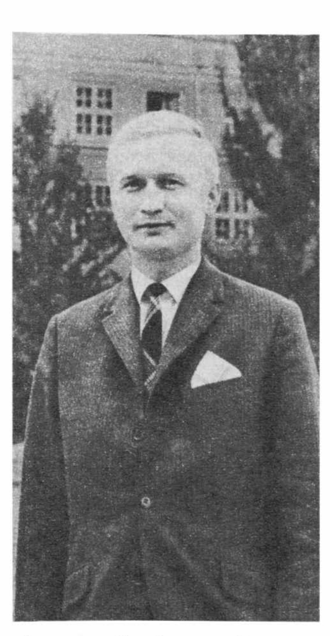
— Какую вы любите литературу?

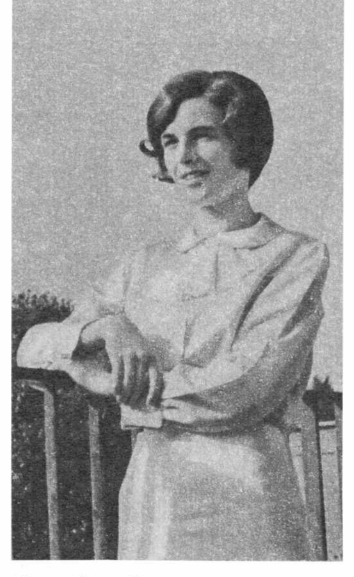
Абитуриенты Варшавского университета.

Доктор Витольд Ковальский.

Рышард Стефаньский.

Эльжбета Свидерская.

Совсем юные варшавяне. Им будет чуть более двадцати пяти, когда они встретят 50-летие Польской Народной Республики.

— И историческую и мемуарную.

— Вам нравятся иностранные фильмы?

— Советские и японские.

— Чем вы увлекаетесь?

— Сразу как-то трудно ответить. Вообще я увлекаюсь туризмом. Часто хожу с друзьями в горы, на озера. Очень хочу побывать в Советском Союзе и побродить по туристским маршрутам. Можно обратиться к вам с одной просьбой?

— Пожалуйста.

— Не могли бы вы передать через журнал «Огонек» привет и поздравление моим советским сверстникам, родившимся тоже 22 июля 1944 года? Почему бы нам не создать польско-советский клуб дружбы двадцатипятилетних?..

...Семья Свидерских живет в центре Варшавы. Мы застали дома Эльжбету и ее мать Кристину. Эльжбета родилась в небольшом городке Опатув, Келецкого воеводства. В этих местах гитлеровские войска оказывали упорное сопротивление Советской Армии. Шли тяжелые бои. Кристина с младенцем пряталась в подвале костела. Как-то она услышала с улицы русскую речь и поняла, что пришло освобождение. Изнуренная, с ребенком на руках, вышла на улицу. Советские воины оказали ей первую помощь и накормили. Кристина никогда этого не забудет и вечно хранит благодарность советским солдатам.

В 1948 году Кристина с дочерью переезжает в Варшаву. Как инженер-строитель, она участвует в проектировании трех сахарных комбинатов для Китайской Народной Республики. Один из этих комбинатов Кристине довелось строить в Кантоне.

— Когда мы сооружали в Китае сахарные комбинаты,— рассказывает Кристина,— Польша сама во многом нуждалась. Но мы считали, что выполняем интернациональный долг. Я встречалась в Кантоне с советскими специалистами и китайскими коммунистами. Мы жили тогда дружной семьей и все делили поровну. Что же сегодня натворили пекинские руководители? История им этого никогда не простит!

Но вернемся к Эльжбете. Она окончила среднюю школу и поступила в Варшавский институт планирования и статистики. Получила диплом с отличием. Вышла замуж. Ее супруг служит в Войске Польском. Сейчас они откладывают деньги, чтобы приобрести кооперативную квартиру и жить самостоятельно. Я задал Эльжбете несколько вопросов.

— Какое у вас самое яркое воспоминание детства?

— Оно очень печальное. В четырехлетнем возрасте меня привезли в Варшаву. На всю жизнь я запомнила зловещие руины города.

— Что вы читаете?

— Я очень люблю классическую польскую литературу и обожаю книгу Михаила Шолохова «Тихий Дон».

— Какую общественную работу вы вели в институте?

— Будучи членом Союза социалистической молодежи Польши, выполняла все поручения. Была ответственной за подготовку в институте выставки «СССР и космос». Собирала материалы для выставки в Советском посольстве и Обществе польско-советской дружбы.

— Увлекаетесь ли вы музыкой и танцами?

— Я бесконечно люблю Шопена и Чайковского и завидую своей двоюродной сестре Эльжбете Тарновской, которая сейчас оканчивает Ленинградскую консерваторию и предполагает принять участие в Московском конкурсе имени Чайковского. Танцевать я очень люблю. Особенно мне нравится «казачок».

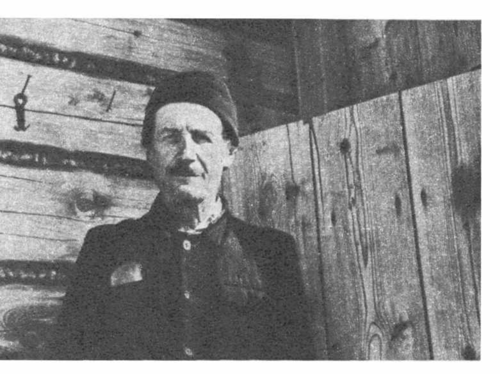
— Эльжбета, а что такое, по вашему мнению, счастье?

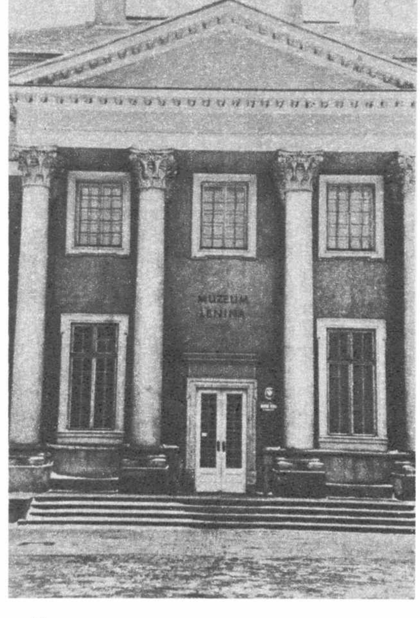
— Счастье? — сказала она задумчиво. Мне кажется, счастье — это родиться 22 июля 1944 года в Польше.

В разных городах живут Рышард и Эльжбета. Они никогда не встречались и, вероятно, не подозревают о существовании друг друга. Но общего у них, впрочем, как и у тысяч их юных соотечественников, очень много. Польскую молодежь объединяет ощущение полнокровного счастья, возможность свободно жить и творить в родной республике. Ровесники освобождения—нынешнее молодое поколение Польши — свято берегут завоевания, добытые их отцами четверть века назад.

г. Варшава, июль.

Франтишек Скупень.

В этом доме в Кракове находится Музей Ленина.

200 тысяч человек посещают ежегодно музей в Поронине.

В. ЛОБАЧЕНКО

Фото автора.

ПО ЛЕНИНСКИМ МЕСТАМ ПОЛЬШИ

КРАКОВ

Протяжный, мелодичный «хейнал» — горн Мариацкого собора — плывет над рассветными улицами древнего Кракова, над великолепной готикой его костелов и торговых рядов. Я иду вдоль аллей Плянтов — бульварного кольца, окружающего центр Кракова. Памятником стойкости горожан, не раз насмерть бившихся с иноземными захватчиками под его стенами, стоят выщербленные вражескими пулями и снарядами башенки седого Барбакана. Рядом монумент в честь советских солдат, павших при освобождении Кракова от фашистов.

Удар Советской Армии в январе 1945 года был настолько стремительным и мощным, что гитлеровцы не успели привести в исполнение свой план «тотального уничтожения» древнейшего и красивейшего из польских городов. Прямо на Плянты выходят корпуса старейшего в Польше Ягеллонского университета. В его библиотеке работал Владимир Ильич Ленин.

В июне 1912 года Владимир Ильич приехал по совету русского политэмигранта Сергея Багоцкого в Краков из Парижа. В письме к Максиму Горькому Ленин писал вскоре после прибытия в Краков: «ЦК поставил здесь бюро (между нами): близко граница, используем ее, ближе к Питеру, на 3-ий день имеем газеты оттуда, писать в тамошние газеты стало куда легче, сотрудничество лучше налаживается». В Кракове Ленин с головой уходит в партийную работу. Отсюда он руководит легальной большевистской газетой «Правда» и работой большевиков-депутатов IV Государственной думы, отсюда идут партийные инструкции организациям РСДРП.

Тихая краковская улица Любомирского (ныне улица Анджея Моджевского). У входа в дом № 47 (ныне 49) мемориальная доска: «В этом доме в 1912—1913 гг. жил Владимир Ленин». Отсюда Ильич ежедневно отправлялся на Краковский вокзал и опускал прямо в почтовый вагон — чтобы быстрее доходили — многочисленные письма и пакеты, адресованные в редакцию «Правды». В квартире на улице Любомирского в январе 1913 года под руководством Ленина состоялось известное Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, названное по соображениям конспиративного характера «февральским».

Владимир Ильич Ленин остался очень доволен своим пребыванием в Польше. «Краковская база,— писал он в письме к А. М. Горькому,— оказалась полезной: вполне «окупился» (с точки зрения дела) наш переезд в Краков». О деятельности Ильича в Кракове, о его влиянии на русское и польское рабочее движение рассказывает обширная экспозиция Краковского музея Ленина. «Мы готовимся к 100-летию со дня рождения Ленина,— рассказала работник музея магистр Барбара Заджицкая,— к юбилею завершим все работы по созданию новой, расширенной экспозиции о двухлетнем пребывании Ильича в Польше. Планы у нас в этом отношении немалые, да еще думаем оборудовать установку для использования кинолент и телевидения во время осмотра, чтобы дать посетителям наиболее полное представление о польском этапе жизни и революционной деятельности Ленина».

И еще об одном мне сообщили в музее: в Кракове в следующем, юбилейном году будет воздвигнут величественный памятник Ильичу из стали и бетона. Жители города уже собрали на его сооружение около 16 миллионов злотых. Сейчас в Кракове заканчивается конкурс на лучший проект памятника.

БЕЛЫЙ ДУНАЕЦ

Взбираясь с одного холма на другой, наша «Варшава» стремительно мчит все дальше на юг, к снежным пикам Польских Татр.

Прогрохотав по мосту через небольшую речушку — Белый Дунаец,— машина делает крутой разворот и останавливается у дома с надписью: «Дом-музей Владимира Ильича Ленина. 1913—1914».

Сейчас в доме, где жил летом 1913 и 1914 годов Ленин, сохраняется точно такая же обстановка, что существовала тогда. В столовой посредине тяжелый стол, красивый резной табурет, рядом буфет с разукрашенной гуральскими узорами посудой, в углу — лестница наверх. Именно в этой комнате проводил Владимир Ильич неоднократные совещания с членами ЦК РСДРП, принимал частых гостей из России, здесь проходило большинство заседаний исторического партийного совещания октября 1913 года. По крутой винтовой лестнице поднимаемся наверх, где Владимир Ильич Ленин любил работать. Здесь Ленин писал страстные, полемические статьи.

И в Белом Дунайце, и в Поронине, и в других деревнях по соседству живы еще люди, которые хорошо помнят Ильича. К одному из них — Франтишеку Скупеню — я направился. Я нашел его в кузнице. Меня встретил еще бодрый гураль в закоптелой, промасленной робе и вязаной шапочке. Приветливо поздоровавшись, пригласил в горницу. «Я хорошо помню Ленина, ведь было мне тогда 14 лет,— говорит Франтишек. Рассказывая, он выговаривает слова медленно, раздумчиво, как бы вновь переживая те далекие годы.— Владимир Ильич и Надежда Константиновна снимали несколько месяцев квартиру у моей матери Терезы Скупень и жили у нас летом и осенью 1913 года, а затем весной и летом 1914 года. Я был не по годам рослым и здоровым парнем и часто помогал Надежде Константиновне и ее матери Елизавете Васильевне, которая жила вместе с ней, по хозяйству — особенно когда Ленин уезжал по партийным делам. Ленин и Надежда Константиновна любили поговорить с местными крестьянами об их житье-бытье — оба они хорошо в то время изъяснялись по-польски. Живым, энергичным человеком был Ильич. Он очень любил дальние прогулки по горам. И еще,— добавляет Франтишек,— удивлялся я, как много книг он читает да сколько у него посетителей бывает. Ведь не знал я тогда, с каким человеком свела меня жизнь».

ПОРОНИН

От Белого Дунайца, где Ильич и Надежда Константиновна снимали квартиру, до Поронина рукой подать, всего километр, не больше. Через Поронин шла почта русских революционеров, отсюда в летние месяцы 1913 и 1914 годов отправлялись письма и статьи Ильича в газету «Правда», партийные инструкции. В Поронинском же сельском пансионе жили партийные работники из России, и Ленин ежедневно встречался с ними. В столовой пансиона, просторной, уютной комнате обсуждались важнейшие партийные дела. Сейчас здесь музей. В соседней комнате на бревенчатых стенах больше десятка картин. Все они написаны местными художниками, которые по рассказам старожилов, лично знавших Владимира Ильича, создали целую Лениниану. На столе массивная книга. Директор Поронинского музея Евгений Галицкий говорит, что это уже 20-я по счету книга отзывов посетителей, Вот запись делегации из Демократической Республики Вьетнам, из Чехословакии, Советского Союза, Болгарии, Франции, ГДР... И во всех — сердечная благодарность работникам музея, польским товарищам за бережное отношение к памяти создателя первого социалистического государства. Евгений Галицкий называет мне цифру — 200 тысяч: столько людей посещают музей ежегодно.

НОВЫЙ ТАРГ

Приземистый дом с толстенными каменными стенами в Новом Тарге сейчас мало чем напоминает тюрьму, куда по приказу австрийских властей в августе 1914 года доставили Владимира Ильича Ленина. После того как в Подгалье установилась народная власть, здание было полностью перестроено. Но, несмотря на все переделки, один уголок остался нетронутым — это камера, куда был заключен Владимир Ильич. В ней все, как 55 лет назад: сделанная из металлических труб тюремная койка, грубый дощатый стол, на который падает слабый свет из крошечного, зарешеченного оконца. Вход в камеру закрывает массивная дверь с несколькими тяжелыми коваными засовами. Но и они — такие прочные на вид — не смогли удержать Ленина надолго в заключении — через 11 дней после ареста австрийское правительство было вынуждено отдать приказ о его освобождении. О том, как русские и польские революционеры боролись за вызволение Ленина из тюрьмы, рассказывают документы и фотографии в Клубе юных друзей Ленина, который создан в Ново-таргском Дворце пионеров.

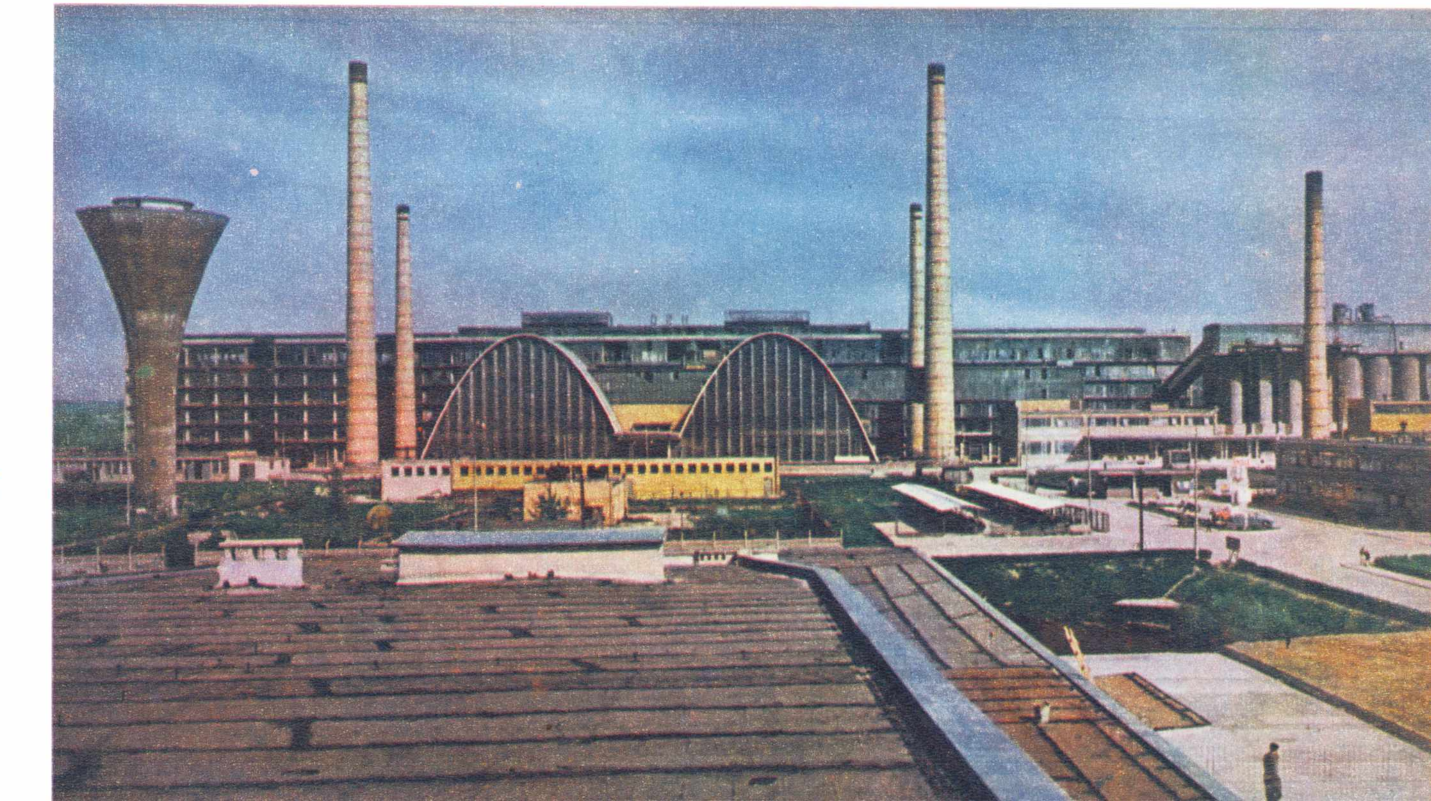
Редакция журнала «Огонек» выражает сердечную благодарность польскому агентству Интерпресс за помощь в подготовке оперативных материалов этого номера, посвященных 25-летию ПНР.

Здание Центрального Комитета Польской объединенной рабочей партии в Варшаве.

Жатва на полях Жешувского воеводства.

Сандомир (Келецкое воеводство) известен архитектурными памятниками XIII—XIV веков. Здесь находится и самая большая в Польше фабрика стекла.

Фото ЦАФ.

Долина Пяти озер в Польских Татрах — один из наиболее красочных горных пейзажей.

Щецинский порт.

Фото ЦАФ.

Виктор ЛЮБОВЦЕВ

Ему 43 года (на вид не больше сорока), профессия — металлург, призвание — Новая Гута. Казимеж Курашь открыл свое призвание в мае 1950 года, когда впервые пришел сюда, на широкие зеленые поля под Краковом. Это было через две недели после того, как строители начали закладывать фундамент первых цехов будущего металлургического комбината. Точнее, еще не комбината, а завода по производству железобетона — самого необходимого тогда материала на огромной стройке.

По соседству на месте бывшей деревушки Могила прокладывали улицы и возводили дома для строителей и металлургов. Казимеж Курашь жил в отцовском доме в пригороде Кракова и тратил «всего лишь» полтора часа на дорогу, чтобы к семи утра поспеть на стройку.

В семье отца — рабочего-трамвайщика — было девять детей. Двенадцать лет отец провел на чужбине, в Германии, куда уехал за работой и хлебом. 1939 год, сентябрьская катастрофа и оккупация застали семью в Кракове. Казимеж учился в школе, потом оккупанты закрыли ее. Семилетку он кончал уже в подполье, доучивался на так называемых «тайных комплектах» (школьных курсах), за посещение которых ученикам грозил концлагерь, а учителям — расстрел.

Потом пришел январь 45-го. Майор «Вихрь» и другие советские разведчики с помощью польских партизан предотвратили взрыв уже заминированного, приговоренного к смерти города. Сокровищница польской и мировой архитектуры, науки, искусства была спасена... Курашь помнит, как восторженно встречал город маршала Конева, первого почетного гражданина свободного Кракова.

Через день после освобождения Казимеж записался в рабочую милицию, потом надел военную форму. Тогда же, в феврале 1945 года, вступил в партию. Курашь колесил со своей частью по стране, добивая фашистов, разоружая банды националистов и предателей. Он очень гордился партийным поручением — вести политзанятия и читку газет в своем взводе.

На одном из таких занятий он зачитал призыв партии и правительства о всенародном участии и помощи в строительстве Новой Гуты — металлургического комбината под Краковом. В призыве была цифра, которая вызвала некоторое недоверие у слушателей: 1,5 миллиона тонн стали в год. Эта цифра превышала общую продукцию всех сталелитейных заводов довоенной, буржуазной Польши. Каким же огромным должен быть этот будущий комбинат? И кто построит его в разоренной и разрушенной стране? Откуда взять специалистов? И откуда железную руду?..

Солдат Казимеж Курашь не мог детально ответить своим товарищам на все эти вопросы. Он знал только, что без стали невозможна та социалистическая индустриализация страны, которая, по Ленину, является основой строительства нового общества. И знал, что советские друзья обещали помочь полякам в создании комбината, который станет главным звеном индустриализации. И еще он твердо верил в свою партию: если она сказала, значит, комбинат будет построен.

Так коммунист Казимеж Курашь опять оказался в родном Кракове. У 23-летнего парня не было еще никакой профессии. Он начинал чернорабочим на строительстве завода железобетонных конструкций. Отработав смену, оставался на партсобрании, или на каком-нибудь митинге (их было много в то время), или же на вечерних курсах для рабочих-строителей.

— Главное у него — упорство,— говорит о муже Янина Курашь.

Я сидел в их тесноватой, но очень уютной квартире в Новой Гуте. Это был первый город, который нанесла на карту свободной Польши народная власть. Недавно он отпраздновал свое двадцатилетие. И хотя Новая Гута считается частью Кракова и «причислена» к нему административно, это, конечно же, самый настоящий город. С собственной центральной площадью, кварталами и микрорайонами, со своим коммунальным хозяйством, гостиницей, стадионом, ресторанами, кафе...

Нас, советских людей, не удивишь видом большого современного города, который вырос в чистом поле, на месте нищей деревни с названием, говорящим само за себя,— Могила. И все-таки невольно чувствуешь какое-то волнение, вновь и вновь перебирая, разглядывая фотографии этой самой деревушки, снимки, сделанные всего лишь двадцать лет назад. Возможно, что когда-то именно здесь, по этим проселкам, утрамбованным тележными колесами и копытами лошадей, ездил на велосипеде Ильич, живший на краковской земле в 1912—1914 годах.

Сейчас здесь раскинулся город Новая Гута. Ни днем, ни ночью не умолкает мощное биение его сердца — комбината имени Ленина. На нем работает почти 30 тысяч металлургов, а еще несколько тысяч строителей расчищают площадки и закладывают фундаменты под новые корпуса. Это строится третья очередь комбината, которая в 1975 году будет давать около шести миллионов тонн стали. Сегодня он производит 4 миллиона 200 тысяч тонн — в два с половиной раза больше, чем планировалось в тот год, когда пришел сюда в выцветшей гимнастерке Казимеж Курашь...

— Нашу сталь знают во всем мире.— Он произносит это спокойно, без малейшего пафоса, как говорят о чем-то привычном, почти будничном. Он живет не тем, что уже сделано, а тем, что надо, что еще предстоит.— Ежегодно мы отправляем свою продукцию примерно в 50 стран, в том числе в США, Японию, Англию, Францию и другие высокоразвитые государства. Конечно, и в социалистические страны тоже. Прежде всего в Советский Союз, откуда мы получаем главное сырье — руду. Без нее, как и без огромной советской помощи в первые годы строительства, без постоянного, изо дня в день сотрудничества наших техников, инженеров вообще не было бы Новой Гуты!

Спокойные серо-голубые глаза моего собеседника оживляются, он жестикулирует и говорит громче, чем обычно.

— Так уж получилось, и я этому очень рад, что в самые главные моменты жизни я встречал советских людей. Помню вашего солдата, к которому я подошел в Кракове. Я не понял, что он мне сказал, но понял его веселую улыбку и запомнил вкус куска хлеба, которым он со мной поделился. И его имя запомнил: Андрей, или, по-нашему, Анджей... Потом я вместе с вашими хлопцами воевал против вражеских банд. Был такой случай под Люблином, когда мы три дня ждали помощи и отстреливались от бандеровцев, а есть было нечего. Три дня держались на воде и пели песни — ваши и наши... А когда я пришел строить Гуту, тоже встретил советских друзей — монтажников, техников, экспертов. Это так говорится — «эксперты», а ведь они вкалывали вместе с нами, и тоже недосыпали, и помогали, как могли... И водку мы пили вместе, когда праздновали пуск первой домны, первого мартеновского цеха, первого коксохимического завода. Ребята что надо! И руки у них золотые и сердца...

Потом он показывает мне свои дипломы. Мастера-строителя, полученный после окончания вечерней школы при комбинате. Еще один — диплом мастера по химической аппаратуре. В то время, в 57-м, он уже перешел работать на коксохимический завод и одновременно учился на заочных курсах. Сдал все экзамены на пятерки: ведь бригадиру, да еще такого важного участка, как подготовка смеси для коксовых батарей, негоже ударить в грязь лицом.

Но и этого Казимежу показалось мало. Сейчас он снова учится, заочно, конечно. Перешел на второй курс заводского техникума.

— Как вы все успеваете?

Казимеж только машет рукой.

— Трудно, а что поделаешь? Учиться-то надо. Аппаратура становится все сложнее, комбинат растет, да и положение обязывает: депутат сейма, каждый месяц бываю в Варшаве, выступаю в парламенте от имени Новой Гуты.

Я держу в руках депутатскую красную книжечку. Сейм ПНР. Высший орган государственной власти в 32-миллионной стране. Казимеж Курашь впервые стал его депутатом четыре года назад. Недавно, 1 июня, его избрали вторично. Это — особое доверие. Значит, Курашь хорошо представляет в сейме свой город и весь коллектив металлургов Новой Гуты. Первой и самой большой польской стройки социализма.

Станислав ЗЕЛИНСКИЙ

Рисунок И. ПЧЕЛКО.

Польский писатель Станислав Зелинский родился в 1917 году.

В литературе дебютировал в 1948 году сборником рассказов «Дно миски», позднее появляются его повести «Последние огни», «Еще Польша...», «Красные и золотые» и «Перед рассветом».

За прозаические произведения, посвященные периоду войны и оккупации, писателю присудили Государственную премию.

ЧЕРНЫЕ ТЮЛЬПАНЫ

Кончается день. Все окружающие предметы как бы округлились, очертания их стали мягче. Из углов к белым еще окнам поднимается полумрак. Смешиваясь с табачным дымом, он медленно наполняет комнату плотной, осязаемой мглой. Вот-вот на улицах зажгутся фонари. Сумерки.

Вы замечали, что сумерки всегда располагают к рассказам?

Так было и в тот вечер, когда трое мужчин, сидя в отодвинутых от стола креслах, молча курили.

— Сумерки — любимое время для рассказчиков. Такое вот состояние природы возбуждает воображение не хуже вина,— сказал один.— Мне рассказывали разное — и коротко и длинно, интересно и скучно, но большинство всех рассказов слышал я вот в такие предвечерние часы.

— Рассказы...— прервал его другой.— У меня на это не часто хватает времени, даже сумеречного. Жизнь протекает быстро. И все эти воспоминания, именуемые рассказами, всего-навсего шаблоны, потерявшие смысл и значение происходившего. Все мы в своих воспоминаниях повторяем одно и то же растроганным голосом...

— Это напоминает мне...— сказал третий.

— Ты хочешь говорить о шаблонах?

— Почти. Что бы ты сказал, прочитав такую фразу: «Мы подружились на обломках немецкого фашизма».

— Очередной шаблон. И потом, что за манера на вопрос отвечать вопросом! Ну, ладно, говори, мы слушаем, ответственность за рассказ ложится не на тебя, а на сумерки.

— Это было в ресторане гостиницы несколько лет назад в одном из советских городов. Поужинав, я пил вино и курил сигарету за сигаретой, стараясь вспомнить, где я видел человека, сидящего за столиком напротив. Два русских офицера, тоже закончив ужин, допивали коньяк, закусывая яблоками. Один из них с множеством орденских планок на груди казался мне знакомым. Я рылся в памяти, в самых сокровенных уголках ее, стараясь вспомнить, где мы могли встречаться, но не находил ответа.

Я уже решил расплатиться с официантом и отправиться спать, когда один даже не осознанный мною жест или выражение лица офицера помогли памяти.

Я подошел к столику русских и спросил, носил ли он когда-нибудь бороду. Я задал этот вопрос дважды. И пытался задать его снова, но по мере того, как я говорил, а мне не приходится хвалиться знанием русского языка, выражение удивления на лице моего офицера сменилось дружеской улыбкой. Он встал, широко раскинул руки для объятия и сказал, обращаясь к своему соседу:

— Это мой друг! Мы подружились с ним на обломках немецкого фашизма.

Мы расцеловались со свойственным славянам радушием. А потом на столике появилась еще одна бутылка коньяка, и товарищ моего друга в продолжение всего вечера зорко следил за тем, чтобы не пустовала моя рюмка, да и их тоже. Поднимал бокалы за наше здоровье, за дружбу, и еще раз за дружбу, и еще. Подкладывал мне на тарелку яблоки, приговаривая:

— Чистый витамин — само здоровье. А теперь выпей. Чувствуешь? Коньяк подхватил витамины и разносит по всему организму.

— Ты только нас не подгоняй! У каждого свой темп,— сказал мой друг.— Хочешь послушать нашу историю?

Товарищ согласился.

И вот эта история, которая была рассказана в один из русских вечеров за коньяком и яблоками.

* * *

Начнем с тюльпанов. Комендант лагеря выписал из Голландии луковицы и приказал их посадить. Против длинного больничного блока насыпали высокую клумбу, похожую на могилу, потому что черная жирная земля была обильно пропитана кровью наших братьев.

В ту весну пунцовые, золотистые и иссиня-черные цветы буйно зацвели среди мучений, смерти и пустоты, царивших на голой, истерзанной земле нашего лагеря. Комендант, здоровенный детина, ходил вокруг клумбы и вздыхал, как влюбленная пенсионерка.

— Цветы! Тюльпаны!

Они действительно были хороши, эти цветы. И наверняка такого не было ни в одном лагере.

Гестаповцы, которые время от времени наведывались к нам за живым товаром для своих опытов, тоже вполне искренне восторгались тюльпанами.

Но вдруг цветы начали болеть. На тонких живых лепестках появились, словно бы язвы на больном, истощенном теле, ржавые пятна.

И цветы умеют тосковать по родине. Тюльпаны гибли. Сохли стебли, падали ниц чашечки цветов.

Комендант впал в отчаяние. Срочно были вызваны специалисты.

И вот как-то утром вместо работы на лесоповале мы получили другое назначение. Нашу команду направили на клумбу. Надо было аккуратно разгребать руками землю у луковиц и посыпать их порошком, очень напоминавшим пепел. При такой «тонкой» работе спешить нельзя, да мы и не спешили. До полудня сделали полдела. В это время немцам — караульному и садовнику (была и такая должность в нашем лагере) — подали обед, и они ушли со своими котелками, а мы поплелись в тощую тень больничного барака.

От голодной дремоты, которая словно бы липкой простыней сразу же обволакивает во время короткого отдыха, разбудил нас грохот и лязг подъехавшего тягача.

Через минуту мы услышали, как начальник больничного барака ругается на приехавших в неурочный час. Разве можно отрывать человека от обеденной трапезы? Грубый ответ, что-де приказ есть приказ и чтобы он катился со своим обедом ко всем чертям. Начальник обозлился и, выругавшись, тоже ушел в барак, хлопнув демонстративно дверью. А следом услышали мы лязг шестерен — вероятно, водитель тягача, отбросив борт «бульдога»[1] поднимал кузов, чтобы одним махом выбросить привезенный груз.

И тогда раздался страшный стон, словно бы охнул истязаемый болью человек. Человек-великан. Мы все как один, повинуясь одному желанию облегчить страдание этому человеку, кинулись на стон.

Тягач с «бульдогом» уже выезжал из ворот лагеря, а на клумбе, всю ее покрывая, среди больных цветов, сваленные в одну громадную кучу, лежали люди. Они были живы, у многих беззвучно шевелились губы, катились по щекам слезы, тяжело бились в тощих клетках ребер сердца. Лоскутья грязной зеленой одежды покрывали израненные тела.

[1] «Бульдог» — прицеп, самосвал.— Прим. перевод.

Я схватил под мышки первого бородатого длинного человека (когда-то он, вероятно, был сильным и красивым мужчиной) и совсем легко, так он был истощен, потащил к входу в барак.

— Прочь с этим!— брезгливо закричал начальник барака, выскочив на крыльцо.

— Послушай,— сказал я.— Погляди на тюльпаны. Что с тобой будет, если мы не уберем больных?

Он побледнел и отступил, давая дорогу. Мы успели внести в барак не больше десяти человек, когда раздался истерический крик:

— Ах, боже, боже! Мои тюльпаны! Это свинья Крапске подстроил! Сам захудалого цветочка не вырастил. О боже, боже! Бедные мои тюльпаны!— Комендант кричал, плакал, плакал настоящими слезами и разряжал одну обойму за другой, стреляя вслепую по вздрагивающим среди цветов телам...

Те, которых мы успели внести в барак, остались живы, их скоро перевели в соседний лагерь и отправили на работы.

А тех, с клумбы, мы закопали за лагерем, там уже много покоилось наших братьев.

Как-то прошел слух, что один из русских убежал. Охранник зазевался, и, прежде чем успел вскинуть автомат, беглец скрылся в лесу. Мне сказали, «ушел большевик с бородой» — тот самый, очень легкий и длинный, который был когда-то, вероятно, сильным и красивым мужчиной.

Наш комендант хотя и послал на поиски группу солдат, но приказал им вернуться через четверть часа. Беглец был из лагеря Крапске, и наш «цветовод» не мог простить ему обиды.

Беглеца не нашли. «Слабый человек без одежды и пищи не может далеко убежать, его все равно найдут, любому ребенку под силу привести его в полицию, любому псу легко найти его след»,— так думал я о «бородатом», работая с напарником на лесоповале.

Мы приступили к своей повседневной работе в лесу. Ленточной пилой распиливали сосны на метровые полена. Пила была острой, охранник не подгонял, лесник был занят мыслями о погибшем на фронте сыне, время проходило сносно... Внезапно я почувствовал на себе чей-то взгляд. Обернулся. Из зарослей на расстоянии нескольких шагов на меня смотрели испытующие глаза.

— Дай мне свой хлеб,— сказал я напарнику,— там большевик с бородой. Дай мне хлеб.

Я поднял шишку и как будто шутя забросил ее в большое дупло. Потом посмотрел в сторону чащи — глаза исчезли. Большевик понял.

Перед окончанием работы мне удалось спрятать в дупло несколько кусков хлеба, пару сигарет и коробку спичек. В течение недели мы наполняли лесной тайник пищей, табаком, а штатскую одежду закопали в песок. Я принес в лес бритву и маленький компас. Кто-то нарисовал план местности... И, наконец, через неделю я нашел в дупле нетронутый хлеб. «Большевик с бородой» двинулся в путь.

Мы съели свой хлеб.

Опершись о дуплистый ствол, я думал: «Дойдет ли? Такой долгий путь...»

Дошел. Вот и все, что хотел рассказать вам.

В комнате было уже совсем темно. После недолгого молчания кто-то спросил:

— А почему русский сказал: «Мы подружились на обломках немецкого фашизма»? Ведь война еще продолжалась.

— Да, но это уже было после Сталинграда. Так что же ты теперь скажешь о шаблонах?

Как справедливо говорится: слова все одинаковы, но смысл они приобретают в устах говорящего. И это делает слова хорошими и плохими...

Перевел с польского
С. Юрьев.

Станислав Ришард
ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ОТВЕТ

Прекрасна молния, и пламя,
когда горит светло и ясно,
и птицы в зареве и мраке.
А матери глаза вы видели,
когда они навеки гаснут?
Вы видели, как умирала
жизнь в Хиросиме,
в Нагасаки?

Хребет у нас
прямой и грубый —
умеем драться,
стиснув зубы,
умеем умирать
без шума.
И потому мы
жизнелюбы.
И потому
за красоту мы.

Укрой ее
рукою умной.

ДОМ

Был дом недалёко от Вислы,
на улице Пшемыслóвой,
обычный пятиэтажный
дешевый дом, не новый.

Было окно небольшое
над газовыми фонарями.
Там, бывало, сидел отец мой,
напевая «Красное знамя».

Бренчал на мандолине
вальсок «Порой ночною».
Вздыхала мама: «Ты лучше
поговорил бы со мною...»
Кипел картофель, лампа
мигала, прося керосину.
Отец из угла что-то буркал,
почесывая спину.

Читал он: «Призрак бродит
по Европе...» И вдруг большая
тень отца на стене вставала,
как памятник, вырастая.

Был дом недалёко от Вислы.
Мое сердце навек овислил,
сном опутал, как мглой росистой,
дом на варшавском Повислье...

Туда пришел я украдкой
взглянуть на окно то снова.
Нет там этого дома.
Нет там окна отцова.

Перевела с польского
М. Павлова.

Леопольд ЛЕВИН

У СЕБЯ

Поднявшаяся к жизни
Из развалин,
Из праха жертв
И зелья на руинах,
Ты в мир глядишь
Не бельмами пустыми,
А светлыми глазами
Новых зданий
И видишь:
Мост уступами крутыми
Уходит вверх,
Чтоб сразу перебросить
Свое стальное тело
Через Вислу —
Воспоминаний и сражений
Реку.
Как параллели и меридианы,
Лучи твоих аллей,
Проспектов, улиц
Встречаются
У площадей и скверов.
А между небом и землей
Балконы
Мир украшают
Пятнами цветными.
К тебе пробился я
Сквозь кровь и пламя,
Сквозь дым пожаров,
Стоны и терпенье,
Гул канонады,
Взрывы
И паденье
Тяжелых стен,
Сквозь мрак
Тюремных камер,
Сквозь ужас
Лагерей уничтоженья.
К тебе я шел
Тропою партизанской,
К тебе стремился
С ротою своею,
В стальных рядах
Прославленных дивизий,
Которые
Солдат в бою теряли
И каждый шаг свой
Орошали кровью.
К тебе я шел,
Хоть дом мой был повержен
И груды камня были там,
Где нынче
По вечерам опять сияют окна,
А нежный голос девушек
влюбленных
Мне песни матери напоминает.

С толпой юнцов
Иду
На Старе Място
И радуюсь,
Что молодежи нашей
Так полюбился
Этот древний рынок.
Вдыхаю с нею
Аромат столетий
И осушаю тост
За нашу юность.
Иду под сенью
Зелени весенней
Аллеей Уяздовской.
О мой город,
Мой город возрожденный,
Сделай милость —
Налей в глаза мне
Этой дивной сини,
Которою твое сияет небо!
Пусть эта синь
Останется со мною.

Шумит,
Поет
Над тихой Вислой насыпь.
В глаза насыпь мне
Звезд своих,
Варшава,
Тех звезд,
Которых позабыть не сможет
Твой блудный сын,
Когда судьба загонит
Его куда-то,
Под чужие звезды.

Какое счастье,
Ах, какое счастье —
С толпою плыть спокойно
Новым Святом,
Переходить
По белым переходам
Сумятицу,
Волненье,
Гомон улиц
И быть повсюду
У себя,
Быть
Дома!

Перевел с польского
Валериан Арцимович.

ЗАГАДКА • ПРОБЛЕМА • ОТКРЫТИЕ • ФАКТ

ТОЧКА ОПОРЫ

Академик Л. Ф. ВЕРЕЩАГИН, Герой Социалистического Труда

Не так давно ученые были потрясены открытием академика Л. Ф. Верещагина. Им и сотрудниками его института был синтезирован «король драгоценных камней» — алмаз, ставший теперь символом не только богатства, но и технического прогресса. И вновь сенсация: получен соперник алмаза, превосходящий его своими свойствами.

Что же это за камень? Как удалось его получить?

На эти вопросы наш корреспондент Ванда БЕЛЕЦКАЯ попросила ответить директора Института физики высоких давлений АН СССР академика Л. Ф. ВЕРЕЩАГИНА.

— Скажу честно, если бы мне дали задание разработать материал, обладающий более ценными свойствами, чем алмаз, я бы просто за это не взялся. Почему? Я никогда заранее не знаю, может ли научное исследование дать практические результаты. Для меня, ученого, подобные приложения всегда неожиданны и поэтому непредсказуемы. Однако я убежден, что если уровень теоретических работ достаточно высок и они проводятся широким фронтом, то рано или поздно (это обязательно!) появится возможность их практического применения. И эти приложения будут тем полезнее, чем выше теоретический уровень первоначально поставленных исследований.

Нежданные, негаданные плоды великого древа науки. Как часто поражают они своей щедростью! Где-то мелькнула идея, образовалась незаметная завязь. Вчера ученые раскрыли формулу строения вещества, а сегодня уже изменилась технология производства...

Подобным примером может служить создание нашим институтом совместно с Министерством станкоинструментальной промышленности СССР крупных камней из нового материала — эльбор. По своему составу он аналогичен углероду, из которого состоят и алмазы.

— В чем преимущества эльбора перед алмазами!

— Алмаз обладает прекрасным свойством, которое дало ему право называться «непобедимым камнем»,— твердостью. Однако если его нагреть до определенной температуры, то он теряет это свойство, опять превращается в мягкий графит. А между тем в современной промышленности режущим и шлифовальным инструментам приходится работать при чрезвычайно высоких температурах. У камней из

А. ХАРЬКОВСКИЙ

СКОЛЬКО ЛУН У ЗЕ

Разумеется, одна, стоит лишь взглянуть на небо.

Открытие польских ученых опровергает эту, казалось бы, очевидную истину.

В безлунную ночь можно увидеть своеобразное свечение неба, тянущееся клином в южную сторону по созвездиям пояса Зодиака. Это так называемый зодиакальный свет, на его долю приходится более двух третей яркости ночного неба. Полагают, что это солнечный свет, отраженный облаком пылинок, которое простирается от планет до самого Солнца. Итак, космос вовсе не пустота, в которой плавают крупные и мелкие небесные тела, в нем находится большое количество разреженного газа и пыли. Различная яркость разных областей ночного неба подсказывает, что распределены они, эти мелкие частицы, в космосе неравномерно.

Много ли такого вещества в окрестностях Земли?

Академик В. Г. Фесенков и независимо от него американец Ф. Уиппл обнаружили пылевую оболочку Земли. Для своего открытия советский академик проанализировал содержание никеля... в океанских отложениях. Он подсчитал, сколько частиц приходится на кубический километр, затем прикинул, сколько никеля выпадает на Землю из межпланетного пространства (это делается, исходя из яркости зодиакального света). Оказалось, в океан попадает вещества почти в сто раз больше. Откуда? Из пылевого облака, которое обволакивает нашу Землю,— больше ему неоткуда взяться.

— Но при чем здесь Луна? — спросите вы.

У Земли должно быть несколько лун — астрономы знали это давно.

Еще в XVIII веке математик Лагранж решил так называемую ограниченную задачу трех тел. Допустим, пылинка находится под действием притяжения Солнца и планеты. Приняв все орбиты круговыми, Лагранж обнаружил такие точки, где пылинка может оставаться сколь угодно долго. Это места равновесия, «гравитационные ловушки». Рано или поздно сюда должна собраться вся пыль, все камни, попавшие в зону притяжения планеты, и образовать естественный спутник. Но как его обнаружить?

Все наблюдения ученых за «гравитационными ловушками» в окрестностях нашей планеты остались безрезультатными. В чем причина? Быть может, спутники есть, но увидеть их мешают исключительно трудные условия наблюдения? Видимыми с Земли они могут стать лишь, когда находятся вблизи противосолнечной точки, а сама эта точка не располагается вблизи Млечного Пути. И ночь должна быть безлунной. Та-

Полиграфию невозможно представить без шрифта. И не случайно на открывшейся в Москве крупнейшей международной выставке «Инполиграфмаш-69» среди других достижений современной полиграфии показаны и новинки шрифтового хозяйства.

Этот репортаж — об одном из экспонентов «Инполиграфмаш-69», Московском шрифтолитейном заводе, представившем интереснейший экспонат — пластмассовые шрифты.

ПЛАСТМАССОВЫЕ АЗБУКИ

К. БАРЫКИН
Фото автора.

...Книга начинается с буквы. А буква берет свое начало здесь, в цехах этого завода. Затейливая вязь, готическая четкость, мягкие очертания букв славянского алфавита — все подвластно мастерам предприятия, выпускающего многие тысячи металлических и пластмассовых алфавитов.

Стройные,
отвесные и строгие,
из чистых линий
слаженные
буквы,—

как сказал Пабло Неруда в «Оде типографии».

Ежедневная программа — три с половиной тонны гартовых изделий. Вес одной, самой малой литеры — грамм. Зато крупная буква, заголовочная, идущая на обложку или рекламу, а то и для плакатов, потяжелее стограммовой гирьки. Буквы отливаются одна за другой — многими тысячами. Азбука за азбукой, алфавит за алфавитом.

Восьмикилограммовый гартовый брус разогревается, плавится, стекает на матрицы и под давлением оттискивается на них. Затем металлические буквы собираются в строки. Русские и бурятские, белорусские и калмыцкие, узбекские и ненецкие — ассортимент шрифтов, поставляемых этим заводом, весьма разнообразен. Отливают и рисунки — национальные орнаменты, линейки, бордюры. Но главное тут, конечно, буква. Ныне на заводе делают шрифты сорока различных гарнитур. Многие типографии страны получают их — разного размера, разного начертания. Над изготовлением шрифтов трудятся знающие люди. Среди мастеров — Василий Филиппович Мельников, он с че-

нового материала обратная температура перехода в 2 раза выше, чем у алмазов,— 2 тысячи градусов!

Кроме того, например, при шлифовке стали алмаз вступает в реакцию, что нежелательно. Новые камни более стойки, обладают большей химической инертностью.

— Что дает применение эльбора в промышленности!

— Станки с резцами на новых камнях обтачивают закаленную сталь! Это беспрецедентный случай в мировой практике. Ведь обычно стальные детали сначала обрабатывают, а потом закаливают. А из закаленной стали делают сами резцы...

Резцы из твердых сплавов работают 1—2 минуты, а новые, с эльбором, способны стоять без перезаточки почти час! Причем интересно, что при увеличении скорости резки инструмент изнашивается не больше, а меньше. И это не парадокс: ведь температура делается столь велика, что материал плавится, резец работает как в сливочном масле.

Обработанная поверхность детали удивительно чистая, хоть смотрись как в зеркало. Даже шлифовкой нельзя достигнуть такой чистоты обработки.

Точная стоимость экономии от применения эльбора пока не поддается прямому учету. Но одно ясно: получен материал, использование которого изменит технологию машиностроения, поставит нашу технику на новый уровень. Достаточно сказать, что эльбор даст возможность увеличить в несколько раз скорость обработки на всех металлообрабатывающих станках, что существенно повысит производительность труда.

Вот какие приложения вырастают из исследовательских работ «чистой» науки...

— Графит, алмаз, эльбор... В чем кроется различие их свойств!

— В строении. Например, если атомы углерода в кристаллической решетке вещества образуют шестигранную призму, то это будет мягкий графит, если куб,— то твердый алмаз. То, что новый материал имеет вдвое большую обратную температуру перехода, чем алмаз, тоже объясняется его строением.

Изменить строение вещества — задача очень сложная. Изменить — значит изучить вещество, проникнуть в его недра. Исследователи разных специальностей разными путями идут к решению этой задачи.

Я работаю в области физики высоких давлений, сравнительно молодой и чрезвычайно перспективной отрасли науки. Это не только интереснейший исследовательский инструмент для изучения физических свойств твердого тела в состоянии высокой плотности, но и мощнейший инструмент созидания.

«Дайте мне точку опоры, и я переверну мир»,— говорил Архимед. А мы сегодня скажем: «Дайте нам колоссальное давление, и мы переделаем мир, создадим по заказу человека такие полезные ему материалы, о которых пока даже нельзя мечтать...»

...Было время, когда ученые не мечтали о создании искусственных алмазов. Еще совсем недавно не думали о материале, режущем закаленную сталь. Теперь в институт приходят письма крупнейших фирм Запада с просьбой продать лицензии. Ведь подобного материала, представляющего собой подлинную техническую революцию, нет нигде в мире. И кто знает, какие еще практические плоды зреют в лабораториях института?! Их «точкой опоры» является тот широкий и глубокий научный теоретический уровень, на котором ведутся исследования.

МЛИ ?

кие комбинации случаются исключительно редко.

Чем массивнее планета, тем более заметный пылевой спутник способна она удержать на своей орбите. С появлением мощных телескопов астрономы усилили наблюдения за гигантом Солнечной системы — Юпитером. Поиски, опирающиеся на теории Лагранжа, увенчались успехом: у этой планеты были обнаружены два роя, две группы скоплений пыли и астероидов. Одним спутникам дали имена героев древней Трои, других назвали в честь греков, участвовавших в троянской войне.

Получилась странная ситуация: астрономы обнаружили спутники вблизи далекой планеты, но не смогли найти аналогичные пылевые луны вблизи Земли.

Когда двое польских астрономов профессора Витковский и Кордылевский занялись поисками «сестер Луны», в существование последних, казалось, уже никто не верил. «Положение Лагранжа не реализуется в окрестностях Земли,— уверяли скептики и отчаявшиеся,— вокруг нашей планеты пустота. Новые луны не из чего строить». Ну а как же быть с исследованиями ученых Фесенкова, Мороза и других?

Приступая к исследованиям, польские астрономы были уверены, что «сестры Луны» существуют: вещество в окрестностях нашей планеты обязательно должно собраться в «точках Лагранжа». Но почему же их не удается наблюдать? К. Кордылевский обратился к коллегам из ГДР, на Зонненбергскую обсерваторию. Немецкие астрономы прислали ему фотографию «точек Лагранжа» за последние 30 лет. Никаких следов твердого вещества. И тогда польские ученые поставили серию собственных наблюдений.

Пусть «точки Лагранжа» видны лишь с декабря по апрель и то три дня в месяц и то два часа в ночь. Пусть. Но нельзя же не увидеть спутники, находящиеся недалеко от нашей планеты, если межпланетные корабли уже летят к Луне!

Упорство польских ученых увенчалось блестящим открытием: им удалось сфотографировать целых три Луны. Вновь открытые спутники так же, как и наша Луна, имеют фазы — меняют блеск в зависимости от того, как они расположены относительно Солнца. Фазы их соответствуют фазам Луны, но запаздывают или соответственно опережают лунные на пять дней.

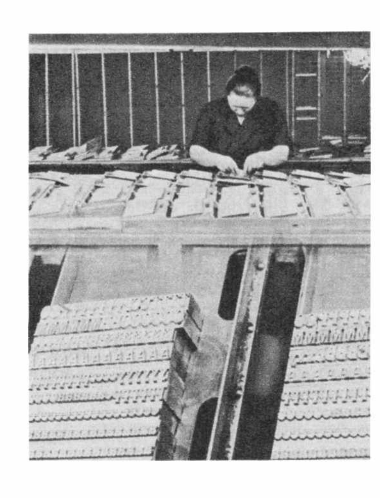
Диаметр каждого пылевого облака, вероятно, не меньше диаметра Земли. Однако они чрезвычайно разрежены: одна пылинка приходится на кубический километр. Наблюдения профессора Кордылевского не привели к обнаружению объектов ярче двенадцатой звездной величины. Это значит, что там отсутствуют тела с поперечником более 20 метров. Суммарная масса облака сравнительно невелика — 20 тысяч тонн.

Открытие Кордылевского и Витковского сейчас хорошо известно астрономам мира. Итак, у нашей Земли не одна Луна, а целых четыре — та, что мы все видим, и три пылевые ее сестры, видимые изредка в телескопы. Пылевые Луны находятся пока в стороне от орбит космических кораблей. Однако с прогрессом межпланетных сообщений их пути могут пересечься. Поэтому нам небезразлично знать, какие препятствия могут встретиться на космических трассах. Когда же в будущем люди начнут сооружать межпланетные станции, то «точки Лагранжа», возможно, станут тем местом, где эти станции могут устойчиво находиться почти вечно. И местный строительный материал может пригодиться: его не так уж много в космосе.

тырнадцати лет занят шрифтолитейным делом; почти пятьдесят лет назад начинал со словолитни. И молодая, но уже знающая свое дело до тонкостей резчица Евгения Александровна Сидорова. Каждый из них внес свой вклад в искусство шрифта. Мельников вместе с группой других специалистов разрабатывал пластмассовые шрифты. Сидорова отлично вырезает самые сложные по рисунку буквы. Ведь делают их не только из гарта — традиционного в полиграфии сплава. Русское свое название слово «буква» берет — так предполагают — от бука, широколиственного дерева, из досок которого когда-то вырезались страницы книг. Теперь-то, казалось бы, дерево в отставку уйдет? Однако на московском заводе и сейчас изготовляют буковые шрифты.

Выфрезеровывают и отливают буквы крупные, идущие на афиши, объявления, листовки. И роскошный «гранит» и «Кри-43» — новинку, названную по фамилии создателя Кричевского. Заказчики на такую продукцию не только типографии, но и театральные коллективы, торговые предприятия, рекламные конторы.

Есть на заводе и пластмассовые шрифты. За участие в их разработке группе работников предприятия выданы авторские свидетельства — пластмассовая композиция «АТ» и шрифт из нее признаны изобретением. Из тонны пластмассы можно получить такое же количество литер, как из 10 тонн гарта. Новые буквы не только легче гартовых, но и лучше их. Они дают во много раз больше оттисков, чем гартовые.

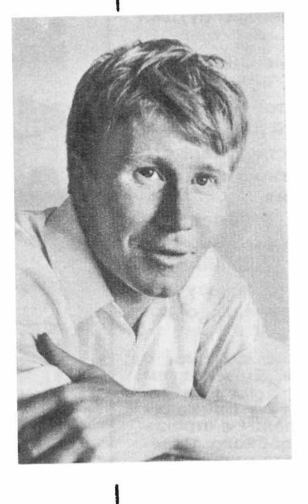

Букву за буквой, строку за строкой отливают из гарта.

А эти «В» — буковые.

Геннадий **МОРОЗОВ**

Рязанское раздолье

Молодой поэт Геннадий Морозов — уроженец города Касимова, Рязанской области. Он родился в первый год Великой Отечественной войны. Отец его погиб во время боев на Курской дуге. Четыре года Геннадий воспитывался в деревне Поздняково: мать и отчим в это время работали на Дальнем Востоке. В 1961 году окончил Касимовский индустриальный техникум и стал работать механиком на лесозаготовках. Позднее служил в геологической партии на Кольском полуострове и в Якутии.

Впервые напечатался в районной газете «Мещерская новь» несколько лет назад. Ниже печатаются стихи Г. Морозова, написанные в последнее время.

ЛЕСНОЕ ЦВЕТЕНЬЕ

В кругу корней,
капели, веток...
В кругу
ромашковых долин.
Живу в цветении
рассветном,
лесным цветеньем
не рани́м.
О поступь
утреннего свиста!
О посвист
птичьего пера!
Глаза
на веточках повисли
в раскрытой
радуге добра.

БЫЛИННОЕ

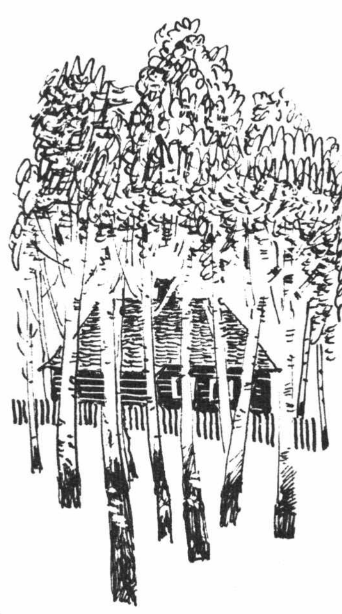
Мой лес — врачун,
мой лес — ворчун,
молчун
и чародей.
Вхожу в него,
как в добрый дом,
в котором
ждут гостей.
Я чту
его сосновый сон —
виденье мшистых
троп.
Дупляный трон,
корней полон,
круговращенье крон.
...Я с сосен
солнце отожму,
ополоснусь водой.
А лес трясет
над головой
зеленой бородой.
В нем есть
сусанинская стать
и Муромца Ильи...
И петь летят
и помирать
в Россию соловьи.

ОТЦУ

Отцом пятистенка срублена...
Отец у меня мастак!
Рукой тяжелющей, грубой
может сломать пятак.
Поет он протяжную, русскую.
И льется и плещется речь...
Про стежку-дороженьку узкую,
про то, как бы дух наш сберечь.
...Взахлеб да и всласть напьюсь я
янтарным, смолистым словцом.
Ой, веет как Древнею Русью,
ее синеглазым лицом!
И я поклоняюсь ей низко,
откинув пряди со лба...
Подобием обелиска
стоит отцова изба.

СОСНОВО

И я уеду навсегда
туда, где черная вода,
где сосен строй
и где тропой
проходит лось на водопой.
Где куст рябины над ручьем,
где пахнет небом и жнивьем,
а по утрам звенит вода,
гудят за лесом поезда.
Где щелкает кнутом пастух,
орет во всю гортань петух;
полощет женщина белье.
Где ночью звездно.
Днем бело.
Где на ершистые стога
слетают чистые снега.
...Я заберу тебя с собой.
Мне будешь небом, и землей,
и тишиной, и вышиной...
Везде и всюду надо мной...

НА ОКЕ

Живу в лесу.
Ока внизу,
а на пригорке дом.
Сосну рублю,
сосну пилю,
долбаю долотом...
Лесной уют,
лесной приют —
мой отдых и мой труд.
Здесь дятлы бьют,
здесь лоси пьют,
рогами рвут траву.

С зверьем живу,
с зверьем дружу,
открытой дверь держу.
А если я и ухожу,
то ключ не уношу.
Хожу игольчатой тропой,
беседую с кустом...
Кругом разлит
лесной покой,
и тишь,
и Русь кругом...

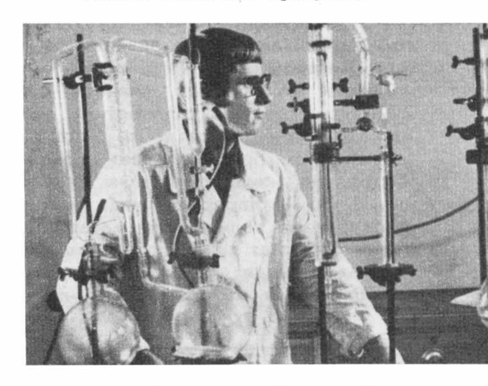
ОСЕННЕЕ...

...И улетел,
качаясь, лист.
И ветка вздрогнула,
качнулась.
И солнце тихо
повернулось.
Я увидал обратный лик
листа,
деревьев
и дождя...
Ручья и пня,
еловых игол...
Стоял я
под осенним игом,
заполоненный
светом дня.

Касимов, Рязанской области.

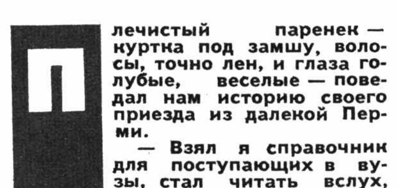
Инженер-технолог Хмельницкой фабрики химической чистки Зоя Михайловна Семенюк рассказывает студентам о таинствах этого весьма сложного процесса.

Студенты Владимир Казнадий и Любовь Евстигнеева в лаборатории общей химии.

Ан. СТАСЬ

Фото Н. Козловского.

Плечистый паренек — куртка под замшу, волосы, точно лен, и глаза голубые, веселые — поведал нам историю своего приезда из далекой Перми.

— Взял я справочник для поступающих в вузы, стал читать вслух, дошел до института в Хмельницком, а дед мой рядом сидит, прислушивается. И вдруг спрашивает: «Где ж такой город, Хмельницкий, расположен? Всю Украину проехал в седле, а что-то не припоминаю». Ну, а когда выяснилось, что это бывший Проскуров, дед просиял. «Знаю,— говорит,— бывал, там наш красноказачий полк беляков рубил. Поди ж ты, институт открылся... Городок-то был вроде захолустья».

Парень рассказывает и улыбается. Ему восемнадцать, и то, что город теперь называется по-иному, для парня факт несущественный. Не увидел он провинциального местечка, сохраненного памятью деда. Город предстал перед ним большим, с многоэтажными домами, с театром на площади, с разлетом широких улиц. Так вот, в этом самом городе, что ныне сильно изменился, вырос и стал столицей богатого края, Подолии, где хлеб выращивают миллионами пудов, а еще больше производят сахара, однажды на улице Фрунзе появилась вывеска: «Технологический институт бытового обслуживания».

Вот эта вывеска и привела нас в Хмельницкий. Еще в Киеве мы узнали о том, что до последнего времени специалистов по сервису с высшим образованием готовили только в Москве и во Владивостоке.

Первые шаги в Хмельницком, и сразу же приятная неожиданность. Мы заходим в кабинет ректора нового вуза, а нам навстречу поднимается мой товарищ еще комсомольских лет Семен Ганжуров. Я очень обрадовался. Что ни говори, если ректор — старый знакомый, задача твоя журналистская вроде упрощается.

— Не обольщайся,— сказал Семен Михайлович.— Дело новое, сам понимаешь, начинать всегда не мед. Так что на все вопросы немедленных ответов не обещаю...

Слишком долго наше представление о службе быта ограничивалось рамками брадобрейства да заплаты, наложенной на прохудившийся сапог. Ведь раньше почти не было и речи о том, что обслуживание — это многогранная отрасль и она немыслима без машины-автомата, счетно-решающе-

НА ПОДОЛИИ ИНСТИТУТ

го устройства, экономического анализа или, скажем, без химии. И без человека, умеющего создавать специальную технику и управлять ею.

Пока еще очень мало людей с высшим образованием работает в сфере обслуживания. В институте, которому от роду немногим более года, учится 720 студентов на стационаре и около 900 — на заочном и вечернем отделениях. Внушительный отряд! Предприятия, комбинаты бытового обслуживания скоро будут принимать в свой коллектив десятки специалистов с дипломами механиков, технологов, экономистов. Мы побывали в институте, когда там еще шли занятия.

Нам показывают лаборатории и учебные кабинеты. Студентки в белых халатах. Всеми цветами радуги переливаются реторты и колбы. На лицах юношей отблески пульсирующих вспышек электроламп. Множество замысловатой аппаратуры, приборов.

Переходим из комнаты в комнату. На дверях таблички: «Лаборатория промышленной электроники», «Физическая лаборатория», «Лаборатория технологии машиностроения и металлорежущих станков», лаборатории общей, органической, неорганической, аналитической и физической химии... Тут есть все, без чего не может жить технический вуз. Это мне так кажется. А Григорий Афанасьевич Лось, проректор по научной и учебной работе, математик, думает иначе.

— Представьте себе, что получится, если будущий агроном станет осваивать свое дело только на студенческой скамье, не зная запаха вспаханной земли и не видя поля. У нас не общетехнический факультет, наш институт имеет целевое назначение. Нам нужны специальные, если хотите, прикладные лаборатории. Наш студент обязан на ощупь определять качество выделки кожи, должен разбираться в искусстве моделирования и знать свойства тканей. Если все это постигается еще в вузе, тогда из института выйдет толковый технолог-швейник, подготовленный специалист по производству кожаных изделий... Пока таких лабораторий у нас, как видите, нет. В Министерстве бытового обслуживания населения нам обещают помочь оборудованием.

Руководители института озабочены и тем, что еще не хватает таких преподавателей, которые своим опытом, производственными навыками будут помогать студентам осваивать все с самого начала. Теоретическая база института прочна, тут работают 22 доцента и кандидата наук. Но специфика вуза своего требует. Очень нужны практики, знатоки организации службы быта, люди, любящие дело, которому посвятили свое будущее юноши и девушки из института на Подолии. В Хмельницком таких людей найти почти невозможно. Приглашать из других городов? Их и на стороне не густо. Как же быть? Этот вопрос один из тех, когда ректор отвечает мне: «Спросил бы ты что-нибудь полегче».

И все же выход искать придется. Этого требует жизнь, требуют сами студенты. Специфика института будоражит молодые умы, об этом говорят в общежитиях, спорят на переменах.

...На столе у Василия Людвиковича Збрицкого, декана механического факультета,— стопка анкет. Это студенты ответили на ряд вопросов, в том числе и на такой: «Нравится ли вам избранная специальность?» Судя по ответам, специальность почти всем по душе, но представление о том, как она «вписывается» в общую панораму службы быта, у многих весьма приблизительное.

Комсомол тоже распространил в институте анкету: «Почему вы избрали эту специальность». Я читаю короткие, лаконичные ответы: «Хочется, чтобы у людей было хорошее настроение»; «Я люблю шить, буду учить других»; «Сам удивляюсь»; «Избрать-то я избрала, но толком еще не знаю, что за специальность».

Мы беседовали на эту тему с будущими механиками, технологами, экономистами. Студенты охотно делились своими мыслями.

БОГДАН ЛЕВКИВ:— Родители пытались увлечь меня музыкой, я учился в музыкальной школе. Но любить музыку — это одно, а музыкантом быть — совсем другое. Платон Майборода из меня вряд ли получился бы. Мой дедушка был сапожником. А что? Хорошая работа, тонкая... Вот я и пошел в ателье, где шьют обувь. Два года поработал и решил двигаться по этой линии дальше, учиться. Наше предприятие послало меня сюда, в Хмельницкий технологический.

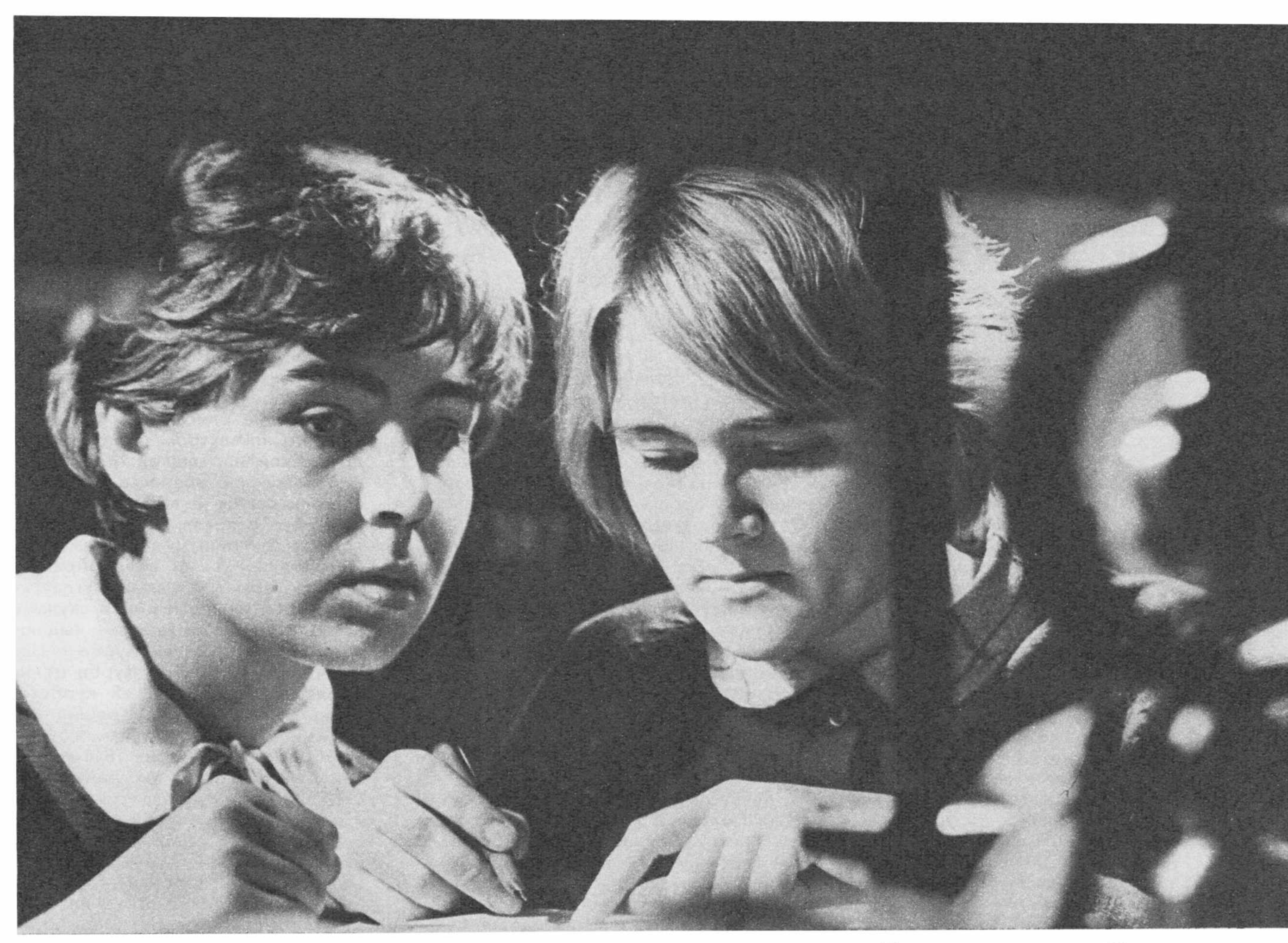
ЛЮБА МОРОЗ: — Знаете, что было толчком для моего поступления в этот институт? В нашем селе Чемеровцы, это тут, на Хмельниччине, строится большой Дом быта, комбинат. Закончу институт — буду просить, чтобы мне дали назначение на работу в свое село.

ВАЛЯ КОЗЛОВА: — Мне кажется, что химик-технолог — лучшая специальность, которую может дать наш институт. Наверное, я думаю так потому, что у нас в школе химию преподавала очень хорошая учительница, Софья Федоровна. Она сумела увлечь нас своим предметом. Словом, я будущий химик. Уверена, что для технолога работа найдется не только в химчистке.

ВАЛЕНТИН ДЕМЕШКО: — Я тоже на механическом. Специальность: машины и аппараты легкой промышленности. Так специальность и называется. Но почему легкой промышленности? Не совсем понимаю. Надо ориентироваться на технические средства для нужд бытового обслуживания. Таких средств еще мало, их надо создавать, конструировать. Специалисты этого профиля уже теперь на вес золота. Полагаю, что с нашей специальностью не все додумано до конца.

ЛАРИСА НАРУШЕВИЧ:— В школе мне нравилось домоводство. Захотелось получить специальность технолога-швейника. Очень обрадовалась, когда узнала, что прошла по конкурсу и зачислена в институт...

Мы побывали в учебных мастерских, заходили в общежитие, в студенческую столовую. И всюду ощущали тот оптимистический настрой, который вселяет уверенность: хороший институт открылся на Подолии.

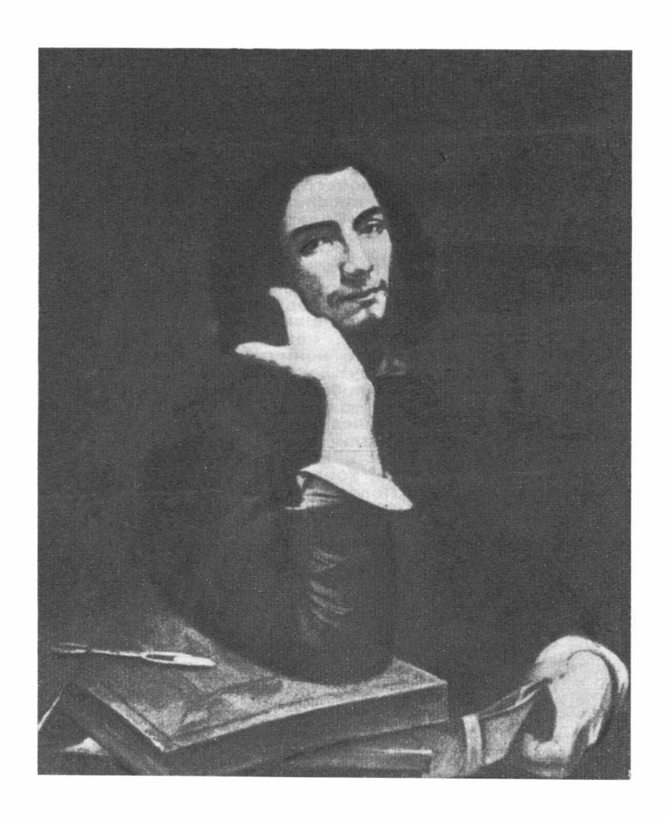
Студентки Тамара Блоха и Люба Матвийчук. Первое знакомство с технологией машиностроения состоялось в лаборатории.

* * *

...Несколько дней назад я позвонил в Хмельницкий. Проректор Григорий Афанасьевич Лось сообщил последние институтские новости:

— К сожалению, недавно доцент Ганжуров вынужден был сложить свои ректорские полномочия. Подвело здоровье, попросил министерство освободить его. Вручили Семену Михайловичу похвальную грамоту за большую работу, проделанную им в молодом вузе, и теперь он целиком переключился на научную деятельность. Институтом руководит Михаил Иванович Карпиленко.

У нас горячая пора. Готовимся принять пополнение. На стационаре прибавится 400 студентов. Приток абитуриентов большой. Молодежь к нам идет замечательная. К началу учебного года рассчитываем переселиться в новый корпус — строительство идет в ускоренном темпе. Студенты создали свои ударные стройбригады и работают с огоньком. Очень помогает нам обком партии. Думаю, в сроки уложимся, так что приезжайте в сентябре на новоселье...

Гюстав Курбе

А. ЗАМЯТИНА

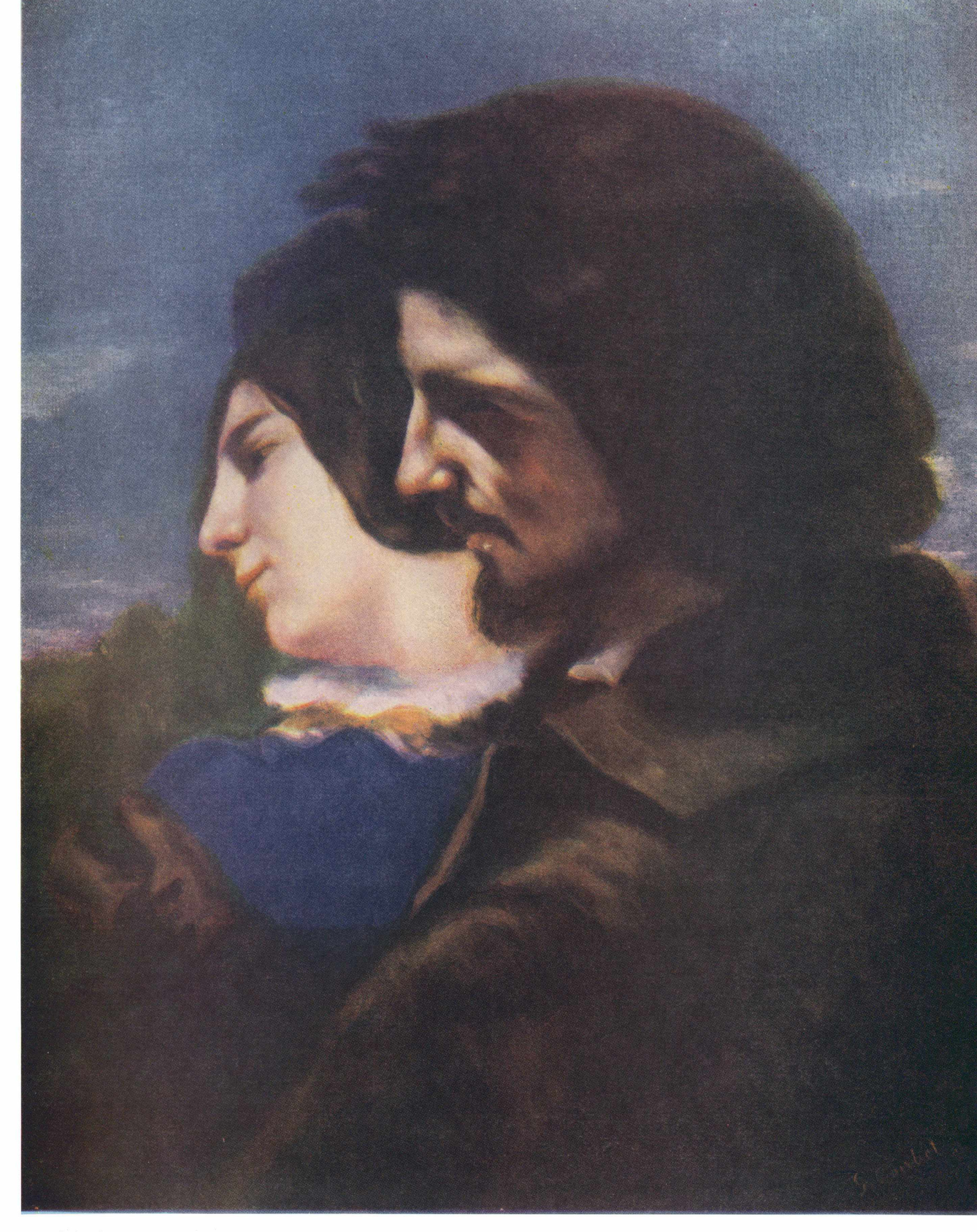
10 июня 1819 года у землевладельца-виноградаря Режи Курбе, проживавшего в городке Орнане, расположенном в гористой Восточной Франции, родился сын-первенец, названный Гюставом. И вот теперь мы отмечаем его стопятидесятилетний юбилей, потому что Гюстав Курбе прославил свое имя, вписав его в историю французской живописи XIX века. Мы давно уже научились смотреть на юбилеи не как на академический долг вежливости, но как на движение мыслей и чувств, разрушающее привычный штамп суждений и оценок творчества и личности юбиляра. В исторической перспективе образ его вновь оживает, открываются новые грани, не понятые современниками художника. Как часто в нашей памяти застывает сокращенная, почти анкетная справка о знаменитых художниках! Вот пример о Курбе: «Курбе, представитель реалистического направления французской живописи XIX в., энергичный борец за свои новаторские убеждения, член Парижской Коммуны, был жестоко преследуем версальцами и как беглец-изгнанник умер в Швейцарии». За этой энциклопедической справкой — яркий жизненный путь талантливого человека, непрестанное становление личности.

С детских лет художника принято начинать его жизнеописание не ради формальной традиции, но потому, что природные данные, среда, первые впечатления бытия закладывают неизгладимые основы человеческой личности, определяют и позволяют предугадать темп, ритм и принцип поведения в будущем.

Домашний патриархальный быт и культура семьи Курбе были полукрестьянскими, полубуржуазными. Дед Гюстава с материнской стороны был в молодости революционером. И внуку он передал республиканские и антиклерикальные идеи своей героической юности.

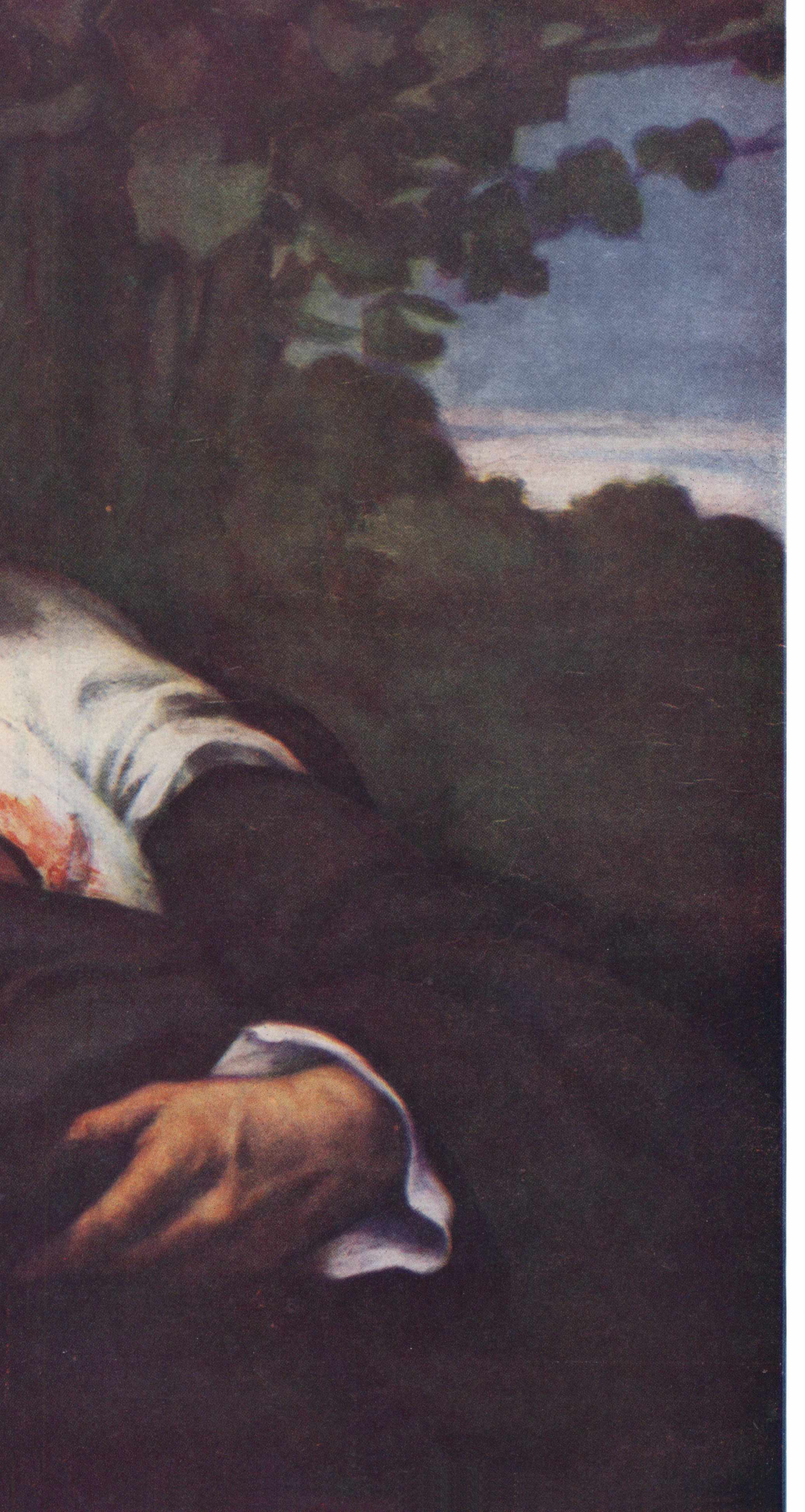
Ближайшая школа, куда отдали 12-летнего Гюстава,— маленькая семинария в Безансоне. Он убегал с неинтересных для него уроков вроде латыни, греческого, математики, но зато был физически ловок и стал незаменимым проводником в общих прогулках по окрестностям. В скором времени его органическая тяга к природе обогатилась соприкосновением с искусством. «Лентяй» Гюстав сделался прилежнейшим учеником преподавателя рисования, прозванного «папаша Бо», то есть «прекрасный папаша». Этот незначительный художник оказался удивительным новатором-педагогом: он не томил учеников в классе за копированием готовых образцов, а отправлялся с ними на прогулки для работы над пейзажем с натуры. До конца жизни Курбе вспоминал о нем с уважением и любил называть себя «учеником природы». Дальнейшее образование в колледже Безансона все же дало Курбе прохождение систематической программы обучения рисования и живописи, и он почувствовал себя достаточно вооруженным для самостоятельных исканий. Когда в 1840 году отец отправил Гюстава в Париж для подготовки к юридической карьере, то очень скоро здесь началась классическая эпопея непокорного сына — Гюстав захотел стать художником. Напрасно отец воздействовал на сына сокращением материальной поддержки, Гюстав смело и упорно пошел по тернистому пути. Занятия в ателье у нескольких художников ничего не прибавили к его профессиональной подготовке, его истинной школой стал Лувр, где его особенно захватили испанские мастера — Рибера, Сурбаран, Веласкес,— а позднее Рембрандт. Будучи самобытным и самостоятельным в своих творческих исканиях, Курбе вовсе не изолировался ни от старых мастеров, ни от достижений своих передовых современников. Прежде всего он оказался близок романтикам, ему было созвучно романтическое понимание места художника в обществе, как свободного индивида, чуждого ограниченности мещанского быта и морали. В таком аспекте изобразил себя Курбе в ряде автопортретов: задумчивым, полумечтательным, полуиронически-высокомерным. Автопортретными чертами наделен и «Раненый» (1844), бывший на недавно состоявшейся в Москве выставке живописи французского романтизма. В картине есть и заманчивая романтичность таинственного дуэлянта, и аллегорический намек на боль сердечных ран, и красивая томность, и прямое самолюбование. Множество современников и биографов любили подчеркивать и осуждать это самолюбование Курбе. Но насколько имел он к тому объективных данных, может свидетельствовать проницательное описание его внешности, сделанное современником Теофилем Сильвестром, описание хотя беспристрастное, но завершенное дружеской насмешкой: «Это очень красивый и очень высокий молодой человек в возрасте 36 лет. Его замечательное лицо как будто взято и отлито с ассирийского рельефа. Его черные блестящие глаза изящного разреза, окаймленные длинными пушистыми ресницами, обладают спокойным и мягким взором. Нос орлиный, с легкой горбинкой, тонкие усы и веерообразная борода открывают полные, чувственные губы. Оливково-смуглая кожа нежна и тонка, как атлас. Высокий череп и выдающиеся скулы свидетельствуют об упорстве, а трепетно подвижные ноздри выдают страстность натуры». Иронически сравнивая под конец Курбе с Нарциссом, Сильвестр, однако, признает, что больше всего Курбе ценил все же свой талант и до дерзости смело провозглашал: «Я курбетист!» Он полагался только на собственные силы и твердо решил добиться общественного признания, не идя ни на какие уступки.

На выставку Салона 1844 года был принят его «Автопортрет с трубкой», но тем успех и ограничился. Курбе был незаурядным портретистом, но притом всегда хотел оставаться правдивым и простым, а мода и заказчики требовали от портретов академической напыщенности и «лакировки». В одной из злобных карикатур на Курбе была даже изображена семейная сценка, в которой муж укрощает легкомысленную жену страшной угрозой — заказать Курбе написать ее портрет. Однако Курбе мужественно отказывался от легкого и выгодного успеха льстивых портретов, говоря: «Чем зарабатывать деньги подобными вещами, я согласился бы лучше ворочать жернова». Бедность и лишения не смущали молодого художника, искусство, любовь и дружба были подлинным содержанием его жизни. Картина «Влюбленные» проницательно оценена Риа, основным исследователем и биографом Курбе: «Только не видевши эту картину, можно претендовать, будто Курбе был неспособен к чувству!» Действительно, она порождена не романтическим воображением, но представляет собой как бы образную запись в дневнике, она автобиографична. Придав влюбленным черты свои и своей модели и подруги Жозефины, Курбе выразил чувство безмятежного счастья разделенной любви. Курбе обладал почти детски жизнерадостным самоутверждением, проявлявшимся и в творчестве и в жизни. В компании с друзьями юности предавался он охоте, рыбной ловле, прогулкам, любовным приключениям, пирушкам и праздникам, распевая прекрасным голосом романсы своего сочинения. Со многих из этих друзей-земляков Курбе писал портреты, вошедшие впоследствии в различные композиции. Многочисленные портреты 40-х и 50-х годов отличаются особыми живописными приемами. Курбе не подвергал анализу внутренний мир своей модели. Отличаясь изумительной зрительной наблюдательностью, он так правдиво передавал ее внешний облик, что предоставлял зрителю самому сделать вывод о характере портретируемого. Даже напряженный психологизм «Ясновидящей» он передал по-своему. Курбе реально и, можно сказать, клинически достоверно изобразил ненормальную женщину, но не привнес в ее образ ничего от себя, его здоровой натуре остались чужды и недоступны больные глубины психики. Живописные особенности «Ясновидящей» типичны не только для портретов: формы лица и фигур возникают как бы из глубины затемненного пространства, наглядно иллюстрируя высказывание Курбе: «Вы удивляетесь, что мое полотно черно. Однако и природа без солнца темна и черна, я поступаю, как свет: я освещаю выдающиеся точки, и картина сделана». Рано определился и художественный почерк Курбе: точность, уверенность и умелость в на-

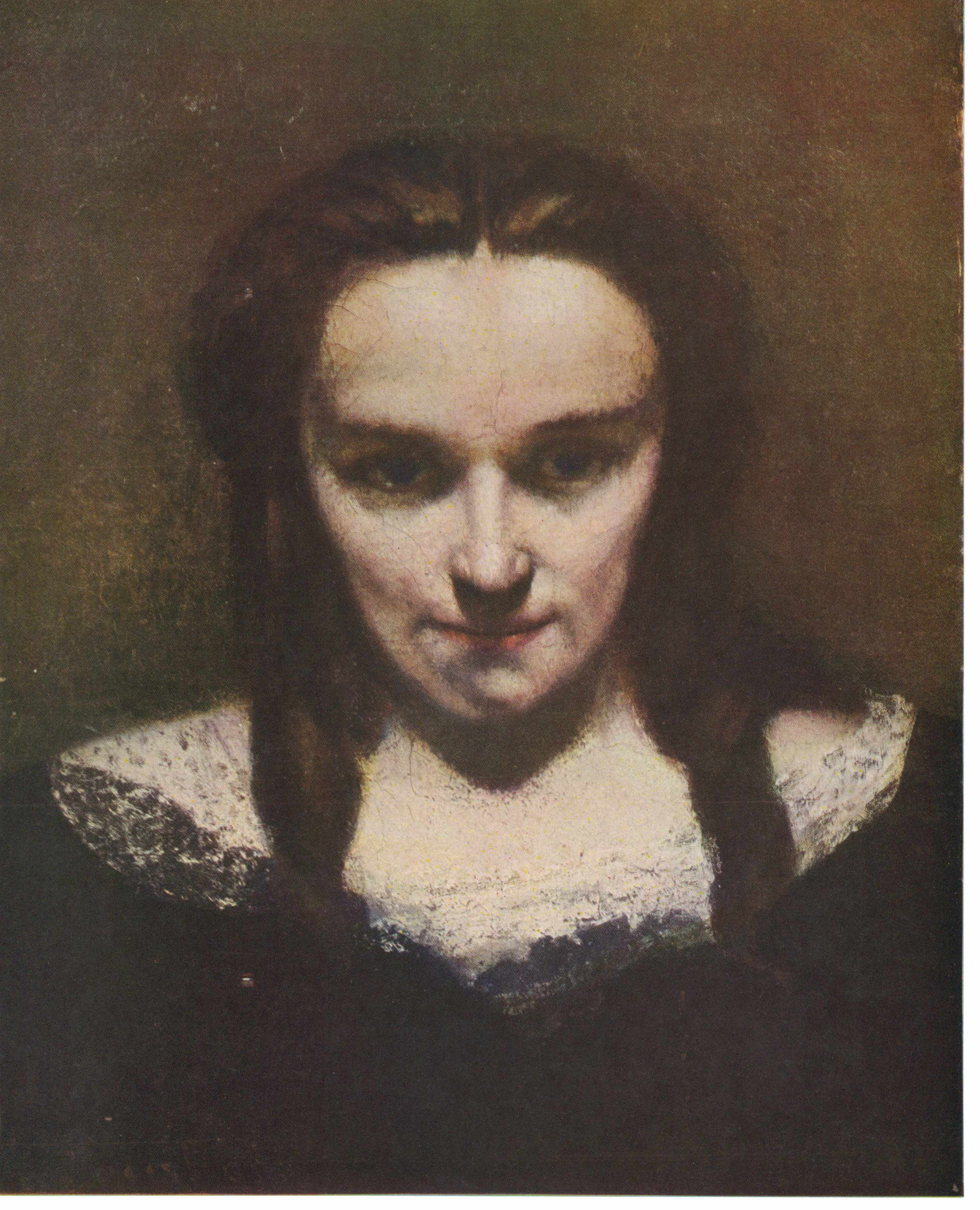
Г. Курбе. 1819—1877. ВЛЮБЛЕННЫЕ. 1844—1845. Лион. Музей искусств.

Г. Курбе. РАНЕНЫЙ. 1844.

Париж. Лувр

Г. Курбе. ЯСНОВИДЯЩАЯ.

ложении мазка. В своих произведениях Курбе обычно исходил от непосредственных зрительных наблюдений натуры, но иногда мог проявить чудо художественной памяти, как, например, в посмертном портрете своего друга и земляка Прудона. Близость с Прудоном — передовым социологом того времени — сыграла важную роль в формировании мировоззрения Курбе. Благодаря общению с Прудоном Курбе осознанно критически относился к буржуазному обществу. Февральская революция 1848 года выявила классовые противоречия рабочих и буржуазии. Передовые ученые, писатели и художники стали выражать свое возмущение социальным неравенством, сочувствовать тяжелой доле трудящихся, бедняков города и деревни. Курбе в своей знаменитой картине «Дробильщики камней» сумел воплотить мировоззрение лучших людей Франции XIX века. В письме к своему другу Курбе пишет о впечатлении, которое послужило толчком к созданию этой картины. Однажды он увидел на краю пыльной каменистой дороги двух рабочих — старика и юношу,— дробящих камни. Убогая, рваная одежда, примитивные орудия труда, нищенский скарб. Художник воспроизвел их в картине со всей тщательностью, а главное, сумел передать зрителю свою мысль о безрадостной судьбе этих людей. «Увы,— восклицает Курбе,— в этом состоянии люди так начинают и так кончают свою жизнь!» Картина была враждебно встречена буржуазной критикой. Вместо жалостной жанровой картинки Курбе написал «Дробильщиков» в крупном масштабе, принятом тогда для так называемых исторических сюжетов, и простой монументальной композицией возвысил своих тружеников до уровня подлинных героев. «Дробильщики камней» были подступом к следующей большой композиции, «Похороны в Орнане», которую можно справедливо назвать манифестом реализма.

На громадном полотне в композиции простой и строгой, как античный барельеф, изображена погребальная процессия, остановившаяся перед открытой могилой. Деловито ожидает могильщик конца молитв, торопливо читаемых священником, мужчины спокойны, женщины плачут с приличной сдержанностью. Здесь нет патетической трактовки грозной философской проблемы смерти, которая была у романтиков. Снижает трагедию прозаическая повседневность, о вечных законах земного бытия напоминают лишь крутые орнанские скалы в глубине пейзажа. Земляки Курбе, охотно позировавшие ему для «Похорон», получив парижские журналы с издевательскими статьями о картине, были возмущены «предательством» Курбе. К судьбе картины со всей полнотой применима была поговорка: «Правда глаза колет». Вокруг имени Курбе все сильнее разгорались страсти критиков и публики, против него объединялись прежние противники — сторонники романтизма и классицизма. Со всей силой эта вражда проявилась ко времени Международной выставки 1855 года, когда произведения Делакруа и Энгра были особенно почетно экспонированы, а основные картины Курбе отвергнуты, не допущены. Однако художник не растерялся. Рядом с выставкой он организовал отдельный павильон с вывеской-лозунгом: «Павильон реализма». Даже краткая выдержка из небольшого каталога, написанного им к выставке, выражает основу его отношения к искусству: «Быть в состоянии передавать нравы, идеи, облик своей эпохи согласно моей оценке, быть не только живописцем, но также и человеком, одним словом, создавать живое искусство — такова моя цель».

В павильоне среди других была одна картина, особым приемом раскрывавшая взгляды Курбе. Он назвал ее «Мастерская художника или реальная аллегория, определяющая семилетний период моей жизни». На большом полотне реалистически изображено было многочисленное общество. В процессе рассматривания поражал разнородный его состав и отсутствие единого сюжетного действия. Лица в картине портретны, многие известны, но образ в целом возведен был до типичного значения, до символической выразительности. По словам Курбе, «Справа — активные участники, мои друзья, труженики, любители искусства. Слева другой мир — повседневной жизни: простой народ, нужда, бедность, богатство, эксплуатируемые и эксплуататоры». В центре Курбе изобразил самого себя за писанием пейзажа, а за своим стулом — полуобнаженную натурщицу. В пейзаже Курбе никогда не выступал как объективный равнодушный наблюдатель природы. Он делился со зрителем проникновенным восхищением реальностью природы, гордился и радовался ощущением жизненного единства с нею.

В конце 60-х годов правительство Наполеона III предприняло либеральные заигрывания с передовой интеллигенцией, и Курбе был присужден орден Почетного легиона, на что он ответил твердым и красноречивым отказом. Вот несколько выдержек: «Мои гражданские убеждения противятся тому, чтобы я принял отличие, происхождением связанное с монархическим строем... Никогда, ни в коем случае, ни под каким условием я бы его не принял». Гордый поступок Курбе был восторженно принят демократическими художественными кругами. И нет ничего удивительного, что его популярность привела его в дни Парижской Коммуны к избранию председателем художников по охране государственных музеев. После разгрома Коммуны правительство III Республики жестоко отомстило художнику-коммунару. Он случайно избег расстрела, затем начались длительные мытарства. Вот одно из воспоминаний Курбе в письме к другу: «Меня таскали по улицам Парижа из Версаля, оглушали всякими глупостями и несправедливостями. Я гнил в тюремных камерах, которые заставляют терять рассудок и физические силы. Переводимый из одной тюрьмы в другую, я спал на полу, на куче червей в госпиталях, где вокруг умирали люди...» Это продолжалось в течение трех месяцев. Наконец разыгралась подлая комедия суда, по которой Курбе был обвинен в разрушении Вандомской колонны, приговорен к неправдоподобному штрафу на ее восстановление, картины его были конфискованы, и его спасла лишь помощь преданных друзей, организовавших бегство в Швейцарию. Курбе был подавлен. Он тосковал по родине, здоровье его было подорвано. Уже смертельно больной, он велел поставить постель у окна, откуда были видны горы и озера. До конца дней его отрадой была живопись.

«СОВЕТСКИЙ СОЮЗ — НАШ ВЕРНЫЙ ДРУГ»

Недавно нашу страну посетил бывший премьер-министр Иордании, сенатор **Сулейман Фазис ан-Набулси.** Он приехал в СССР из Берлина, где принимал участие в работе Всемирной ассамблеи мира. Корреспондент «Огонька» **Александр Сербин** беседовал с иорданским сенатором.

— Как вы оцениваете работу Всемирной ассамблеи мира?

— Эта ассамблея, собравшая прогрессивные силы земного шара, была важным международным событием. На ней впервые были представлены организации и партии различных стран, которые раньше не принимали участия в движении сторонников мира. Их неучастие можно объяснить незнанием целей этого движения и империалистической пропагандой, которая стремилась выдать такие международные форумы за «коммунистические конференции». На этот раз, несмотря на враждебную пропаганду, в Берлин съехалось более 1100 человек, представлявших разные страны мира, международные и общественные организации. Западная пропаганда получила отпор участников ассамблеи. В Берлине каждый мог высказать свою точку зрения и использовать для этого прессу. В повестке дня ассамблеи стояли важные вопросы, имеющие решающее значение для мира.

Арабские страны были представлены в Берлине делегациями из ОАР, Судана, Алжира, Марокко, Ирака, Сирии, Ливана, Южного Йемена и Иордании. В них входили официальные лица и авторитетные общественные деятели, и это служит свидетельством тому, что мы, арабы, придаем большое значение делу мира. Мы выступали во всех дискуссиях.

Среди важнейших проблем, рассмотренных в Берлине, была вьетнамская проблема. Ассамблея осудила «грязную войну» США и высказалась в поддержку народа Вьетнама. Делегацию из Южного Вьетнама участники берлинской встречи приветствовали стоя, громом аплодисментов. Ассамблея уделила также много внимания задачам обеспечения европейской безопасности, разоружению и борьбе с расовой дискриминацией.

Для нас, арабов, очень важным было рассмотрение проблем Ближнего Востока. Ассамблея единодушно осудила государство Израиль, которое не выполняет решений ООН, таких, как резолюция Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, требующая от Израиля освобождения оккупированных территорий, и резолюция Совета Безопасности, в которой отвергается аннексия Иерусалима.

Чрезвычайно важным, по нашему мнению, было обсуждение палестинской проблемы. Многие делегаты не знали сущности этой проблемы и реальных фактов, касающихся существования палестинского народа. В Берлине было рассказано об этом и о тех страданиях, которые перенес палестинский народ. Эта проблема пользовалась большим вниманием и растущей симпатией в Берлине. Миру ясно право палестинского народа на самоопределение и законность его борьбы.

— Каково ваше мнение о развитии советско-арабских отношений?

— В прошлом империалисты воздвигали стену между Советским Союзом и арабами, ведя пропаганду против советского народа и его правительства. Запад не хотел, чтобы арабы получали правильные сведения о достижениях СССР. Бывшие реакционные лидеры и реакционные монархи в арабских странах тоже боялись, что народ узнает правду о Советской стране. После образования Израиля враждебная Советскому Союзу пропаганда пыталась поставить его на одну доску с империалистическими государствами, преследовавшими свои интересы на Ближнем Востоке. Однако ход событий разрушил эти замыслы. Советский Союз доказал, что он искренний друг арабов. Когда над египетским народом нависла военная угроза со стороны Израиля и западные державы отказались продать Египту оружие, на помощь пришел Советский Союз. Во время тройственной агрессии в 1956 году СССР занял позицию верного друга по отношению к ОАР, показав, что он может заставить отступить агрессивные империалистические силы. Когда США не захотели продавать пшеницу Египту, то СССР снова пришел на выручку. Можно напомнить, как СССР поддерживал Сирию, Йемен, НРЮЙ. Известно, какую помощь оказал СССР в строительстве Асуанской плотины, как он содействовал экономическому развитию других арабских стран.

Во время и после израильской агрессии 1967 года Советский Союз продемонстрировал, что он является верным защитником прав арабов и не забывает своих друзей в трудную минуту. Таков чистый источник арабо-советской дружбы.

Лично я хочу выразить большую благодарность и признательность за гостеприимство, которое дорогие советские друзья оказали мне и в моем лице моему народу. Я желаю дружественным народам Советского Союза осуществлений их целей в борьбе за мир и в строительстве нового общества. Пусть благополучие и благоденствие будет во всех уголках Советского Союза, и пусть эта великая дружественная страна, которая принесла и приносит много жертв во имя человечества, живет полной жизнью, в счастье и славе.

Дорогие читатели! Мы приглашаем вас продолжить разговор о футболе, начатый Львом Филатовым. За последние годы эта популярнейшая игра вызывает все больше нареканий у знатоков. Многие считают, что растет число бесцветных ничейных матчей, теряется красота спортивного зрелища. Что же происходит с футболом! Как по-вашему!

Футбольный текущий момент

Лев ФИЛАТОВ

Рисунки В. Черникова.

В футбол играют, футбол смотрят, о футболе еще и говорят. Если можно точно измерить время, уходящее у игроков на тренировки и матчи, если каждый из нас может легко подсчитать, сколько тратит времени на посещение стадиона, включая дорогу, то боюсь, что время, затраченное на разговоры о футболе, нам учесть не удастся. Однажды промелькнул даже фельетон, где метко высмеивались пустопорожние разговоры о футболе и высказывалось опасение, не страдает ли человеческое общение от этой чересчур навязчивой темы. Но виноват ли в этом футбол? Как не обменяться мнениями о вчерашнем матче, как не обсудить превращения этой игры, как не поспорить о том, что тормозит ее развитие?

Обратимся же к тому, что в эти дни занимает многих. Часто можно слышать, что футбол нынешней весной был малоинтересен, не радовал глаз. И как неотразимый аргумент приводились цифры падения результативности. Говоря проще, голов нынче меньше даже по сравнению с прошлым годом...

Обозначить явление легче, чем его объяснить. Контраргументов футбольная статистика не предлагает. Что же тогда мы обязаны учитывать? Давайте прежде всего условимся не вздыхать о старых добрых временах. Нечего и ждать, что могут повториться рекорды двадцатилетней давности, когда лидеры забивали в ворота аутсайдеров по десятку голов. Сейчас в нашей высшей лиге просто-напросто исчезло само понятие «аутсайдер», так же как и понятие фаворита — команды, где искусственно собраны едва ли не все лучшие силы. Наш футбол в последние годы развивается, если можно так выразиться, в демократическом направлении, возможности клубов выравниваются, выравнивается и класс их игры.

Нельзя пренебречь и общей тенденцией, заметной во всем мировом футболе, заключающейся в том, что вдоль и поперек изучены оборонительные возможности и голы достаются все труднее.

В поисках выхода обозреватели чаще всего останавливаются на двух обстоятельствах. Они общеизвестны, если не сказать, навязли в зубах. Первое — это грубые приемы, фолы. То, что они искажают облик футбола, изобличая недостаточную выучку одних игроков и невоспитанность других, и что нельзя прекращать борьбу с ними ни на минуту,— все это бесспорно. Но я полагаю, что фолы и нарушения правил не могут объяснить трудности, переживаемые современным футболом. Все эти неприглядные приемы сопутствуют футболу издавна, и, чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в отчеты о матчах, игравшихся и 20, и 30, и 40 лет назад. Не хочу, чтобы меня поняли так, словно я оправдываю всю эту нечестность тем, что она существовала всегда. Просто я хочу сказать, что она не столь влиятельна, чтобы сбить футбол с пути.

Второе обстоятельство, тоже из разряда «вечных»,— либерализм арбитров. Хочу напомнить, что выражение «паралич судейского свистка» придумано не сегодня, а много лет назад. Субъективизм футбольного судейства вечно порождал претензии, не говоря уже о том, что квалификация арбитров различна. Да, мы должны требовать от арбитров строгости и принципиальности, никогда не снимая с повестки дня эту проблему, и все-таки и ее нельзя рассматривать как коренную причину возникших затруднений.

Говорят еще о том, что футбол надо выручать изменением правил. Что ж, возможно, какие-то изменения и уточнения помогли бы игре, придали бы ей дополнительную остроту. Но международный комитет по правилам не торопится рассматривать скопившиеся у него груды предложений, объясняя это тем, что не желает рисковать игрой, в общем-то гармоничной, складывавшейся годами и всем уже привычной. Нужны эксперименты, серии даже не матчей, а контрольных турниров. Но на широкое испытание реформ никто не идет, и доказательного, экспериментального материала практически нет, есть лишь умозрительные доводы.

Но, если все так, то не значит ли это, что нам не на что надеяться и остается лишь покорно следить за увяданием футбола? Мне кажется, что это не так. В настоящее время слишком уж завладела умами мода на укрепление средних линий команд, линий полузащиты, и как-то незаметно получилось, что все тренеры стали с особым рвением подбирать наиболее талантливых игроков именно в эту линию, выросшую до 3—4 единиц.

В этом смысле многие клубы явно преуспели. И все было бы хорошо и правильно, если бы при этом не упустили из виду форвардов. Зачастую на переднюю линию стали выдвигать футболистов, которые скроены по тем же меркам, что и игроки средней линии, так называемые универсалы, умеющие делать все. Эти люди умеют создать атакующий фон, общее движение, даже давление на ворота. Но этого мало. Обязаны забивать голы все-таки форварды. Они те люди, для кого в этом вся радость игры, весь смысл их пребывания на поле.

Сейчас тренеры имеют куда больший выбор полузащитников, чем форвардов, хотя «штатных» мест для них стало меньше — 2—3. Возьмите хотя бы лидирующий и сравнительно много забивающий «Спартак». Девять вполне квалифицированных футболистов выступают у него в средней линии. В нападении же — Хусаинов и Осянин. Остальных игроков, появляющихся в этой линии, не отнесешь к разряду умеющих регулярно забивать голы.

Такое же положение в ЦСКА, московских «Торпедо» и «Динамо». Даже тренеры тбилисцев, как это ни непривычно, более всего имеют сегодня претензий к своим форвардам за исключением переживающего вторую молодость Славы Метревели. Да и наш чемпион, киевское «Динамо», чем дальше, тем все определеннее начинает тяготиться своей игрой с двумя нападающими Пузачем и Хмельницким, которые хотя и сильны, но забивают не так уж много для лидирующей команды.

Причина этому, как мне кажется, в той перестройке, которой подвергается не только наш, но весь мировой футбол вот уже одиннадцатый сезон после того, как в 1958 году бразильцы опровергнули общепринятое «дубль ве». До сих пор так и не выработался единый взгляд на то, как надо конструировать игру. Поиски вольно или невольно вели к подчеркнутому, а подчас и преувеличенному вниманию к линии обороны, затем к средней линии, а племя форвардов тем временем мельчало, если не вырождалось. Надеюсь, что теперь этому племени, наконец, будет уделено достойное внимание, и тогда, вероятно, игра окончательно выровняется. Пока же мы ясно видим, как ограничен выбор форвардов даже у тренеров сборной команды страны: Метревели, Пузач, Хмельницкий, Еврюжихин... Кого предложить еще? Трудно сказать. Одним словом, если и теория и опыт утверждают, что идеальная команда может быть создана только в том случае, если все ее линии равноценны по игровому классу, то сейчас это святое правило соблюсти трудно.

Счет 0 : 0 при всей своей невыразительности и однозначности заслуживает не только того, чтобы от него с раздражением отмахнуться, но для ясности и проанализировать его. Откуда он берется? Следует учитывать, что, помимо неумения бить по воротам, иногда мы наблюдаем и нежелание: ничья приобретает все больший вес в глазах участников турнира, поскольку она прибавляет очко. В условиях азартного чемпионата, такого, который проводится в нынешнем году, это стало особенно заметно. Когда ни одна из команд не может позволить себе рисковать, потому что ставка слишком ответственна, на первый план выходят расчеты не столько игровые, сколько турнирные.

И тут перед нами во весь рост возникает теория своего и чужого поля. Она сравнительно молода, ее если не породил, то отчеканил розыгрыш Кубка европейских чемпионов, начавшийся с 1956 года. По его условиям, как известно, команды встречаются дважды — на своем и чужом поле. Вот с этого времени и началось «глубокое» обоснование принципиально разной игры там и тут. Не знаю, быть может, для международных встреч, когда «чужое поле» — в другой стране, эти соображения существенны. (Хотя заметим, что гости не так уж редко и побеждают. Мы были тому свидетелями, когда киевские динамовцы выиграли у «Селтика» в Глазго и они же уступили польскому «Гурнику» у себя в Киеве.) Но беда в том, что этому «закону» сразу же охотно подчинились клубы и в рамках чемпионата страны. Так у руководителей команд появилась уважительная причина чуть ли не планировать свои поражения, исходя из расписания поездок. Очень быстро все начали сквозь пальцы смотреть на проигрыши в других городах, удачи там рассматривались как сверхплановые, а основной капитал очков команды старались собирать на родном стадионе.

Несколько лет назад тренер киевского «Динамо» Виктор Маслов поведал в печати о том, что его команда имеет график накопления турнирных очков по месяцам. В этом графике учитывались возможные потери в играх на выезде. Боюсь, что это планирование было скопировано другими клубами чисто механически. Ведь киевляне в последние годы боролись только за первые места и осуществляли свою программу.

Можно было бы и не возражать против такой деловитости, поскольку длинный многомесячный турнир, конечно, требует реальной раскладки сил. Но дело в том, что эта стратегическая деловитость зачастую оборачивается беспринципным делячеством. Вместо того, чтобы, как этого требует суть и дух футбольной борьбы, настраиваться на победу всякий раз, команды стали думать о победе, что называется, через раз. Отсюда и возникновение целой серии однообразных игр, когда приезжая команда старается отстоять свой исходный ноль на табло и, даже если это ей не удается, она не слишком обескуражена, потому что рассчитывает взять свои два очка в ответном матче дома.

Даже два экс-чемпиона страны, московские «Динамо» и «Торпедо», втянуты в это переливание из пустого в порожнее. Турнир, принявший для большинства команд характер гонки с выбыванием, от начала до конца, за исключением немногих красивых матчей, шел с оглядкой, без какого-либо желания проявить спортивную строптивость и дерзость.

Однако не одни тени видны на футбольном поле. Поэтому упомянем и о том, несомненно, интересном, что промелькнуло в ходе нынешнего первенства.

Наш чемпион киевское «Динамо» и в этом году не уступил ни единой пяди своих игровых завоеваний. Он все тот же. Быть может, имеет смысл отметить одну подробность в его судьбе. Обратили ли вы внимание, что киевляне не подвержены эпидемии травм, которая то и дело мучает остальные наши ведущие команды? Она всегда в своем основном составе. Что это, случай, везение? Любопытную версию на сей счет высказал мне начальник команды «Спартак» Николай Старостин: «Наверное, это потому, что они играют естественно, в свою силу, а остальные, и мы в том числе, для победы предпринимаем сверхусилия, перенапрягаемся...»

У тех команд, которые идут вслед за чемпионами, прослеживаются два направления. Одно, которому верны «Спартак» и тбилисское «Динамо»,— это создание команды, я бы сказал, легкой, игра которой основана на подборе игроков прежде всего техничных, ловких, имеющих вкус к розыгрышу комбинаций, стремящихся непрерывно наступать. Другое направление — создание команды, быть может, несколько тяжеловатой, но атлетичной, надежной, играющей просто и рационально. Это московские ЦСКА и «Динамо». И дело не в том, сколько очков набрали представители того и другого направления. И не в том, какая игра лучше смотрится. Сама по себе такая «дискуссионность» — хороший признак. Нет ничего опаснее, чем когда все команды играют одинаково. Тогда и впрямь ждать нечего...

Как видите, я разделяю основные претензии к сегодняшнему футболу. Но мне хотелось бы, чтобы у читателя осталось после этого разговора ощущение перспективы. Все-таки ориентироваться всегда следует по лучшим играм, по лучшим командам. А образцы хорошей игры мы видим. И они не могут остаться бесследными. На то они и образцы.

Татьяна ЛОТИС

Фото Б. Кузьмина.

Миша Ан, солист ансамбля.

ТАНЦОРЫ ИЗ ГУРЬЕВА

В Доме культуры нефтяников было шумно и весело. Народный ансамбль песни и танца готовился выехать с концертом на нефтепромысел.

Может быть, предстояла сотая концертная поездка, может, двухсотая...

С первых занятий и репетиций ансамбля прошло уже шестнадцать лет. Все эти годы коллективом бессменно руководит Дмитрий Семенович Арсентьев.

«Махно» и «система Арсентьева»

Дмитрий Семенович был молодым танцором Гурьевского казахского драматического театра, когда в 1953 году ему предложили создать самодеятельный коллектив. Противоречивые чувства овладели им. Хотелось ему, конечно, учить других всему, что он умел сам. А в то же время было страшно: ведь и его школой была всего лишь самодеятельность. Тем не менее он согласился. В Доме культуры вывесили объявление, отвели специальное помещение для занятий. Но никто к Арсентьеву не приходил.

— С неделю я сидел и ждал,— рассказывает Дмитрий Семенович.— За все это время пришел только один мальчик — Витя Покусаев. Подростки с утра до вечера толпились у бильярдного стола.

Однажды под вечер, просидев целый день в ожидании, я подошел к юным бильярдистам. Они уже видели меня на эстраде, подростки любопытны, поэтому разговор завязался быстро. Я стал рассказывать им о танцах. К моему удивлению, они слушали. Я показал несколько движений; один парнишка попробовал повторить, его попытка закончилась общим смехом, но ребята заинтересовались. Тут-то я и пригласил их в клуб. Не думал, что они пойдут, но пошли!..

Помню, тогдашний наш завхоз шептал: "Ты что, не знаешь, кто они такие?.." А я уже после первой репетиции, отметив наиболее способных ребят, сказал завхозу: «Это отчаянные, смелые парни, из них будет толк!»

Мы стали репетировать, готовить свой первый концерт. Как-то на репетицию пришел незнакомый паренек. Я тогда уже всех ребят знал хорошо. Не знал только предводителя всей этой братии по прозвищу «Махно». И вот по тому, как независимо держался незнакомец, как на мой вопрос: «Кто ты такой?» — ответил дерзко: «А ты кто такой?» — я понял, что это и есть «Махно».

Надо было сразу поставить вожака на место. И не просто «осадить», а с пользой для дела. И я спросил: «Ты на репетицию пришел, а что делать умеешь?..»

— Буду читать басни.

— Читай!..

С первого же момента меня поразило умение Володи Тишкова владеть собой, своим голосом, способность преображаться...

На первый наш концерт я дал

каждому участнику по два пригласительных билета — для родных. Мне хотелось сделать своими союзниками семьи ребят; хотелось, чтобы и родители увидели, чему научились их сыновья за это время...

На первом концерте народу в зале было много. Мои «смельчаки» после каждого номера подбегали ко мне и спрашивали: «Ну как?» Я всем говорил: «Молодцы!» Возбужденные и счастливые ушли ребята домой в тот вечер... А на следующий день я устроил детальный разбор нашей работы. Тут уж я говорил серьезно: отметил все, что было не так сделано...

Только теперь можно было начинать работать по-настоящему. Они почувствовали радость сцены, и слово «дисциплина», произнесенное после концерта, уже никого не оттолкнуло. Ребята начали устраиваться на работу, в вечернюю школу... Некоторых я сам устроил на химический завод, они и сейчас там работают и часто бывают на концертах... А бывший «Махно» стал нашим ведущим. Володю Тишкова теперь знали и любили все в городе: как конферансье он был находчив и остроумен. У него было много собственных номеров: он не только читал басни, но знал и стихи, особенно любил Маяковского. Большим успехом у публики пользовались его сценки: "На первом свидании", «Хирургия», «Штангист». Тишков свободно говорил на казахском языке, поэтому, оказываясь на новом месте, всегда мог шуткой поддержать настроение, рассмешить публику; веселил и наших ребят, когда они сильно уставали.

О Тишкове можно долго рассказывать. Много дорог с ним пройдено. А сейчас он живет в Белоруссии: маленькой дочке его, к сожалению, не годился наш климат...

Старые песни, новые песни

Казахские кобыз и домбра имеют всего по две-три струны, они только аккомпанируют песне акынов. Песни эти всегда были грустные, как жалобы. Совсем другие песни сочиняет нынешний «акын» — гурьевский композитор Роальд Топчевский. Он руководитель оркестра народного ансамбля Дома культуры нефтяников. Его песни «Гурьевская лирическая», «Наш Гурьев», «Песня о Ленине», «От Золотых песков до Крыма» пользуются большим успехом.

— Как же рождаются песни ваши? — спросила я у композитора.

— Я люблю свой город... Знаю, что есть города красивее... Но я тут родился! Это мой город, он для меня самый лучший на свете. И я пишу песни о нем.

Роальд рассказал, как он писал музыку к вокально-танцевальной программе «Трудовой Мангышлак».

Топчевский занимается в ансамбле с 1954 года. За это время они много раз бывали на полуострове, богатом не только нефтью и рудой, но и тем человеческим теплом, которое вложили в него комсомольцы, нефтяники и строители, приехавшие сюда со всех концов Советского Союза. И с каждым новым приездом ансамбля видны были перемены — приметы нашего времени. Вставали заводы и нефтевышки, небольшие временные поселки превращались в благоустроенные города.

Для программы «Трудовой Мангышлак» отобрали еще и кадры кинохроники, рассказывающие о том, как «в строю буровые стоят»...

Надо сказать, что это не единственный номер в программе, рожденный жизнью. Такова же вокально-хореографическая сюита «Встреча на Каспии», поставленная солистом ансамбля Айратом Мингалиевым.

Однажды вместе с ансамблем я возвращалась из Индерборского — район в 190 километрах от Гурьева. Усталые, взволнованные после концерта, уморенные духотой, ребята обнаружили, что ни воды не взяли, ни еды... А дело близилось к ночи, над степью зажигались звезды. Тогда остановили автобусы в пути, возле темнеющих кибиток. Навстречу нам вышел аксакал. Узнав, что перед ним самодеятельные артисты, он пригласил всех на ужин. И вот уже двадцать человек сидят у жарких костров. Пока варится бешбармак, звонкий девичий голос уже затягивает песню, которую дружно подхватывает хор.

И тогда аксакал рассказал нам старинную легенду о домбре.

— В незапамятные времена жил жестокий хан среди степей; ничего он не любил, кроме единственного сына. Юноша поехал на охоту и погиб. Долго думали люди, как сообщить хану страшную весть: жесток был хан и залил бы горло свинцом вестнику. Тогда наутро пришел к хану акын; стал играть на домбре. Домбра рассказала обо всем происшедшем хану, и кипящий свинец прожег домбру. С того момента и стал ее голос таким жалобным!.. А любят ее казахи за то, что спасла она человека от гибели.

Через домбру, через песню и теперь человек делится с другими людьми своим горем и своей радостью... Радость теперь знакома и песне и домбре!

Завсегдатаи родного клуба

...Когда автобусы остановились, их окружили вездесущие мальчишки. Они разнесли по поселку весть о приезде артистов. И задолго до начала концерта около клуба собрался народ.

В зале погас свет, и на сцене появились девушки в ярких национальных костюмах. Они плавно движутся с песнями, а зрители узнают в них ковровщиц, веретенщиц... И вот уже огромный портрет Ильича выткан на ковре...

Композиция «Заря Прикаспия» рассказывает о том, как в аул пришел первый номер «Правды», словно луч надежды. Торжествующе звучит музыка: «Проснись, народ!» Потом ансамбль исполняет воинственную пляску казахов, освобождающих родной народ, борющихся с купцами и баями.

Оба номера, созданные в ансамбле к столетию со дня рождения Ленина, сделаны с хорошей выдумкой, в народных традициях. Они исполняются с подлинным мастерством!

Большой успех выпал на долю солиста ансамбля Геннадия Загуменова. В его репертуаре более двадцати русских, казахских, болгарских песен. Загуменов и сам поет и руководит самодеятельным коллективом, который создал в механизированной колонне строительной организации. У него собралось сорок восемь человек, а работают они все в разные смены, поэтому с ними приходится и утром и вечером заниматься: что же делать,— Гена Загуменов часто приглашает их к себе домой; здесь они слушают вместе музыку, записи песен... Все Геннадий старается делать так, как Арсентьев: он еще до армии занимался у Дмитрия Семеновича. А когда в 1964 году вернулся, мать потребовала от сына, чтобы шел он работать на завод. В семье было еще семеро детей. Арсентьев убедил мать, что юноше следует идти в музыкальное училище; он же помог ему туда устроиться; занимался с ним на первых порах...

Геннадий Загуменов не единственный ученик и последователь Арсентьева. Один из первых участников гурьевской самодеятельности, Виктор Покусаев, теперь руководит кружком в профессионально-техническом училище; Таня Гончарова ведет танцевальную группу в Доме пионеров. Таня Ильина тоже ставит танец в ансамбле.

Так вырастают новые мастера — ученики Арсентьева.

Этот человек удивительно умеет зажигать окружающих своим увлечением, любовью к искусству.

Как-то мы сидели у него дома. Таисия Николаевна, жена Арсентьева, показывала мне новые костюмы для ансамбля, она обшивала их казахским орнаментом. Свою работу она исполняет так, что на смотре в Алма-Ате члены жюри поинтересовались: не в оперном ли театре брали эти чудесные костюмы?

Марина, двенадцатилетняя дочка Дмитрия Семеновича,— тоже участница ансамбля, она хорошо поет.

— Первое время я опускал в почтовые ящики пригласительные билеты на концерты,— рассказывает Дмитрий Семенович.— Сначала люди удивлялись, а теперь привыкли и не пропускают ни одного концерта! Уже не могут без этого...

Тянутся люди к Арсентьеву. Возвращаясь из армии, ребята приходят снова в ансамбль, как прямо с вокзала, с рюкзаком, не забежав даже домой, пришел в клуб Володя Тишков. Как Гена Загуменов, как Байрон Досмухамбетов, который сейчас учится в Баку в институте, а на каникулы снова торопится в ансамбль и отправляется с ним в поездку по области... Пять лучших солистов из коллектива приняты в Государственный ансамбль песни и танца Казахской ССР, среди них два брата Ульжибаевых—Тулеу и Амангельды. Они тоже остаются друзьями и завсегдатаями своего старого родного клуба, занимаются с молодежью, показывают, чему научились за это время...

Концерт кончился, но публика долго не расходилась.

И снова в автобусе песни и смех. Каждый по очереди запевает свою любимую, остальные подхватывают. Состав ансамбля многонационален: кроме казахов и русских, здесь и молдаване, и корейцы, белорусы, немцы, татары, болгарин!..

...Поздней ночью вернулись в город. Тучи к вечеру расползлись, огромная луна, как желтый апельсин, повисла над цепями уличных огней, над светлым контуром гурьевской телебашни, над старым зданием Дома культуры нефтяников имени Серго Орджоникидзе.

И как-то уже не хотелось думать, что вот теперь здесь без тебя будут проходить репетиции, будут ездить по рыбачьим и рабочим поселкам, колхозам и нефтепромыслам автобусы с веселыми парнями и девчатами из Гурьева...

г. Гурьев. Казахстан.

Таня Гончарова, инженер-конструктор, в танце «Казахская рапсодия».

Зрители узнают ковровщиц.

Последние штрихи перед выходом на сцену.

Все здесь: и красота движений, и быстрая реакция, и сила, и слаженность партнеров.

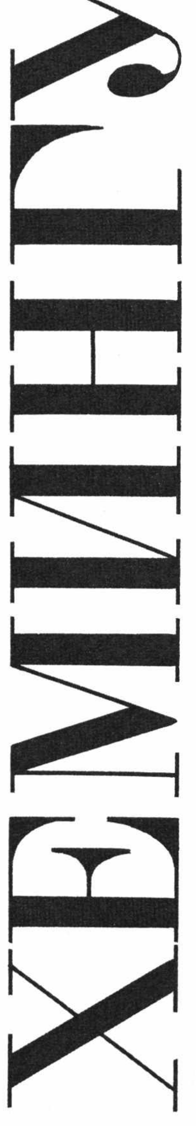

Руководитель ансамбля Дмитрий Семенович Арсентьев.

Послушайте: новая песня!

Серго **МИКОЯН**

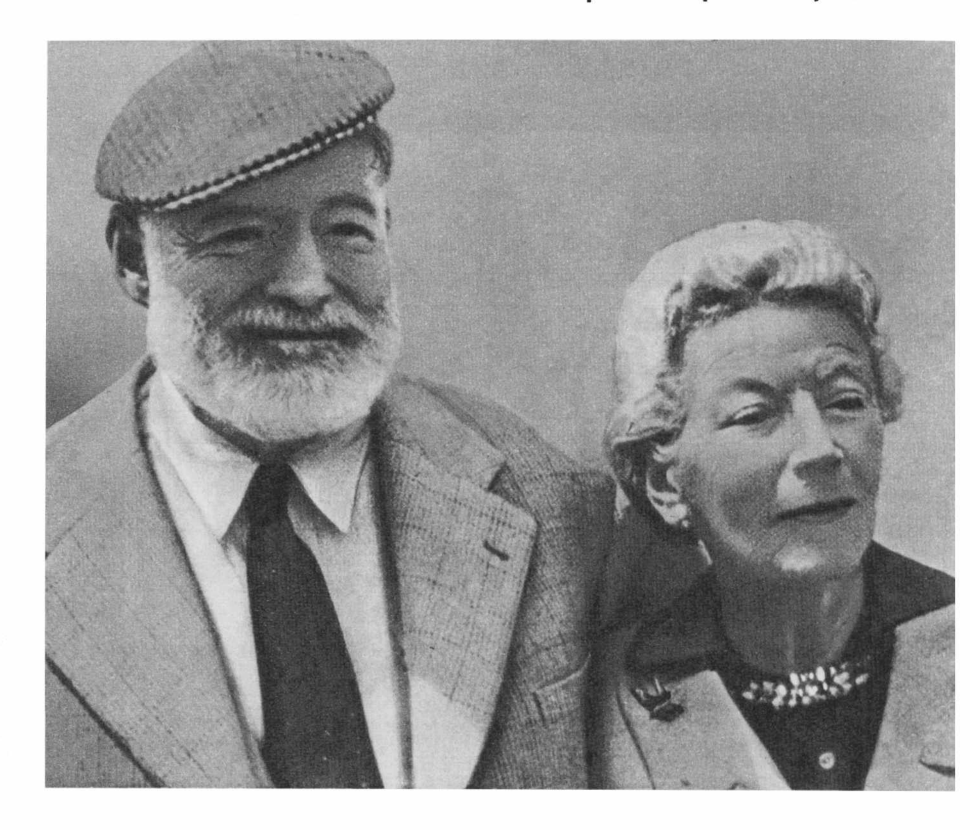

КАКИМ ОН БЫЛ?

К 70-летию Эрнеста Хемингуэя

«...Ты знаешь теперь, что никогда больше не прервешь работу, для которой родился и учился, пока не умрешь. Это не такое уж большое обещание, поскольку почти каждую неделю ты читаешь некрологи об умерших хороших друзьях. Но это то обещание, которое ты можешь выполнить». Он выполнил свое обещание. Он выполнял его всю сознательную жизнь. Этим летом ему было бы семьдесят. Если бы восемь лет назад он не вынужден был сдать позицию. Ту, о которой говорил: «Какого черта надо заботиться о спасении души, когда обязанность человека в том, чтобы потерять ее разумно, так, как сдаешь позицию, которую ты защищаешь, но уже не можешь удержать, так дорого, как только возможно, стараясь сделать ее самой дорогой позицией, когда-либо уступленной. Умереть — не трудно».

Эрнест и Мэри Хемингуэй.

ХЕМИНГУЭЙ И ПОЛИТИКА

В США написана очередная книга о Хемингуэе.

Но странное дело: каждая новая книга о нем, издаваемая за океаном, хотя и сообщает что-то новое, чем-то остается весьма похожей на предыдущие. Мне привелось прочитать их — вместе со статьями — целую полку. И все время ловишь себя на мысли, что авторы недоговаривают чего-то очень важного, не видят в Хемингуэе того, что кажется очевидным.

Новая книга — а ее написал один из наиболее солидных хемингуэеведов, Карлос Бейкер,— стала появляться отдельными главами. Первой увидела свет в журнале «Атлантик мансли» глава о 1936—1940 годах, то есть об «испанском периоде» писателя. И опять то же чувство. Оно тем сильнее, что речь идет именно об этом отрезке его жизни. Почему бы это?

Почти все американские авторы как бы стесняются общественных позиций, социально-политических симпатий и антипатий Хемингуэя. Буржуа от литературы в той или иной форме стараются оторвать писателя от политики, игнорировать социальную сторону его творчества, а то, что невозможно замолчать, объявить случайностью.

Гражданскую войну в Испании и ее значение для писателя, его позицию в ней невозможно игнорировать. Поэтому здесь смягчаются акценты, приглушаются краски, смещаются масштабы общественно-политического и бытового.

Пример? Пожалуйста. В июле 1936 года Хемингуэй собирается с семьей на отдых в Вайоминг. Бейкер пишет: «Лишь только лоялисты атаковали казармы Монтанья в Мадриде, Эрнест написал своему молодому другу Пруденсио де Переда, что «нам следовало всю эту неделю быть в Испании». (Обратите внимание: «лоялисты», то есть республиканцы, «атаковали казармы»! Между тем кто не знает, что война началась с мятежа воинских частей против Республики? — С. М.) Но он, казалось, не очень спешил ехать туда. Он не проявил каких-то особых знаков разочарования, снаряжая «форд» в путешествие, которое уводило его в направлении, прямо противоположном Испании».

Уважаемый профессор здесь умалчивает, что никто не знал, сумеют ли мятежные гарнизоны Франко долго продержаться против Республики и что Хемингуэй как раз в это время заканчивал роман «Иметь и не иметь». Кстати, под гонорар за эту книгу он выписывает долговые чеки — 40 000 долларов — на покупку 24 карет «Скорой помощи» для Республики. Наконец, Бейкер почему-то забывает процитировать письмо Эрнеста ему самому, где писатель говорил: «Политически я всегда был на стороне Республики — и со дня ее провозглашения и задолго до этого».

Кстати, Хемингуэй опровергает этими словами и советского автора Э. Соловьева, который в девятой книжке «Нового мира» за прошлый год пишет: «После кризиса 1929—1933 годов было просто невозможно рассматривать условную арену корриды как единственную арену, на которой испытывается человеческое мужество. Хемингуэй задается вопросом: «...не является ли самой массовой и самой естественной из всех трагедий их (простых людей.— С. М.) борьба за насущный хлеб?» Неверно это. Схема развития социальных воззрений Хемингуэя, привязанная к корриде, выглядит не только наивной, но и просто ошибочной. Писатель никогда — и до кризиса 1929—1933 годов — не жил в башне из слоновой кости в виде арены корриды.

И не хлебом единым ведь исчерпывается трагедия простых людей. Разве до кризиса он писал только о бое быков? А роман «Прощай, оружие!», в котором совершенно недвусмысленны не только социальные, но и классовые позиции автора? Стоит немного продолжить цитату из этого романа, приводимую самим Э. Соловьевым: крестьяне «были побиты с самого начала. Они были побиты тогда, когда их оторвали от земли и надели на них солдатскую форму. Вот почему крестьянин мудр — потому что он с самого начала потерпел поражение. Дайте ему власть, и вы увидите, что он по-прежнему мудр».

До романа были репортажи с фронтов греко-турецкой войны, послужившие основой для рассказов. И там трагедия простых людей, которые не несут ответственности за войну, но расплачиваются за нее полной мерой.

И разве, наконец, «Фиеста»—это только коррида? Разве в ней бой быков заслоняет для читателя жизнь людей?

До 24 февраля 1937 года, когда Хемингуэй отплывает в Европу, он принимает активное участие в создании организации «Американские друзья испанской демократии», осуществляющей поставки в Испанию различных материалов. Правительство Рузвельта между тем запретило поставлять туда оружие.

Итак, Испания. Эрнест прибывает сюда вме-

сте с Сиднеем Франклином, своим приятелем. Франклин был американцем, но в Мексике научился искусству боя быков и стал матадором. До войны выступал также и в Испании. Но этот лирический попутчик отходит, когда, как пишут Ароновиц и Хэмилл (авторы одной из биографий писателя), Хемингуэй «стал писать менее объективно». В пользу Республики — значит менее объективно! Вот какова у них терминология.

Хемингуэй, правда, избегал писать о том, что принесло бы вред республике. Так, он рассказывал французскому писателю Андре Мальро, что не позволял себе писать плохо о Марти, пока шли военные действия и последний находился в должности командира интернациональных бригад. А. Марти до конца 1940-х годов (когда он был исключен из Французской коммунистической партии) занимал видное положение в коммунистическом движении прежде всего потому, что в годы интервенции в Одессе поднял восстание военных моряков. Однако резко отрицательное мнение Хемингуэя о нем полностью совпадало с мнением многих коммунистов, сражавшихся в Испании. Так, например, Густав Реглер, соратник Матэ Залки, пишет о А. Марти: «...свою некомпетентность в военных делах тот прикрывал непростительной и страстной шпиономанией».

Имея честность и правдивость в творчестве своей единственной иконой, Хемингуэй понимал, что во время войны он скорее солдат, чем писатель. «Период сражений, когда мы думали, что республика может победить, был самым счастливым периодом нашей жизни»,— говорил он потом.

Ради Испании он пошел даже на то, чего не было ни до, ни после: он произносил речи на политические темы, выступал на конференции американских писателей.

Он действительно обычно не стремился играть роль политика, но вовсе не был в ней профаном. Существуют данные, что он был неплохо знаком с некоторой марксистской литературой. Данные косвенные, потому что, уж конечно, об этом никто из биографов не пишет. Однако, например, выражение Ленина «религия — опиум для народа» было не только знакомо ему, а послужило даже источником для размышлений одного из персонажей. Бейкер приводит ответное письмо Хемингуэя приятелю-коммунисту в США, осудившему роман «По ком звонит колокол». Эрнест пишет, между прочим: «Во времена, о которых говорится в романе, ты ни бельмеса не разбирался[1] в Марксе — так же как и Фредди (Ф. Келлер — коммунист, тоже критиковавший роман с идейных позиций.— **С. М.**). Я это знаю, потому что помню число, когда я посоветовал ему почитать кое-что...»

Хемингуэй достаточно разбирался в политике, чтобы еще до отъезда в Испанию сообщить в письме родственникам: «...«красные», если даже они такие плохие, как о них говорят, представляют народ страны против помещиков-абсентеистов, мавров, итальянцев и немцев». Он хотел видеть, как «границы социальной демаркации проводились на основе гуманизма». Он предупреждал, что испанская война — «генеральная репетиция к неизбежной европейской войне». Наконец, он громогласно заявлял, что, если США не отменят эмбарго на поставки оружия для Республики, они вскоре столкнутся с гораздо более опасным врагом, чем Франко и легионы Муссолини. В 1939 году на весь мир злобствовала антисоветская пропаганда в связи с пактом между СССР и Германией. Хемингуэй в письме к другу дал отповедь этим нападкам и сравнил пакт с Брестским миром, который был необходим России, несмотря ни на что.

Хемингуэй никогда не писал просто о войне. Он всегда писал против войны. «Антивоенный военный корреспондент» — называл он себя. Но Испания убедила его, что возможны разные войны. Одни ведутся ради интересов «политиканов тыла». «Страной правит класс, который глуп и ничего не понимает и не поймет никогда. Вот почему мы воюем. Эти люди еще наживаются на войне». Так говорят солдаты в романе «Прощай, оружие!».

Но есть и другие войны, которые ведутся народом за свои интересы, за **свое** будущее. Выбор писателя ясен: «Мы вступаем в пятьдесят лет необъявленных войн. Я записался на весь срок».

О. Савич в своей книге «Два года в Испании» приводит и такие его слова: «Я поставил на красных, а я никогда не меняю ставок».

Американский профессор левого направления М. Гейсмар упрекает Хемингуэя в отходе от политики и общественной жизни после второй мировой войны, в том, что в его жизни с конца 40-х годов отсутствовало «моральное и духовное содержание», а это сказалось и на самом творчестве. В результате пагубного влияния славы, богатства и успеха, как очень резко пишет Гейсмар, «писатель, которого мы все когда-то боготворили, который был раньше **фигурой**, «папа» Хемингуэй, который должен был в конце жизни стать старейшиной американской литературы, стал, по мнению всех серьезных критиков, чем-то близким к литературному клоуну».

Резкость выражений, очевидно, проистекает от излишней доверчивости профессора к «наблюдениям» А. Хотчнера, недобросовестного и ограниченного автора книги «Папа Хемингуэй» (Гейсмар рецензирует в данном случае эту пошлую книгу, публикацию которой Мэри Хемингуэй пыталась предотвратить через суд, обвиняя автора в клевете).

Если не все беспочвенно в подобной критике, то следовало бы специально проанализировать причины общественного одиночества Хемингуэя в последний период жизни и творчества.

Во всяком случае, за три года до смерти, в 1958 году, происходит инцидент, достойный упоминания. Адвокат писателя не разрешил переиздавать три рассказа Хемингуэя, мотивируя это тем, что времена и политические оценки изменились — автор будет выглядеть коммунистом. Хемингуэй был в ярости. О заявлении адвоката он сказал, что оно чуждо всему его образу мыслей, и заключил: «Я не меняю своих политических убеждений».

Хочется возразить профессору Гейсмару: разве Хемингуэй переходил в лагерь реакции, разве его можно упрекнуть в измене товарищам по оружию? Очень важно и ценно, когда человек и писатель не делает ни одного фальшивого шага, за который потом ему — или его памяти — придется расплачиваться перед политическим общественным мнением, перед взыскательной совестью миллионов. А такие примеры, к сожалению, известны писательским кругам США. Помимо Говарда Фаста и Джона Стейнбека, есть и другие злосчастные имена.

[1] Пожалуй, мой перевод несколько смягчает формулировку рассерженного Эрнеста.

Хемингуэй среди офицеров республиканской армии в Испании.

ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ!

Порой остается только диву даваться, на что способен человек, взявший перо в руки. Впрочем, видимо, не перо, а пишущую машинку. Речь идет об американском критике Филиппе Янге. Янг добился места в шеренге хемингуэеведов, идя, что называется, по трупам, прежде всего самого Хемингуэя.

Без некоторой предыстории тут не обойдешься.

Молодой аспирант университета пишет статью о Хемингуэе, где дает «новый подход» к творчеству писателя, трактуя его с фрейдистских позиций. По этой теории, лежащей как бы на стыке филологии и медицинской психологии — а по моему глубокому убеждению, вне того и другого,— взрыв снаряда от мортиры в 1918 году близ Фоссальты, в результате чего Эрнест получил ранения, породил у будущего писателя травматический невроз. Движущей силой его творчества поэтому стал страх. Борьба с ним, бегство от него составили содержание всей последующей жизни и прежде всего писательской деятельности.

Хемингуэй, конечно, не был в восторге от этой «травматической теории литературы», как он выразился. Спрошенный кем-то, писатель ответил: «Кому же понравится, если говорят: «Все, что ты сделал за свою жизнь, сделано из-за какой-то травмы».

Но аспирант всегда хочет защитить диссертацию. За это и принялся Ф. Янг. В довольно неблаговидной форме он стал спекулировать на своих материальных затруднениях и уговаривать писателя снять запрет на использование отрывков из его произведений в будущей книге о «травматическом неврозе». Расчет на отзывчивость и благородство других обычно особенно хорошо удается тем, кто сам свободен от подобных слабостей. Удался и здесь. Эрнест разрешил цитирование и передал Янгу даже право на гонорар от воспроизводимого цитатного материала, который тот не постеснялся принять.

Так стал возможным выход книги, о которой Хемингуэй сказал: «Янг создал теорию вроде как бы прокрустова ложа, и ему пришлось меня разрезать, чтобы уложить туда».

Янга уже не удовлетворяет приговор Гертруды Стайн: «потерянное поколение». Он идет дальше — и в отношении автора и в отношении его героев. Вот как он подает, скажем, такие невинные вещи, как борода писателя и его любовь к рыбной ловле и охоте: «Всегда было много насмешек над бородой Хемингуэя, которая скрывала болезнь кожи, и над увлечением рыбной ловлей, которое, по-видимому, скрывало страх перед умственным заражением. Конечно, лучше застрелить антилопу, чем застрелиться самому».

Повезло Тургеневу, что Янг еще не взялся за книгу о нем!

А герои Хемингуэя? «Отныне героем Хемингуэя становится раненый человек, не только физически, но и — как вскоре становится ясно — также психически».

Ход мыслей Янга понятен. Если герой романа «Прощай, оружие!» Фредерик Генри отверг бессмысленную войну, ведущуюся ради интересов правящего класса, он психически ущербен. Если в романе «Фиеста» Джейк

Барнс и его друзья сыты по горло фальшью, лицемерием и жестокостью общества, они ненормальны. Если Гарри Морган в «Иметь и не иметь» ищет возможность существовать, несмотря на попытки курортников — членов правительства «навести порядок» на флоридском берегу (а в одном мизинце Гарри больше благородства, порядочности, мужества, чем во всех именитых визитерах, вместе взятых), он отклоняется от нормы. Наконец, если герой романа «По ком звонит колокол» Роберт Джордан бросил колледж в США ради участия в героической войне Испанской республики против фашизма и идет на смерть ради нее, он тоже психически «ранен».

Ф. Янг, издав последнюю книгу в 1966 году, напрасно претендует на собственную, оригинальную «переоценку» творчества писателя. В мемуарах Эренбурга приводится замечание Хемингуэя, относящееся к 1937 году. «Хемингуэй сказал, что критики не то дураки, не то прикидываются дураками: «Я прочитал, что все мои герои неврастеники. А что на земле сволочная жизнь — это снимается со счета. В общем, они называют «неврастенией», когда человеку плохо. Бык на арене тоже неврастеник, на лугу он — здоровый парень, вот в чем дело».

Буржуазное общество не прощает тем, кто потерял к нему уважение и доверие. Оно мстит как может.

Термин «потерянное поколение» — в этом ряду. Как известно, Гертруда Стайн услышала это выражение, обращенное к механику-фронтовику, который не был переполнен почтением к богатым клиентам.

Кстати, Э. Соловьев совершенно напрасно приписывает Хемингуэю согласие с выражением Г. Стайн. Еще более странно поступает А. Старцев в послесловии к 1-му тому последнего собрания сочинений, приписывая выражение... самому Хемингуэю! (Лишь в послесловии ко 2-му тому исправляется эта ошибка, как и вся трактовка термина.) Взяв его эпиграфом к «Фиесте», Хемингуэй решительно опроверг его самим романом. Неоднократно он опровергал его и в специальных репликах. Вспомните «Праздник, который всегда с тобой».

«...Все вы такие! — сказала мисс Стайн. — Вся молодежь, побывавшая на войне. Вы — потерянное поколение... У вас ни к чему нет уважения.

...В тот вечер, возвращаясь домой, я думал об этом юноше из гаража и о том, что его, возможно, везли в таком же вот «форде», переоборудованном в санитарную машину... Я думал о мисс Стайн, о Шервуде Андерсоне, и об эгоизме, и о том, что лучше: духовная лень или дисциплина. Интересно, подумал я, кто же из нас потерянное поколение?»

Уже в 1952 году, отвечая корреспонденту «Нью-Йорк пост» о своем поколении, прошедшем войну и потерявшем там иллюзии, которыми их пичкали до того, Хемингуэй говорил: «Я нисколько не считал, что оно потеряно, и я противопоставил этому фразу из «Екклезиаста». Он говорил также (в 1951 году): «Возможно — побитые, использованные с грязными целями разными способами. Но, черт возьми, разве мы были потерянными, кроме тех, кто погиб...»

Обманутое поколение — вот более правильный смысл ходячего ярлыка. Поколение, которое бросили в окопы умирать за несуществующие идеалы. Оно оказалось потерянным для благонамеренных буржуа, столпов прогнившего правопорядка. Но — приобретенным для мировой культуры, для прогресса человеческого интеллекта, совести, порядочности и трезвого взгляда на соотношение моральных ценностей.

«И всегда эта упрямая честность и чувство целостности своей личности!» — уже откровенно недоумевает Янг по поводу «парадоксов» Хемингуэя.

Зато какое удовлетворение выпирает из него при воспоминании о дне 2 июля 1961 года — дне, когда радио разнесло весть о гибели писателя: он, оказывается, получал устные и письменные поздравления, поскольку это самоубийство «предусматривалось» теорией травматического невроза!

Повезло Есенину и Маяковскому, что Янг еще не пишет о них!

Безудержная, хотя и окрашенная в лилейные тона «жалости», месть Янга Хемингуэю — такая же похвала ему в наших глазах, как и честь быть «потерянным поколением» для того, кто привык к почтению перед богатством.

Остановимся на самоубийстве. Оно волнует всех почитателей Хемингуэя. Для тех, кто знал его лично, понимал его и кто знал, в каком состоянии он находился начиная с осени 1960 года, действительно самоубийство не могло быть полной неожиданностью. Да что говорить, пожалуй, любой читатель его скажет: «Не могу представить Хемингуэя, умирающего в постели».

Он был полон жизни. Счастлив, когда любил. Счастлив, когда работал. Счастлив, когда бродил по лесам, плавал по морю, смотрел на форель в холодных горных речках, спускался на лыжах со снежных вершин. Жена его Мэри, побывав в Москве в сентябре 1968 года, вспоминала, ласково и грустно улыбаясь его образу в своей памяти: «Когда на Килиманджаро он чуть свет растирался снегом голый по пояс, а вершина горы освещалась розовыми лучами восходящего солнца, он кричал мне во весь голос: «Сегодня самый счастливый день в моей жизни!» Это повторялось каждое утро — в течение двух месяцев».

Многие вспоминают, что тема самоубийства часто фигурировала в его разговорах. Как? Вот типичный пример: «Я так сильно люблю жизнь, что будет в высшей степени отвратительно, когда настанет время застрелиться».

Настанет время застрелиться... Конечно, он не мог смириться с тем, что стал инвалидом — будь то физически или умственно, творчески. Еще чаще, чем о самоубийстве, он говорил: главное в его жизни — работа писателя. Без этого ничего не нужно, даже любимых развлечений. Ничего того, за что многие его осуждали или высмеивали. Добропорядочные ханжи. Бесталанные эрудиты. Скучные посетители светских салонов. Те, кто уж, конечно, никогда не помышлял о том, чтобы лишить мир своего ценного присутствия.

ВТОРАЯ РОДИНА ХЕМИНГУЭЯ

Испанская тема, конечно, не исчерпывается гражданской войной. Эту страну он любил больше всего на свете, после своей собственной. Раньше была «Фиеста». Первое знакомство — как любовь с первого взгляда, роман до гробовой доски. Суровая природа, беспощадное солнце. Бедность. И вместе с тем открытость душ, дух товарищества и между собой и с каждым buen hombre[1].

«...Автобус тронулся, и Роберт Кон помахал нам на прощанье, и все баски помахали ему в ответ.

...Баск, прислонившись к моим коленям, указал горлышком меха на город и подмигнул нам. Потом кивнул головой.

— Неплохо, а?

— Чудесный народ эти баски, — сказал Билл».

А во время самой фиесты? Разве мы не видим, что писатель влюблен в этот народ, и разве мы не послушны ему в этом чувстве?

«В задней комнате Брет и Билл сидели на бочках, окруженные танцорами. Каждый держал руку на плече соседа, и все ели. Майкл сидел за столиком вместе с какими-то людьми без пиджаков и ел с ними из одной чашки рыбу, приправленную луком и уксусом. Все они пили вино и макали хлеб в масло с уксусом.

— Хэлло, Джейк, хэлло! — крикнул Майкл. — Идите сюда. Разрешите познакомить вас с моими друзьями. Мы тут слегка закусываем».

Нет, нигде не встречаешь у Хемингуэя такого тепла, такой нежности к людям, стоящим на высших ступенях социальной лестницы. Для тех, кто не загорел до цвета седельной кожи от работы в поле, кто не ест из одной чашки рыбу, приправленную луком и уксусом, и слова посуше и чувства посдержаннее, даже если они «положительные герои».

Бой быков, знаменитая коррида — одна из загадок в творчестве Хемингуэя. Особенно для тех, кто никогда не видел корриды. Я принадлежу к их числу. И тут я благодарен Э. Соловьеву: в своем философском очерке «Цвет трагедии» он очень интересно осмысливает то, что многим кажется странностью у писателя, варварским пережитком у народа.

«На грани смерти матадор демонстрирует полноту власти над жизнью, над страхом, над телом. На арене корриды он дан в постоянном сопоставлении с животным, в единоборстве с ним. Здесь он доказывает, что является высшим из созданий, недосягаемым во всем: в своей проницательности, интуиции, сообразительности, в своих эмоциях и рефлексах. Он ощущает себя принадлежащим природе вместе с быком, но высшим в этом единстве и потому способным одержать верх. ...Коррида открывает непреложность трагического мужества, ясность и красоту борьбы, безусловное совершенство человеческого существа перед лицом смерти». Делается все, «чтобы борьба нигде не перешла в нелепость убийства».

Чтобы судить, надо увидеть и понять. Увидеть трудно. Но понять теперь легче благодаря этому очерку. Автор впервые, по-моему, в советской литературе взялся за эту тему. Ведь даже Кашкин лишь слегка коснулся ее, хотя она и чрезвычайно важна для понимания творчества Хемингуэя, его личных привязанностей и интересов.

Во Франции несколько лет назад был издан замечательный альбом работ Пабло Пикассо о корриде с текстом Луиса Мигеля Домингина, знаменитого матадора и приятеля Хемингуэя. В «Опасном лете» — рассказе о соперничестве Антонио Ордоньеса и Луиса Мигеля Домингина — говорится об остром и язвительном уме матадора. «Он не только умен, но и хорошо умеет выражать свои мысли». Как матадор, он «имел богатый репертуар пассов и грациозных телодвижений, легко подчинял быка своей воле и убивал его со всем возможным мастерством... а кроме того, одарен разнообразными способностями, ничего общего не имеющими с боем быков».

Домингин называет в своем комментарии к рисункам Пикассо бой быков «спектаклем толпы, спектаклем, способным пробудить страсти, о которых до того не подозревалось». Вместе с тем, по его определению, это «игра, почти фривольная в стране, где к смерти относятся фамильярно». Наконец, это «праздник встречи человека и быка, балет, который обязательно должен закончиться смертью одного из них, обычно быка».

Может быть, следует подчеркнуть ту, вытекающую отсюда особенность корриды, которая должна была также импонировать Хемингуэю: справедливость борьбы, равенство возможностей матадора и быка. Шпага уравновешивает рога. Но и ее нельзя пускать в ход, пока быку не предоставлено право, время и возможность продемонстрировать, способен ли он оказаться выше человека в этой борьбе.

И в «Фиесте», а особенно в «Смерти после полудня» и «Опасном лете», все это присутствует, так же как и серьезное, почти уважительное отношение к быку, от которого зависит величие матадора.

Очевидно, Хемингуэй потому так интересовался корридой, что знал и понимал испанцев больше, чем это обычно возможно для иностранца, а особенно для американца. Он жил их страстями, горел тем же психологическим и эмоциональным накалом.

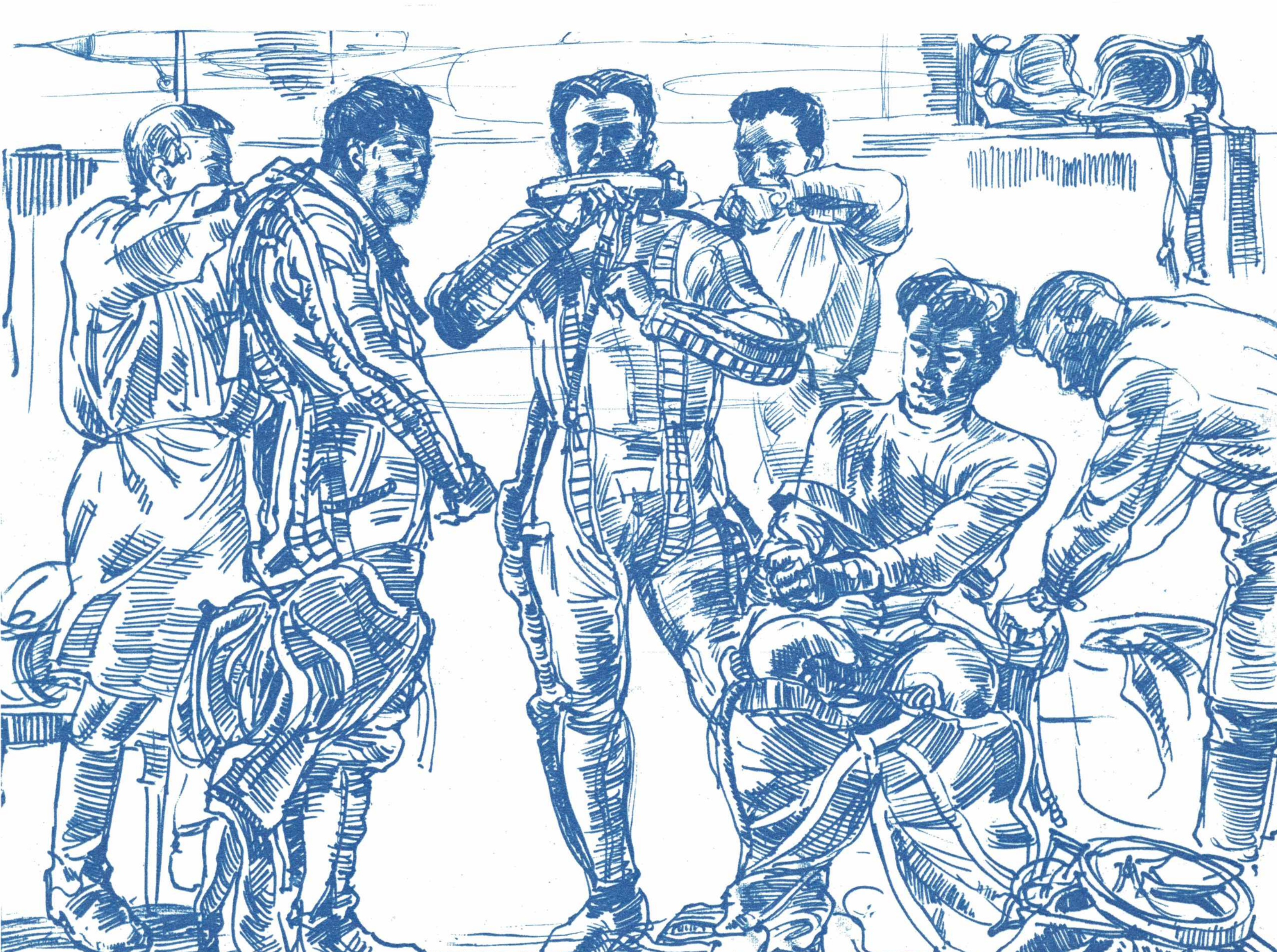
Испанцы открыли Америку. Но, оказывается, американец сумел открыть Испанию — для тех, кто не знал ее. Ее народ.

Как написать эпопею о войне? Как охватить одним полотном годы борьбы, миллионы бойцов? Оказывается, можно взять только три дня. Можно выхватить увеличительным стеклом одну точку на карте страны, заметить там два десятка человек и рассказать о них.

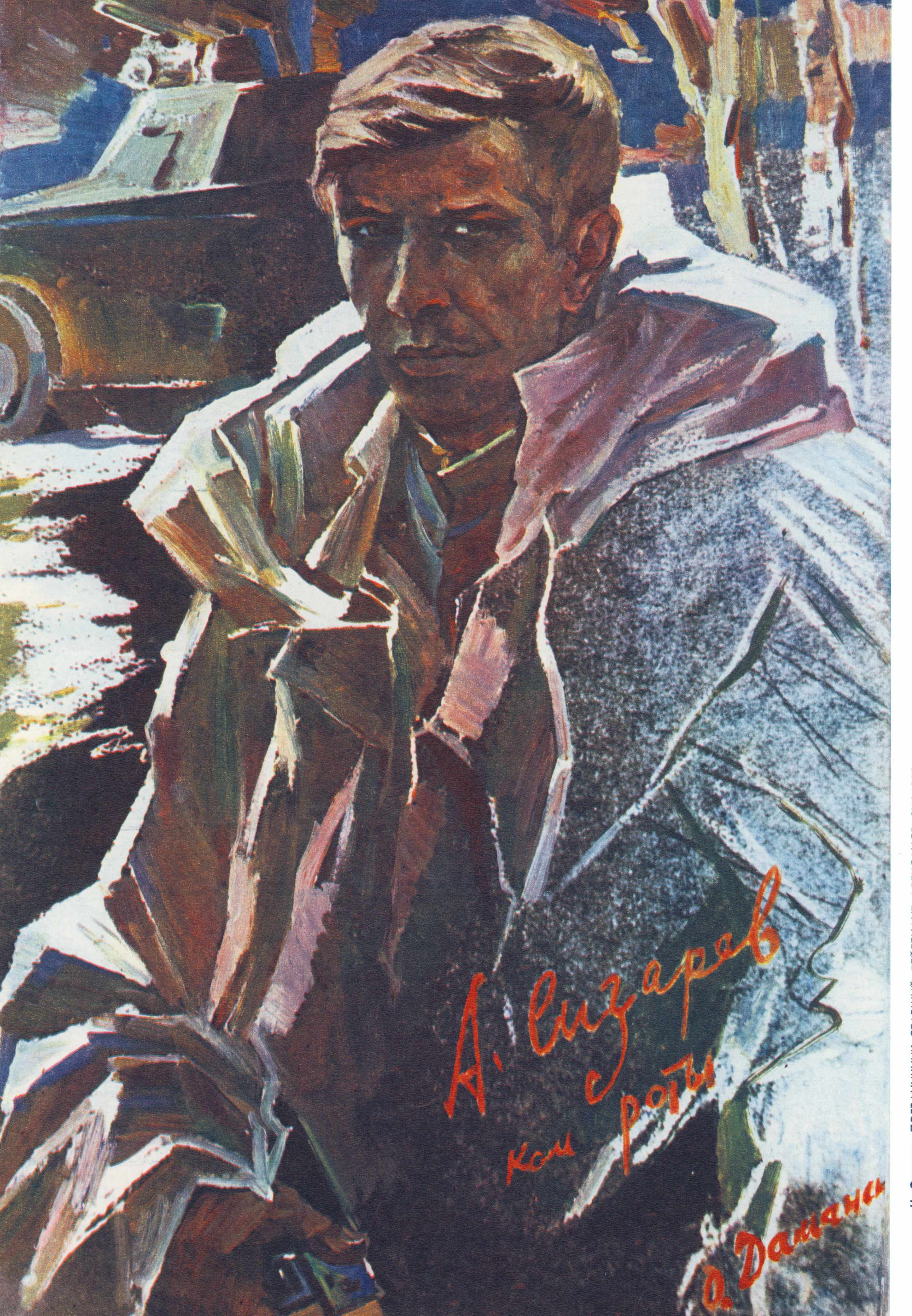
Книга Хемингуэя об испанской гражданской войне войдет в число наиболее значительных произведений о народе. А Испания получила ее как знак поклонения, знак нескончаемого восхищения. Испания — это любовь, которая всегда остается с писателем. Его объяснение в любви — самое длинное в мире: роман «По ком звонит колокол». Кульминация творчества, вершина мастерства. Он читается одним махом, этот громадный роман. Он восхищает и поражает, он берет вас без остатка, забрасывает в эти далекие горы, на покрытый сосновыми иглами мох, под сияние звезд, где вы сражаетесь, страдаете, любите, верите, гибнете. И — живете.

[1] Хорошим парнем.

Н. Овечкин. ЛЕТЧИК-ПЕРЕХВАТЧИК КАПИТАН И. НАЗАРОВ.

ПЕРЕХВАТЧИКИ. ПОСЛЕ ПОЛЕТА.

Н. Овечкин. ПОГРАНИЧНИК СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ АЛЕКСАНДР СИЗАРЕВ.

Иван ПАДЕРИН

НЕБО НА ЛАДОНИ

Служебный автобус штаба ПВО страны быстро заполнили писатели, кинематографисты, художники, чье творчество как прежде, так и теперь связано с армией. Все с легкими чемоданчиками. Лишь один товарищ, как мне показалось, по неопытности перегрузил себя двумя связками каких-то громоздких предметов и тяжелой сумкой с большими картонными листами. Он сел рядом со мной. Ширина плеч — развернутый метр, на лице — следы жесткого загара, как у всадника от степного ветра.

— Вы, кажется, перегрузились, ведь нам предстоит немалый путь?

— Ничего, справлюсь, дело привычное.

Автобус тронулся в сторону подмосковных лесов, выкатился на гладкую бетонку, и я, не зная, кто сидит рядом со мной, поделился свежими впечатлениями о картинах и рисунках, только что выставленных в смотровом зале ЦДСА. Там привлекла мое внимание серия портретов участников недавних событий в районе острова Даманский. Особенно запомнились портреты старшего лейтенанта Александра Сизарева и рядового Сережи Суплянцова. Глядя на них, чувствуешь, что эти воины только сейчас вернулись из боя, им еще слышен свист пуль, взрывы мин и снарядов, на лицах усталость, но они готовы вновь вернуться на огневой рубеж. Это хорошо читается во взгляде Александра Сизарева. С каким презрением он смотрит в сторону маоцзэдуновских провокаторов: «Не беснуйтесь, здесь вы не пройдете, наши границы священны и неприкосновенны!..»

— Он так и сказал. Это командир,— уточнил мой сосед.— Я рисовал его сразу после возвращения с боевого задания.

Так я познакомился с художником Николаем Васильевичем Овечкиным. Сын донского казака, он вырос в Новочеркасске. После окончания института имени В. И. Сурикова написал немало интересных полотен: «Вольница», «Авиаконструкторы». За работу над диорамой «Бой под Ленино» получил медаль с изображением своего земляка баталиста М. Б. Грекова. Энергичные портретные характеристики людей на полотнах и рисунках, экспонируемых на выставке в ЦДСА, мне стали более понятны после личного контакта с художником. Он еще в поиске, но уже четко обозначилась в его творчестве любовь к армии, к героическим натурам.

Впрочем, как Николай Овечкин смотрит на жизнь, как ищет и находит такие натуры, которые увлекают его, мне предстоит еще увидеть: мы тут же в автобусе договорились дать репортаж в рисунках и новеллах о том, что будет показано в ракетных и авиационных частях ПВО страны.

БЛАГОДАТНАЯ СРЕДА

Аэродром вместе с боевой техникой оказался в окружении... виноградников. Кое-где виноградная лоза подкралась к ангарам и вот-вот взберется на покатые стены служебных сооружений.

Над аэродромом взвилась красная ракета.

Прошло еще несколько секунд, и под ногами ощутилась легкая дрожь, будто озноб тронул землю. Еще несколько мгновений — и теперь уже степное небо разразилось оглушительным рокотом и громовыми раскатами: туда, глубоко ввысь, один за другим устремились сверхзвуковые перехватчики.

И снова тишина, мирная от горизонта до горизонта.

— Как сейчас нужен дождь,— сказал Николай Овечкин.

— Кому?

— Винограду,— последовал ответ.

Я окинул взглядом подступающие к аэродрому виноградники.

Там уже кто-то успел включить дождевальные установки.

Люди давно установили: гром не только грозовой разряд, он еще сотрясает благодатную почву, помогая влаге проникнуть в корни растений, отчего последние быстро набирают силу. Теперь понятно, почему виноградники так плотно прижимаются к аэродрому, на котором гром стартующих самолетов мало чем отличается от небесного.

КОНТАКТ

Старт. Форсаж. Захват цели. Атака...

Скупые на слова и очень экономные в жестах летчики произносили эти термины, встречая наши вопросы немножко усталыми взглядами. Они только что вернулись оттуда, из небесной выси. Десять первоклассных летчиков-перехватчиков в скафандрах. На лицах испарина пота крупными росинками оттеняет свежие углубления морщинок. Час напряженной работы на сверхзвуковых скоростях отнял у каждого из них немало сил.

Кто-то посоветовал: хочешь узнать, как прошел полет, говори с летчиком сразу, пока он еще не остыл,— скажет все как было, без утайки. Совет этот оказался полезным лишь в одной части: сам вид этих летчиков рассказал нам больше того, что могли бы они пояснить своими привычными терминами с емким и значительно обновленным значением. В общем, скажу прямо: разговорного контакта с летчиками в этой обстановке у нас не получилось.

Растерянно смотрю на своих приумолкших коллег и вижу: чуть в стороне от основной группы сидит, обтирая пот с лица, летчик. Перед ним сутулит свою широкую спину Николай Овечкин. Он уже работает, склонившись над листом картона. Когда ему удалось выхватить из строя перехватчика капитана Илью Назарова, никто не заметил.

Подхожу к ним. На зеленоватом листе картона появилось несколько стремительных штрихов — фон горизонта. Затем сюда начинают перемещаться живые черточки лица летчика. Проходит еще несколько минут, и с картонного листа меня пронзил взгляд перехватчика. Художник выразил силу этого взгляда по зрительной памяти получасовой давности. Капитан Назаров смотрит на меня сию минуту уже не такими глазами, какие они были у него в момент приземления, однако, сравнивая живой взгляд со взглядом на еще не законченном портрете, мне стало ясно: художник вошел в контакт с летчиком с первого момента встречи.

— Скорость на таких машинах — друг летчика,— доносится до моего слуха голос маршала авиации Евгения Яковлевича Савицкого. Он, выручая своих питомцев перед писателями, устанавливает разговорный контакт.

— А при посадке? — слышится вопрос.

Ответа я уже не улавливаю. Меня поглотили глаза на портрете капитана Назарова. Он еще продолжает видеть и темнеющее небо — там, на больших высотах, даже при солнечной погоде оно видится не таким, каким привыкли мы любоваться им с земли,— и движение стрелой на приборах щита могучего двигателя, наконец, «захват» цели, атака, затем возвращение на землю. Как много в этом взгляде сказано! Можно даже прочитать ответ на вопрос, как надо гасить скорость при посадке, что посадка — самый ответственный момент — требует от летчика большого мастерства и такой устремленной сосредоточенности, какая видна на портрете.

Художник написал его на прямом зрительном контакте.

В КАПЛЕ ВОДЫ

На полигоне боевые стрельбы. Идет отражение атаки с воздуха. То тут, то там из капониров вырываются стрелы с огненными хвостами: это ракеты. Они находят и уничтожают цели на разных высотах. Просто не верится, что такими сложными маневрами быстрых, как молния, ракет можно управлять с земли. Захватывающее зрелище. Ни одна цель не осталась несбитой.

После стрельб нас пригласили на пункт управления. Над столом склонился человек. Он делает какие-то пометки в блокноте. Справа и слева от него железные шкафы с несколькими рычагами, перед глазами экран.

— Сюда поступают все сигналы,— пояснил нам руководитель стрельб.

Воочию убедившись в отличных результатах сегодняшних стрельб, мне почему-то показалось, что оператор — это тот самый чародей, у которого небо на ладони.

— Когда все механизмы сработают,— продолжал объяснять руководитель стрельб,— на это отводится всего лишь несколько секунд, тогда начинается захват цели...

— А если не сработают? — спросил Вадим Кожевников.

Согнувшийся над столом человек выпрямился, отступил шаг в сторону и, удивленно окинув нас взглядом, произнес:

— Как это не сработают?! — В его голосе прозвучала даже обида: дескать, неужели я не знаю, сколько на моей руке пальцев. И, чуть повременив, добавил: — Сработают. Затем и поставлен я на этот пост.— И тут же показал, какие детали и как быстро он будет заменять в случае неисправности. Просто, без особого напряжения. Все детали у него под рукой.

Еще совсем юный человек. На нем хлопчатобумажная гимнастерка, солдатские сапоги, на погонах одна поперечная красноватая полоска — ефрейтор, а какая огромная ответственность. Ведь он действительно овладел искусством держать небо в своей ладони.

— Оператор — самая распространенная в наших войсках специальность,— сказал Маршал Советского Союза Батицкий П. Ф., остановившись перед взглядом ефрейтора, изображенного на листе картона.

И как тут не скажешь: в капле воды можно видеть отражение целого солнца, и художник сумел не только заметить такое явление, но и четко выразить это своим искусством.

М. А. БЕЛАХОВА

Умерла писательница Мария Андреевна Белахова. Перестало биться сердце человека, преданного всей душой литературе. Педагог по образованию, она проникновенно и тепло писала о детях, о подрастающем поколении, писала для них и для взрослых.

Она была одним из любимых авторов «Огонька». Ее повести «Дочь», «Сын», «Разлад», опубликованные в журнале, нашли широкое признание читателей, откликавшихся на каждое ее произведение многочисленными письмами. Читатели воздавали должное автору, ставившему проблемы воспитания молодежи в духе советских социалистических идеалов, умевшему в своих повестях затронуть сокровенные струны человеческой души.

Мария Белахова — автор рассказов, диафильмов и многих критических статей о детской литературе. Ее редакторская деятельность особенно ярко проявилась в работе над книгами бывалых людей. С ее помощью была написана книга Героя Социалистического Труда А. С. Яковлева «Рассказы из жизни». В литературной обработке М. Белаховой вышла книга Героя Советского Союза Д. Медведева «Это было под Ровно».

Она щедро делилась своим талантом. Ее жизнь — пример честного литераторского служения Родине.

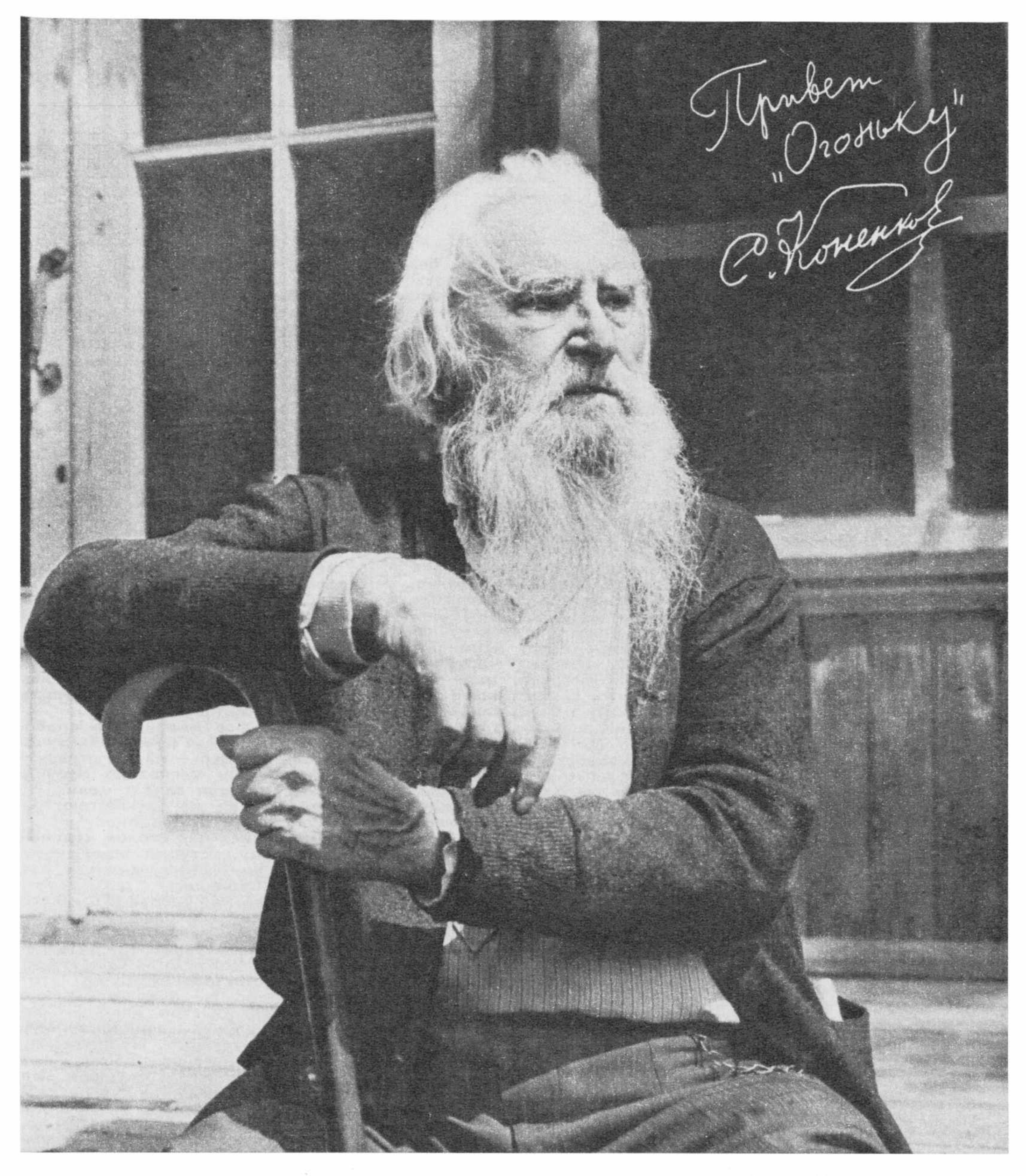

Фото Дм. Бальтерманца.

К 95-летию со дня рождения

МЕЧТАЮ И РАБОТАЮ

**Народный художник СССР,
Герой Социалистического Труда
С. Т. КОНЕНКОВ**

Недавно я совершил поездку в родные края. В разгар молодого русского лета я путешествовал по Смоленщине. В середине июня, припозднившиеся из-за холодной весны, цвели ландыши, выплескивалась из палисадов кипень белой сирени, благоухали ночные фиалки, стояли вдоль дорог осыпанные нежными цветами кусты калины, и соловьи по всей смоленской земле пустились в такой песенный разгул, что короткими призрачными ночами даже и не хотелось думать о сне. Какое наслаждение слушать этих замечательных певцов! Размышляя о гармоническом согласии в природе, я и себя сознавал частицей мыслящего, живого в безграничье мироздания. Легко думалось, мысль, обретая вторую космическую скорость, вырывалась из сфер «земного притяжения» в дальние просторы.

— Где вы живете? — спросил меня деловой голос досужего интервьюера.

— Во Вселенной, а в данный момент нахожусь в Смоленске, в парке на Блонье,— ответил я ему и в шутку и всерьез.

Двадцатый век, точнее, техника двадцатого века, в миллионы раз усилил наше зрение и слух, и каждый из нас, даже не нюхавший пороха научных экспериментов, сознает и ощущает себя существующим во Вселенной. Но тем сильнее наша любовь к родной земле, той земле, что исхожена вдоль и поперек и в дни босоногого детства, и по-особому осязаемая в пору трудовой страды, и обагренная кровью в годы сражений с врагом, покушавшимся на нас — ее хозяев.

Нынче не смеются над мечтателями. Мечтатели оказались деятельными пророками. Циолковский мечтал о кораблях Вселенной. Полеты в космос, работа в космосе в наши дни — это сама реальность. Жила в народе мечта о коврах-самолетах. Теперь самолет — обыденная вещь.

Много и успешно пародировали английского писателя Уэллса, назвавшего Ленина «кремлевским мечтателем». Вождь революционной партии, глава первого в мире рабоче-крестьянского правительства, Владимир Ильич Ленин умел мечтать и страстно боролся за осуществление своих идей. Я мечтаю создать образ Владимира Ильича — человека кипучей энергии, пламенного трибуна. Я мечтаю и работаю.

СПАЯНЫ ЕДИНСТВОМ ДУХА

В Москве гостил государственный ордена Георгия Димитрова Софийский оперный театр: оркестр, хор и солисты — двести шестьдесят человек.

За четверть века народной власти в Болгарии ее музыканты и певцы учились в Московской и Ленинградской консерваториях, стажировались в Большом театре, Театре имени Кирова. В их числе были такие артисты, как Любомир Бодуров, Николай Гяуров, Никола Николов. Советские музыканты, балетмейстеры, художники принимали участие в постановке многих спектаклей на софийской сцене.

Постановку «Хованщины», которой горячо аплодировали москвичи, осуществил народный артист СССР Борис Покровский. Певцы, хор, оркестр проявили глубокое понимание духа русской музыки.

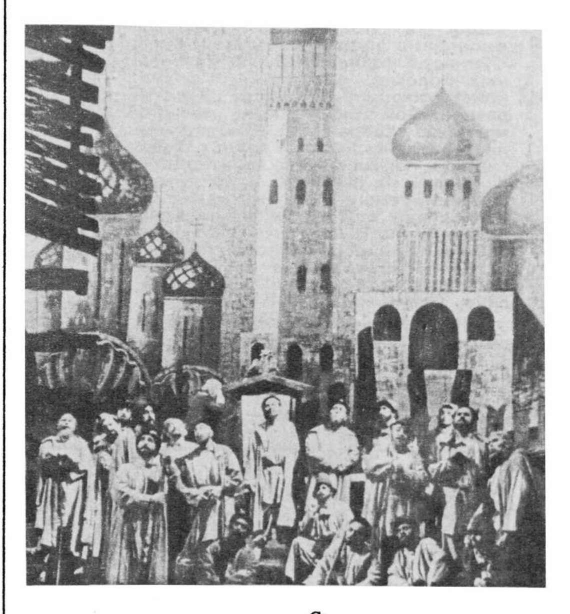
В репертуар московских гастролей театр включил и современную оперу «Антигона-43», написанную народным артистом, лауреатом Димитровской премии Любомиром Пипковым. Эта опера отражает период борьбы с фашизмом; она как бы подводит итог большим успехам, достигнутым за двадцать пять лет в развитии национальной музыки.

...Окончен спектакль «Отелло». В кулуарах Ивана Семеновича Козловского осадили болгарские журналисты.

— Блестящий спектакль! Блестящее исполнение! — говорит он.

И еще одна опера — «Дон Карлос» Верди: болгарские певцы участвовали в постановке Большого театра. В центре спектакля — Николай Гяуров — Филипп. Это певец и артист поразительный. Каждый жест, каждая нота продуманы, глубоко прочувствованы. С потрясающей силой раскрыл он трагедию жестокого испанского короля, сраженного личным горем. Пел Гяуров на итальянском языке, солисты софийской оперы — на болгарском, хор и певцы Большого театра — на русском. А в зале сидели москвичи и гости столицы — англичане, поляки, немцы, французы, югославы, болгары... И эти люди разных характеров, национальностей, взглядов в эти минуты были спаяны радостным чувством прикосновения к настоящему, большому искусству, в котором проявилось нечто большее, чем просто дружба,— в нем единство духа двух братских народов, единство понимания эстетических и политических задач.

З. АНТОНОВА

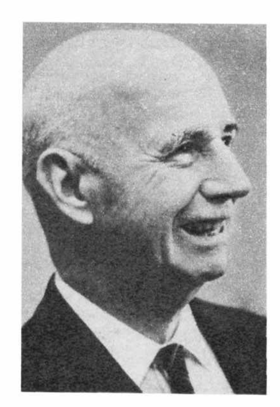

Сцена из спектакля «Хованщина».
Фото А. Гладштейна.

Николай Гяуров снимает Кремль.

Фото автора.

РОКУЭЛЛ КЕНТ: «СПАСИБО, ДРУЗЬЯ!»

В апреле нынешнего года у Рокуэлла Кента, выдающегося американского художника и писателя, лауреата Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», известного общественного деятеля, случилось большое несчастье: поздней ночью загорелся дом. Спасти его не удалось.

Недавно мы получили от Рокуэлла Кента письмо. В нем говорится:

«Сильная беда постигла нас — пожар был настолько разрушительным, что от всего дома остался в конце концов лишь фундамент, и дом надо строить заново. Несмотря на это, в дни тяжелых испытаний мы нашли поддержку. Мы ощутили всю сердечность той дружбы, которую проявляют к нам наши советские друзья, все советские люди. Я теперь очень занят строительством нового дома, в котором придется «начать жизнь сначала», но тем не менее я попытаюсь дать краткий рассказ о том, что же случилось.

В два часа тридцать минут ночи нас разбудил страшный раскат грома, разразившийся где-то около нас, вблизи; ему предшествовала такая молния, что, как мы потом узнали, она была видна на расстоянии многих километров. Наш дом окружали высокие сосны, и мы подумали, что молния ударила в одно из деревьев, поэтому, повернувшись на другой бок, мы постарались снова заснуть. Однако вскоре мы проснулись вновь, почувствовав запах дыма. Мы мигом вскочили, пробрались сквозь наполненные дымом комнаты на свежий воздух. Пожар возник, как говорится, «по воле божьей», а не по злому умыслу человека, нас не поливали напалмовым дождем.

Электрические провода перегорели, мы остались без света и телефона. Моя жена, полуодетая, бросилась в машину и помчалась в деревню, отстоящую от нас на расстоянии двух километров. Оттуда она позвонила на центральную телефонную станцию и вызвала пожарных. Я тем временем добрался до дома соседа-фермера и разбудил его и его семью и, когда вернулся, застал у дома жену и прибывших пожарных. Увы, пожарные примчались без насоса...

Водопровод в горящем доме был недоступен, и пришлось использовать близлежащий пруд. Пожарные отправились в город за насосом и добавочными шлангами, на что ушло еще добрых полчаса. А в это время пламя стало уже пробиваться в нескольких местах сквозь крышу. И хотя в конце концов были вылиты на горящий дом тысячи литров воды, это уже не помогло. Не только весь дом, но и, по сути, все, что в нем было, погибло в огне. Я потерял около пятнадцати картин, много тысяч книг и все ценные для меня вещи, привезенные нами после нескольких поездок в вашу страну, в том числе и прекрасные ваши палехские шкатулки.

Многие мои друзья оказали нам денежную помощь. К счастью, я незадолго до этого сумел продать почти все бывшие в моем распоряжении эстампы, так что в итоге мы смогли начать постройку нового дома, использовав старый фундамент. Конечно, новый дом не заменит утраченного старого — в нем ведь многие вещи были созданы нашими собственными руками. Даже занавеси с набивками были сделаны по моим рисункам. В общем, новый дом никогда не будет для нас и наших знакомых тем, каким был старый.

Мы получили столько трогательных, полных сочувствия писем от друзей, что теперь мы уже уверены в том, что будут еще для нас счастливые времена, и мы надеемся, что сумеем снова побывать в вашей прекрасной, мирной стране и еще раз увидеться с дорогими нам советскими друзьями.

С сердечным приветом

Рокуэлл Кент».

Выступает председатель клуба ветеранов войны вице-адмирал, Герой Советского Союза Г. Н. Холостяков.

В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА».

...И БИТВЫ, ГДЕ ВМЕСТЕ СРАЖАЛИСЬ ОНИ

О них сложены песни...

Двадцать восемь лет назад ушли они на фронт отстаивать честь и свободу Отчизны. Более четверти века прошло с той поры. Но народная память бережно хранит и всегда будет хранить их имена, их подвиги. И когда о подвигах рассказывают очевидцы, товарищи и боевые соратники героев, это особо волнует, придает рассказу высокую достоверность присутствия. Так было и в тот раз, когда в гости к огоньковцам пришли члены клуба ветеранов Великой Отечественной войны, клуба, который уже не первый год успешно работает при Измайловском парке культуры и отдыха и известен не только в Москве, но и далеко за пределами столицы.

...Было это жарким августовским днем. Лейтенант Колыбин получил задание разбомбить мост через Днепр, неподалеку от Чернигова, остановить движение вражеских войск. Вылетел с напарником. По дороге к реке встретил колонну фашистов. Решение пришло само собой: атаковать! Реактивные снаряды метнулись к цели. Напарник повторил маневр Колыбина, длинной очередью из пушек и пулемета настиг фашистов. Затем машины пошли к мосту — он был совсем близко. И тут колыбинский самолет словно споткнулся. Его тряхнуло так, что казалось, будто машина разваливается. Мост рядом, самолет над ним, но, подбитый, едва управляемый, он быстро терял высоту. Колыбин рванул рычаг бомбосбрасывателя. Четыреста килограммов взрывчатки понеслись вниз. Самолет выровнялся легче, то ли потому, что его подняла взрывная волна, разорвавшая фермы моста. «Прыгать? Свернуть на поле, посадить машину?» Но это значит попасть в плен. И тогда пришло иное решение.

Машина послушно наклонилась и пошла точно над дорогой. Ниже, еще ниже... Вот она уже срывает брезентовые покрывала автомобилей, а через несколько секунд уткнулась во что-то тяжелое, грузное. Взрыв разметал все вокруг. Так, повторив подвиг Гастелло, закончил свой боевой вылет Сергей Иванович Колыбин.

И вот он стоит перед нами, скромный, сдержанный в словах и жестах. Годы чуть изменили его. Время залечило раны, но ничего не стерло в памяти.

...Комиссар Б. Филимонов представляет нам лейтенанта Алексея Яковлевича Очкина, сражавшегося под Сталинградом,— «Огонек» уже рассказывал о нем. Фронтовая судьба этого человека поистине поразительна. Очкин не обмолвился, сказав на встрече: «Мы там погибли все, мы все сгорели в районе Тракторного».

Алексей Очкин имеет право сказать: «Мы все сгорели». Потому имеет, что вместе с товарищами принял на себя смертельной силы огонь, что закрыл собой амбразуру вражеского дзота, что за годы войны двадцать раз был ранен. А то, что уцелел,— случайность. Маршал В. И. Чуйков писал об Очкине и его товарищах: «57 человек из 112-й стрелковой дивизии Сологуба под руководством лейтенанта-комсомольца Алексея Очкина девять дней обороняли сборочный цех, затем кручу в районе Нижнего поселка тракторного завода. Вражеские танки, пехота, специальные штурмовые батальоны атаковывали их по 5—6 раз в день, но безрезультатно. Даже тогда, когда в группе лейтенанта Очкина осталось шесть человек и сам он был тяжело ранен, гитлеровские генералы считали, что кручу обороняет чуть ли не целая дивизия».

Алексея Очкина и сейчас зовут — «комдив бессмертных». А во всей его «дивизии» была лишь горстка храбрецов.

...Ведущий встречу Серафим Иванович Китаев, один из создателей клуба ветеранов, рассказывает о том, как живут, что делают его товарищи по клубу. На счету клуба ветеранов сотни встреч и бесед, десятки выступлений перед самой различной аудиторией. Майор в отставке С. Китаев и сейчас не складывает оружия. Он создал сценарий и разработал режиссуру массовых спектаклей, которые потрясают искренностью, высокой правдой подвига. Ему принадлежат композиции «Брестская крепость», «Партизанские встречи», «Венок Дуная», «В битве под водой», «Они сражались за Родину», «Первый салют Родины», «Судьбы солдатские» — фрагменты были показаны в нашей редакции.

...Слово предоставляется Герою Советского Союза Виктору Александровичу Карасеву, человеку, который вел войну далеко за линией фронта, в тылу врага. Он говорил о том, как дерзко воевали партизаны, разрушая линии коммуникаций противника, подрывая эшелоны, держа в постоянном страхе вражеские батальоны.

Майор Анна Владимировна Никулина рассказала о завершающих днях войны, о водружении знамени над рейхсканцелярией Гитлера. Путь А. Никулиной, от Моздока до Берлина,— это путь офицера, политработника, женщины, на долю которой выпали все тяготы войны.

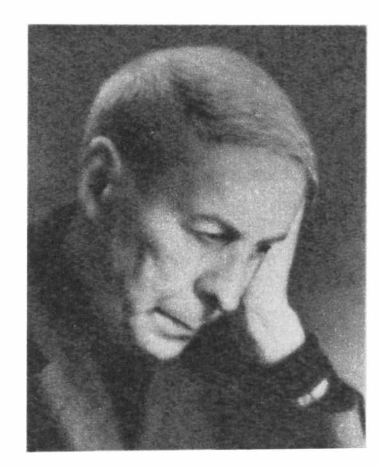
— Когда мы ворвались во двор рейхсканцелярии, нас встретил сильный пулеметный огонь,— вспоминает она.— Сопротивление было отчаянное. Но наш порыв мог смести заслоны и позначительнее. У меня под кожанкой было алое знамя. И у всех у нас одно желание: поскорее забраться на верхний этаж, на крышу, водрузить стяг. И когда он ало вспыхнул в задымленном берлинском небе, ликованию нашему не было предела.

В годы войны на вооружении солдат был и пулемет, и граната, и песня. Незабываемые, волнующие песни времен Великой Отечественной войны. Их задушевно пел руководимый С. Рубановичем октет артистов — ветеранов Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии.

Завершая встречу, выступил председатель клуба ветеранов вице-адмирал, Герой Советского Союза Г. Н. Холостяков, рассказавший о патриотической деятельности клуба ветеранов, о том, какую работу ведут члены клуба, выезжая на предприятия и стройки, бывая и на местах прежних боев и там, где в годы войны не раздался ни один выстрел. В гости к огоньковцам приехали также работники Измайловского парка культуры и отдыха вместе с директором Л. Ливитиным.

ПОЭТ СОЛНЕЧНЫЙ, МОЛОДОЙ

К 80-летию со дня рождения Н. Н. Асеева

«Мы были товарищами не только по воздуху молодости, не только по возрастным впечатлениям. Его локоть я почти всегда чувствовал у своего...» — писал Николай Асеев, вспоминая о Владимире Владимировиче Маяковском.

«...Этот может. Хватка у него моя»,— сказано Маяковским о друге-поэте Николае Николаевиче Асееве.

Трудно, наверное, в истории советской литературы найти такое тесное, такое кровнородственное единение судеб личных и творческих, какое явило собой блистательное содружество Маяковского и Асеева. Уже в самых изначальных истоках предреволюционных исканий можно уловить отголоски созвучий раннего Маяковского и начинающего Асеева — бунтарство против закормленной на убой обывательщины, тины мещанского быта, чуткое постоянное внимание к «тревогам улиц». Но и тогда и впоследствии это было именно созвучием, а не унисоном. Взрывчатая мощь великого новатора, как это бывает, не подавила выдающегося дарования Асеева, а, по законам внутреннего, нравственного и художнического согласия, увлекла его в поистине отважный поиск новых поэтических магистралей, когда Революция входила в их сердца со стихией и разумом ее. Революция, как скажет позднее Николай Николаевич, «освободила от оков фантазию, душевный порыв, заветную мысль, надежды молодости».

В этой фразе есть одно удивительно характерное для Асеева слово, которое стало как бы постоянной величиной, масштабной мерой всего мироощущения поэта,— молодость! Тема молодости, как социальная и нравственная, прошла через всю огромную лирическую картину, созданную Асеевым за полвека непрестанной поэтической работы. Она родилась из Революции, омолодившей мир и человеческую душу, и до самых последних дней поэта была осенена ею. Уже стареющий Асеев так по-юношески звонко воскликнет:

Время нам молодость
снова вернуть:
ею намечен
проложенный путь!

В социальном понимании молодости, душевного нестарения можно увидеть, прослеживая весь творческий путь поэта, сильное, крепкое врастание темы подвига как естественное и целенаправленное проявление нерастраченных богатых сил. В классических поэмах «Синие гусары» и «Семен Проскаков» по-асеевски монументально и в то же время с пронзительным лиризмом, опять же чисто асеевским, воспеты рыцари революционного подвига — декабристы и безвестный герой гражданской войны Семен Проскаков. В них трагизм исторической правды уже сам внутри себя несет яркий свет исторического оптимизма, так верно понятого и так густо сконцентрированного поэтическим мироощущением поэта. Вот почему трагическая история бакинских комиссаров стала в поэме «Двадцать шесть» гимном большевистской стойкости и мужества. И в вершинном творении Асеева — поэме «Маяковский начинается» — встает образ поэта-героя, человека будущего: «Он был какого-то нового племени делегатом...»

Уроки исканий и творческих завершений Асеева необыкновенно поучительны: они во многом современны, уместны, когда в нынешних литературных полемиках речь заходит о месте поэзии и поэта, о смелом новаторстве и родниковой неиссякаемости великих художественных традиций русской культуры.

Поэт-новатор «по самой строчечной сути», по всему складу своего огромного первопроходческого таланта, Николай Асеев прочно стоял на почве национальных художественных традиций и народного словотворчества. Диалектическое понимание традиционных явлений и никогда не прекращающейся ломки затвердевших эстетических категорий — вот что завещано последующим поколениям поэтов признанным мастером-новатором.

В одной из последних своих работ — в книге стихов «Лад» — Николай Николаевич удивил своих современников свежестью поэтического письма, молодостью чувства, сочетанием ясной простоты и увлекающей игрой ритмов и необычайностью метафор. И теперь помнится, какое это было значительное литературное событие — выход асеевского «Лада».

Ныне перечитывая книги Николая Николаевича Асеева, мы также не перестаем удивляться такой современной озвученности их, такой непреодолимой силой вхождения в духовную жизнь сегодняшнего дня, что твердо уверуешь в приход их в день будущий. В будущее уходит и образ самого замечательного поэта.

Умираем?
Нет, не умираем —
порохом
идем в тебя,
земля!

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

СЛУЖЕНИЕ СЧАСТЬЮ

К 70-летию со дня рождения П. А. Павленко

Писатель интернациональной темы, патриот родной России и певец Востока, военный литератор и боевой публицист, автор поэтической книги для детей и о детях,— во всех гранях своего незаурядного таланта встает перед нами Петр Андреевич Павленко. И трудно сразу сказать, какая из граней его многообразного дарования ближе, дороже нам сегодня. Он писал о парижских коммунарах и горцах Кавказа, о революционерах Китая и Японии, о несгибаемых русских большевиках. И если сейчас все же спросить, что же было главным в творчестве этого художника, что всегда волновало и волнует в его книгах, я счел бы за самый верный ответ: постоянное ощущение борьбы двух миров.

Первое крупное произведение Павленко — роман «На Востоке» появился в годы, когда над планетой уже нависла всей своей тяжестью туча второй мировой войны. И хотя в своем предвидении обстоятельств и подробностей военного столкновения писатель не мог стать тем, чем стали теперь летописцы прошедших грозных событий, пафос его романа оказался непреходящим, и правда высокого творчества слилась уже в новом поколении читателей с высокой правдой жизни. И дело, конечно, не в том, что романист предвидел победу добра над злом — он показал во весь рост тех людей, победить которых невозможно, и показал дела, которые невозможно разрушить. В трактовке интернациональной темы писатель шел по главному пути, связывая дело свободы народов с успехами первой и единственной в тогдашнем мире страны социализма.

Нам не покажется удивительным, что образ большевика Михаила Семеновича из романа «На Востоке» оказался сродни образу большевика Воропаева из романа «Счастье», написанного и увидевшего свет уже после войны, страдания и жертвы которой не мог предвидеть никто. В ту пору, да и позднее, для иных писателей, как бы забывших на время о виновнике трагедии—фашизме, именно изображение человеческих страданий стало целью творчества и его содержанием. Павленко же назвал свою новую книгу «Счастье», показав в ней судьбу человека, который стойко прошел через многие горестные испытания, но не сломился, не растерял идеалы счастья, а по-большевистски встал в строй, чтобы бороться за эти идеалы.

Роман «Счастье» стоит в ряду тех лучших послевоенных произведений, в которых понимание народного жизнетворчества как бы принято по эстафете от книг, рожденных революцией, гражданской войной, подъемом нашего предвоенного строительства и, наконец, великим отпором врагу в битве за Отечество. Роман Павленко, конечно, детище своего времени, поэтому он и вобрал в себя всю нелегкую и в то же время притягательную сложность тех лет. В этом его правдивость, жизненность, которая не требует ни прибавить иное, ни убавить другое, как это, может быть, и хотелось в иные времена.

Оптимизм Павленко партийного склада. И в очень отличной от других его книг — в детской повести «Степное солнце» мы вдруг встречаемся с героем, о котором секретарь райкома говорит: «...какой замечательный большевичок растет». Какой бы темы ни касался Петр Павленко, навсегда пронизана, высвечена светом партийности каждая грань его самобытного большого таланта.

Г. ПОЛИТЫКО

ВЫСТАВКА ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

В Доме культуры и техники на Волхонке в Москве открыта выставка новых работ художника Ильи Глазунова. Представлено около ста произведений — живопись и графика. Главное место на выставке занимает патриотический цикл «Русь». К этому циклу относятся работы «Два князя», «Красавица» и другие.

Об Илье Глазунове говорят, что он художник контрастов. Действительно, кроме образов и картин древней Руси, к которым Глазунов наиболее привержен в своем творчестве, на выставке мы встречаем лирический цикл «Жизнь города».

Художника увлекают образы литературных героев Достоевского, Блока, Гоголя. Интересно выполнены Глазуновым иллюстрации к «Белым ночам», «Идиоту», «Преступлению и наказанию».

Обращение Глазунова к современности — это портреты строителей Нурека, советского композитора Пахмутовой, итальянского кинорежиссера Феллини...

Особая удача художника — рисунки вьетнамской серии. Острый, выразительный, документально достоверный графический репортаж, пронизанный с опаленной огнем земли героического Вьетнама.

Сейчас художник занят ответственной и творчески увлекательной работой — делает иллюстрации к Собранию сочинений А. К. Толстого, а также для нового издания «Неточки Незвановой» и «Белых ночей» Достоевского.

Е. СТЕПАНОВА

Николай СИЗОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ»

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Исследование бутылки и стакана было закончено поздно вечером. На бутылке следов обнаружить не удалось. На стакане же их было несколько. Экспертиза установила: ни рука Валерия, ни рука Людмилы к стакану не прикасались. Не принадлежали отпечатки и Чернецову. Стаканом пользовался кто-то другой.

Теперь даже Агапов не решался так уверенно и безапелляционно утверждать, что Валерий и Людмила причастны к убийству. Конечно, можно было продолжать выяснение разных деталей, только во имя чего? Доказывать недоказуемое? Но и отказаться от дальнейшей проверки версии, которая казалась столь реальной, тоже было нелегко. Мучительно тяжело на душе у оперативного работника, когда заподозрен невинный человек. И тяжело, когда упущен преступник.

Дедковский, прощаясь с Валерием и Людмилой, был рад, Агапов чуть-чуть смущен. Но терзаться и переживать было некогда, да и не любил этого старший лейтенант Агапов. Разведя руками, он с обескураживающей улыбкой проговорил:

— В любом деле ошибки бывают. Так что вы, ребята, не сетуйте на нас.

Валерий начал было говорить что-то насчет некоторых не в меру самоуверенных детективов, но Людмила остановила его:

— Не надо, Валерий. Пусть лучше товарищи муровцы скажут, как дальше-то будет? Кто же убийца и где он?

Агапов вздохнул:

— Если бы знать...

Валерий и Людмила поднялись, Дедковский остановил их:

— Прошу немного задержаться. В поезде вы рассказывали мне, что, когда уходили из квартиры Чернецовых перед отъездом в Ленинград, к Вите пришел какой-то его приятель. Так?

— Да, именно так,— подтвердили Валерий и Людмила.

— Что это был за парень? Расскажите...

...Когда Валерий и Людмила ушли, Дедковский, подняв на лоб очки, долго сидел, задумавшись, барабаня по столу пальцами. Затем проговорил:

— Итак, старший лейтенант, на версии номер два тоже ставим крест. Опять не попали в цель. Давайте думать еще. Думать и думать. К завтрашнему утру на столе у полковника должен лежать новый оперативно-розыскной план. Версия «Приятель» тоже должна быть в этом плане.

— Сколько же еще будет этих планов и версий, товарищ майор?

Дедковский пристально посмотрел на старшего лейтенанта и, чуть улыбнувшись, ответил:

— Бывает всякое. Может, пять, может, и десять. А то и больше. В данном случае версия «Приятель», может быть, последняя. Думаю, что последняя.

— Опять интуиция?

— Не только. Хотя и она тоже. А что, у вас есть к моей интуиции какие-нибудь претензии? По-моему, она нас не подвела?

— Нет, не подвела. Но я предпочел бы знать более подробно ход ваших рассуждений, чтобы не блуждать вслепую.

— Что ж, требование законное. Слушайте. С чем не согласитесь, делайте себе заметку. Обсудим потом.

Говорил майор долго. Делал паузы, задумывался, курил. Опять продолжал. Наконец подытожил:

— Преступление совершено между пятнадцатью и семнадцатью часами. Кто был в этот период в квартире? Валерий и Людмила. Но они уехали в шестнадцать. Значит, отрезок времени для преступления сузился до одного часа. Кто был в квартире в этот промежуток? Какой-то мальчик. Вот в нем и отгадка тайны.

— А если он пришел и тут же ушел?

— Конечно, могло быть и так. Но шел-то он заниматься, делать уроки. Так? Так. Почему же он вдруг должен уйти? Нет, он не ушел, и именно он, этот малец, должен помочь нам распутать клубок.

— А что, пожалуй, вы правы,— после раздумья согласился Агапов.— Но давайте все же прикинем. Допустим, что расстроилось у них дело с занятиями. На это потребовалось какое-то время. Пусть пятнадцать, пусть двадцать минут. А это уже около половины пятого. В семнадцать же часов, как известно, поступил сигнал о пожаре. Грабители должны были узнать, когда Витя в квартире остался один, должны были войти в квартиру, расправиться с ним, найти ключи, обшарить шкафы, отобрать наиболее ценные вещи, уложить их, вынести из дома, подожечь квартиру. Маловато времени оставалось для всех этих операций. Да еще кто-то и водку пил. Нет, это были убийцы — грабители с предварительной разведкой. И возможно, вполне возможно, что мальчик этот пришел не случайно. Вы абсолютно правы, товарищ майор.

Дедковский, чуть улыбнувшись, спросил:

— Значит, действуем?

— Действуем!

И вот работники оперативной группы опять в Ключевом переулке. Участковый уполномоченный, обслуживающий этот микрорайон, председатель домового комитета, классный руководитель школы, где учился Витя Чернецов, рассказывают о его сверстниках. Ребята хорошие, хоть и озорные немного. С кем дружил Витя? Со многими. С Ивановым Толей, Смирновым Юрием, Арутюновым Ашотом, Надей Беляевой. Вообще Витю ребята любили, пожалуй, все или почти все у него были в приятелях.

К вечеру Агапов вместе с участковым собрал всех ребят, кто был назван как хороший знакомый Виктора.

— Расскажите, ребята, кто из вас бывал у Вити Чернецова?

— А зачем нам у него бывать?

— Ну как это зачем? Помогать делать уроки, например.

— Он сам мог кому хочешь помочь.

— Допустим, но ведь бывали же вы у него?

Оказалось, почти все бывали, только раньше.

— А почему только раньше? Почему?

Молчат ребята, глаза опустили.

— Ну, так как же? То все ходили, а потом вдруг никто.

Щуплый вихрастый паренек стал неохотно объяснять:

— Так ведь Серега к нему стал ходить. Чеглаков. Он тоже у нас в школе учился. А с нынешнего года в другую школу ходит. В другой микрорайон переехали они. Витя рассказывал, что они какие-то упражнения изучают. А кто же пойдет, раз Сережка там? Он же обязательно тумаками угостит.

Узнали адрес Чеглаковых. Новый дом, небольшая, но хорошо благоустроенная квартира.

Сергея Чеглакова дома не было.

— Уехал к родне в Коломну,— объяснила мать. Потом настороженно спросила: — А зачем он нужен-то? Может, натворил чего?

— Да нет. Хотели немного поговорить с ним.

— Если что такое, так вы мне скажите. Без отца растут-то у меня. Отчаянные.

В это время в комнату вошел старший Чеглаков — Федор. Увидев Агапова и участкового, он нахмурился:

— В чем дело, товарищи?

— Да вот Сережа им понадобился,— объяснила мать.

— Это зачем же?

— Да так. Дело есть,— ответил Агапов.

— Но мы-то должны знать, что это за дело?

— Хотели кое-что уточнить.

— Приедет в понедельник, тогда и уточните.

— Спасибо. Скажите ему, чтобы он пришел в детскую комнату отделения.

— Придет, придет, отчего же не прийти, раз надо,— вздохнув, проговорила мать, провожая гостей к двери.

И вот перед Дедковским и Агаповым сидит подросток. Рослый, с хмурым, насупленным взглядом. Держится настороженно, всеми силами старается показать, что ничего он не боится и ничего ему не страшно. И вообще, почему его вызвали? Хулиганил он? Нет. Дрался? Нет. Ну и все. Чего, собственно, надо?

— Расскажи-ка, Сергей, о втором апреля. Подробно расскажи. Постарайся вспомнить весь день. Где был, когда, что делал?

— Ну, где был? В школе.

— А потом?

— Потом дома.

Продолжение. См. «Огонек» № 28.

— И долго?
— До вечера.
— А вечером?
— Играли во дворе. Потом сходили с ребятами в «Зарю». Фильм там мировой шел. Только билетов не достали и ушли домой.
— Ничего не забыл?
— Вроде ничего. Почему я должен забыть?
— Ну, знаешь, бывает. Подумай еще.
— Еще за молоком ходил в магазин. Мать посылала. Это уж совсем вечером.
— Хорошо. Может, еще что припомнишь?
— Нет, больше никуда не ходил.
— Ну, ладно, Сергей. Посиди пока в другой комнате. Позовем тебя.
— А мне домой пора. Мать и брательник задерживаться не велели.
— Скоро пойдешь, долго не задержим.
Минут через пять после ухода Сергея в комнату вошла Людмила. Она взволнованно проговорила:
— Этот, именно этот парень шел тогда к Вите.
— Да? А вот он говорит, что был дома после школы и никуда днем не выходил.
— Товарищи, честное слово, он! Я, конечно, не знаю, может, мальчик этот и не имеет никакого отношения к тому страшному делу, но что он встретился нам на лестнице — это точно, голову даю на отсечение.
— Ну, зачем же так... Разберемся.
— Да вы Валерке его покажите, если мне не верите. Он ведь тоже его видел.
В следующий раз Сергей пришел в отделение в сопровождении брата. Федор требовательно заявил:
— Вы должны объяснить, почему таскаете братишку. Позавчера вызывали, сегодня... Он не хулиган, не какой-то там трудновоспитуемый.
— Хорошо, хорошо. Но, между прочим, к нам не следует ходить вот так... под хмельком.
— А почему я не могу выпить? На свои пью.— И требовательно добавил: — С Сергеем будете говорить при мне.
— Нет, говорить мы будем без вас,— спокойно, но твердо ответил Дедковский.— Так что придется подождать в соседней комнате.
Сергей, зная, что брат находится рядом, держался еще увереннее, чем в первый раз, порой даже вызывающе.
— Сергей! Ты вот говорил, что, кроме магазина, никуда после школы не ходил. Так?
— Так.
— А выходит, не совсем так. У Виктора Чернецова ты, оказывается, был.
— Это когда же? В тот день не был.
— Нет, был.
— Нет, не был.
— Понимаешь, тебя видели родственница Чернецовых и ее знакомый. Они выходили из квартиры, а ты пришел. На лестничной площадке вы встретились. Да и дворник видел, что ты днем, что-то около четырех часов, забегал в подъезд.
— Так я же на одну минуту. Взял у него учебник по географии и ушел.
— Географию, говоришь, взял?
— Да. И сразу ушел.
Дедковский ничего не ответил и, раскрыв папку с документами, стал читать опись вещей Вити Чернецова, которые были в день убийства в его комнате. Читал долго. Здесь же значились и учебники. Среди них — география. Может быть, какая-то ошибка?
— Ты посиди, Сергей, минутку, вот потолкуйте с товарищем Агаповым, а я сейчас приду.
Дедковский прошел в комнату начальника отделения, позвонил в МУР и попросил проверить, есть ли среди вещей Вити Чернецова, что были изъяты для следствия, учебник по географии.
— Да, есть,— подтвердили оттуда.— Вот он перед нами. География частей света. Учебник для VI—VII классов. Издательство «Просвещение», 1963 год. На обложке надпись: «В. Чернецов — 7-й «Б».
— Все ясно, спасибо,— задумчиво проговорил Дедковский и вернулся к себе. Когда проходил через приемную, Федор Чеглаков нетерпеливо спросил:
— Скоро освободите мальца? Ему же заниматься надо.
— Да, да. Еще несколько минут.
— А ты точно помнишь, Сергей, географию брал? — войдя в комнату, спросил Дедковский.
— Конечно, помню. Она и сейчас у меня дома. Могу принести.
— Хорошо. В следующий раз, когда мы тебя позовем, захвати книгу с собой.
— Захвачу.
Сергей, по-взрослому сутулясь, не прощаясь, вышел.

Вечером на совещании в МУРе Дедковский докладывал итоги этих дней. В конце сообщения заявил:
— То, что Сергей Чеглаков был там и что он в какой-то мере участник преступления, у меня сомнения нет. Но лицо он, конечно, второстепенное. А кто главный, кто был там, кроме него, неясно. Его окружение по школе исключается. Ребята все мальцы. Убежден, что в убийстве может быть замешан его брат Федор.
— А почему вы уверены, что Федор причастен к делу?
— Я сказал, что он может быть причастен. Он дважды судился, поведение не из похвальных. Правда, доказательств его участия в деле на Ключевом пока нет. Надо проверить дактилоскопические отпечатки. Если сойдутся, тогда другой разговор.
— А если не сойдутся? Опять извиняться? — Голос начальника МУРа был непреклонен, и Дедковский понял, что разрешение на задержание Чеглакова ему пока не дадут.
— Вы нам соберите доказательства, тогда и решим, как быть с Федором Чеглаковым. Но смотрите, чтобы не скрылся. А то ищи ветра в поле,— проговорил суховато полковник.
— Скрыться не дадим и доказательства соберем. Прошу еще несколько дней,— твердо пообещал Дедковский.
На следующий день в трест «Облпромстрой», где работал Федор Чеглаков, приехал работник бухгалтерии главка, долго рылся в ведомостях по заработной плате, потребовал учетный журнал выхода на работу сотрудников. Придирчивый оказался представитель, дотошный. Два дня сидел, ковыряясь в бумагах, все выспрашивал, что да почему. Затем объявил, что некоторые документы, например, ведомости на зарплату, заберет на несколько дней с собой. Управляющий было воспротивился, позвонил начальнику главка. Тот коротко ответил:
— Хочет забрать, значит, надо. Не пропадут ваши ведомости, вернет.
Через два дня Агапов, взволнованный, нетерпеливый, явился к Дедковскому:
— Все в порядке...— И он положил перед Дедковским дактилоскопические карты, заключение экспертов.
Майор долго, пристально изучал принесенные документы. Потом коротко бросил:
— Пошли к полковнику.
Войдя в кабинет, майор официально произнес:
— Товарищ полковник, надо немедленно задержать Федора Чеглакова.
— Есть доказательства? — Полковник бросил на оперативников хмурый взгляд.
— Отпечатки пальцев в ведомостях на зарплату и на стакане идентичны. Второго апреля Федор со своим приятелем Семеном Потаниным на работе не были. Отпрашивались. Кроме того, сегодня в скупочный магазин в Медведкове сданы золотой браслет и брошь, взятые у Чернецовых.
— Самими преступниками?
— Ну, нет, не так уж они глупы. Через одну старушенцию.
— И ее не задержали?
— Хотим посмотреть, по каким еще адресам она свои стопы направит.
— Ну, что ж, поздравляю вас.— И полковник стал набирать номер телефона городской прокуратуры.
...Взяли их на шумной, веселой вечеринке в Кожухове у Нинель Белявской, полупьяных, возбужденных вином и происшедшей незадолго до этого стычкой в соседнем ресторане.
Вид у приятелей сначала был оскорбленный и подчеркнуто недоумевающий.
— За что взяли? Ну, пошумели малость, что из этого?
Однако за возмущенными выкриками крылась тревога. Неужели напали на след и на Петровке что-то знают? Тревога эта сменилась леденящим душу страхом, когда Дедковский, отправив с дежурным Потанина, спокойно и деловито, как-то даже буднично проговорил:
— Ну, хватит, Чеглаков. Вы ведь хорошо понимаете, что на Петровку вас привезли не зря. За бедлам в ресторане вам хватило бы и отделения. Рассказывайте об обстоятельствах убийства Вити Чернецова...
Огромным усилием воли Чеглаков заставил себя успокоиться и даже усмехнуться:
— Не понимаю, о чем говорите. Что-то не то шьете, начальник.
Держался он вызывающе, задиристо. Упирался отчаянно и долго, взывал к объективному расследованию фактов, требовал доказательств, грозился жаловаться на муровцев за нарушение ими социалистической законности.
— Прямо не верится, что это убийца. Уж очень уверенно себя держит,— удивленно проговорил Агапов после первого допроса Чеглакова.
Дедковский махнул рукой.
— Инстинкт самосохранения. Рассчитывает сбить нас с толку. Знает, что держать

без доказательств мы не можем. Только не знает того, что доказательства-то у нас есть, и притом неопровержимые.

На втором допросе Дедковский повторил свой вопрос:

— Так как же, Чеглаков, будете признаваться?

— В чем?

— В убийстве Виктора Чернецова.

— Нет.

— Тогда как объяснить, что гражданка Устименко Пелагея Дмитриевна, задержанная при продаже некоторых ценных вещей, принадлежащих Чернецовым, показала, что эти вещи ей дали вы?

— Какая Устименко, какие вещи? Ничего не знаю.

— Допустим. Но вот этот портсигар и часы, принадлежащие Чернецовым, изъяты у вас в комнате. Как они попали в ваш чемодан?

— Впервые вижу эти железки.

— Несерьезно это, Чеглаков. Вещи изъяты в присутствии понятых и вашей собственной матери.

Чеглаков молчал.

— Тогда еще вопрос. Почему собирались уехать из Москвы?

— Никуда я не собирался.

— Неправда. Собирались. Вот билет на самолет во Фрунзе. Тоже изъят у вас.

Наконец, ему предъявили заключение дактилоскопической экспертизы, из которой явствовало, что отпечатки на стакане из квартиры Чернецовых и отпечатки его пальцев идентичны.

Чеглаков долго молчал, исподлобья осмотрелся по сторонам и глухо, не глядя на Дедковского, признался:

— Да... Частично виноват. Но не в убийстве, нет. В том, что участвовал в ограблении квартиры, и в том, что... не удержал Потанина от убийства.

Семен Потанин был менее опытен, и страх совершенно парализовал его. Однако своего оправдательного алиби держался упорно. Подробно, в деталях объяснил, что делал второго апреля. Почему именно второго брал отгул? Да очень просто. Надо было костюм купить. В выходные дни народу в магазинах, как известно, всегда полно. Вот и решил использовать заработанный день. И купил в Измайлове. Очень хороший, между прочим, магазин.

Магазин готовой одежды в Измайлове действительно есть. И второго апреля Потанин костюм там приобрел, но только в первой половине дня. Данная партия товара прошла до двенадцати часов. Об этом неопровержимо свидетельствовала контрольная кассовая лента. Семен же настойчиво утверждал, что покупку совершил в конце дня, около пяти часов. И хотя ему было совершенно ясно доказано несоответствие его объяснений фактической стороне дела, он стоял на своем. «Нигде больше не был, ни с кем не встречался, никаких Чернецовых не знаю».

— А вот Федор Чеглаков показал, что Витю Чернецова убили вы, спортивной гантелью.

— Что? Что? Это он показал? Он? — Семен буквально впился глазами в протокол допроса.

Убедившись, что его не обманывают, беспомощно опустился на стул. Однако опять взял себя в руки и глухо проговорил:

— Это не доказательство. А может, это и подпись-то не его. Наговорить на человека можно чего хочешь.

Ему дали прослушать магнитофонную ленту с записью показаний Федора. Но и после этого он продолжал стоять на своем.

— Видите ли, Потанин, голое отрицание фактов не лучший способ защиты,— терпеливо выслушав его, сказал Дедковский.— Но допустим, что этих фактов вам кажется мало. Тогда как вы объясните еще одно обстоятельство? Орудие убийства—гантели—вы выбросили в отводной канал около Мало-Устинского моста, завернув в сорванную занавеску.

— Откуда... Как вы это узнали?

— Узнали, как видите. Водолазам пришлось основательно потрудиться, но они по нашей просьбе их все же достали. На гантелях кровь жертвы и следы ваших рук. Немаловажное обстоятельство, как думаете?

Семену Потанину тоже ничего не осталось делать, как признаться в преступлении.

. . . .

И вот остались позади бессонные ночи оперативной группы, следователей прокуратуры, экспертов, многих других работников, немноголюдные, но нелегкие совещания, где возникали, обсуждались, отвергались или принимались версии, гипотезы, предположения. Кто совершил преступление? Как найти преступников? Как уличить их? Неопровержимо и бесспорно доказать их вину?

Все это уже позади. Преступники установлены. Скрупулезно, до мельчайших деталей собраны все улики и доказательства их дикого преступления. Скоро суд. Он подведет черту.

У майора Дедковского уже другие заботы. Но отключиться от трагедии в Ключевом, вычеркнуть из своей памяти людей, чьи судьбы переплелись в ней, он не может. Ведь для настоящего криминалиста мало установить преступника, доказать его вину. Он должен выяснить, понять, проанализировать те силы, те обстоятельства, которые завязали этот страшный узел.

Что касается Чеглакова, все было ясно. Два приговора, что выносились ему, впрок не пошли. Сроки изоляции были невелики, но и их Чеглаков не отбывал полностью. Оба раза освобождали досрочно. Надеялись на то, что уразумел парень и будет вести себя по-людски. Но парень уразумел только одно: не так уж это страшно — суд и тюрьма. Можно, оказывается, выбраться и отсюда и вновь начать свои дела. Примитивный, но изворотливый ум вел его только в одном направлении: жить сытно и весело. И все пути для этого годились, все средства были хороши.

Младший брат вырастал слепком, точной копией старшего. В его представлении Федор был герой, смелый до отчаянности. Он жадно читал его письма, а по возвращении брата домой жадно слушал его рассказы о похождениях. И усвоил твердо: жить надо не разиней, а с умом, вот так, как Федор, иначе какая же это жизнь? Дайте только вырасти. Но чтобы не очень допекала мать, школу придется кончить. Вот работает же брат в тресте. Это тоже чтобы не было постоянных слез и скандалов в доме, чтобы в тунеядцы не попасть. Смену себе старший Чеглаков готовил достойную.

Да, с Чеглаковыми было ясно.

А Семен Потанин? Как он оказался на стежке Чеглаковых? Что это, случай? Стечение обстоятельств или логическое следствие каких-то причин, цепь оплошностей, ошибок, поступков, которые неизбежно должны были привести его к такому концу?

В ходе всего следствия на такие вопросы Потанин отвечал хмуро, неохотно, он явно тяготился ими, страх расплаты за преступление, казалось, парализовал способность думать, анализировать явления и факты. Он мог и говорить и думать только об одном. Десятки раз задавал все тот же вопрос: «что мне будет? Что?

Жила в Москве семья Потаниных — обычная, простая семья, каких много. Отец работал в крупном строительном тресте, мать — плановиком-экономистом на одном из заводов. Был у них сын Семен. Жил вольготно. И сыт, и одет, всем обеспечен. Уже с седьмого или восьмого класса не шел в школу, если не выглажена форма, не накрахмален воротничок. А к приятелям, в кино или на школьный вечер — только в костюме, и обязательно модном. Дома ему все в первую очередь и самое лучшее, что бы ни пожелал. Когда чихал или кашлял,—это считалось происшествием. Домашние волновались так, что поднимали на ноги всех знакомых врачей. Годам к пятнадцати хилого подростка уже нельзя было удивить ни Южным берегом Крыма, ни Рижским взморьем. А учеба шла с трудом. Среднюю школу едва осилил. В институт же не попал. Да и не очень рвался. Пришлось отцу устраивать его на курсы нормировщиков. Здесь дело как будто пошло. Фамилия отца в этой системе была известной, и сыну помогали, как могли.

Но вот на безоблачном небе разразился гром, в семью Потаниных пришла беда, беспощадно разрушив их спокойный, устроенный быт и благополучие. Ушел из семьи отец. Казалось, все полетит кувырком. Но мать взяла себя в руки и встала у руля их маленького семейного корабля. Она и до этого любила сына. Теперь же он стал единственным светом в окне. Она дала себе слово, что Семен не почувствует отсутствия отца, будет жить не хуже, чем раньше. Это стало ее первейшей заботой, главной целью и смыслом жизни. Была в этом и ее месть мужу — вот, дескать, живем и без тебя не хуже! И тянулась женщина изо всех сил, чтобы сын не почувствовал ни в чем недостатка. Это было нелегко. Стала понемногу брать из тех сбережений, которые скопила за многие годы. Их хватило ненадолго. Продала все отцовское. Затем кое-что свое.

Но становилось все труднее. Как-то Семен, придя с работы, объявил:

— Нужна полсотня. Сабантуй с ребятами устраиваем.

Мать оробела:

— Нет у меня таких денег, Сема. Вот десятка да еще пятерка — и все.

Сын удивленно глянул на мать.

— Это как же «нет»? Я обещал. Ты понимаешь, обещал! — В его голосе явно слышалось раздражение.

Мать суетливо побежала по соседкам. Расстаралась-таки, достала полсотни, и Семен, небрежно бросив ей слово благодарности, ушел к ожидавшим приятелям.

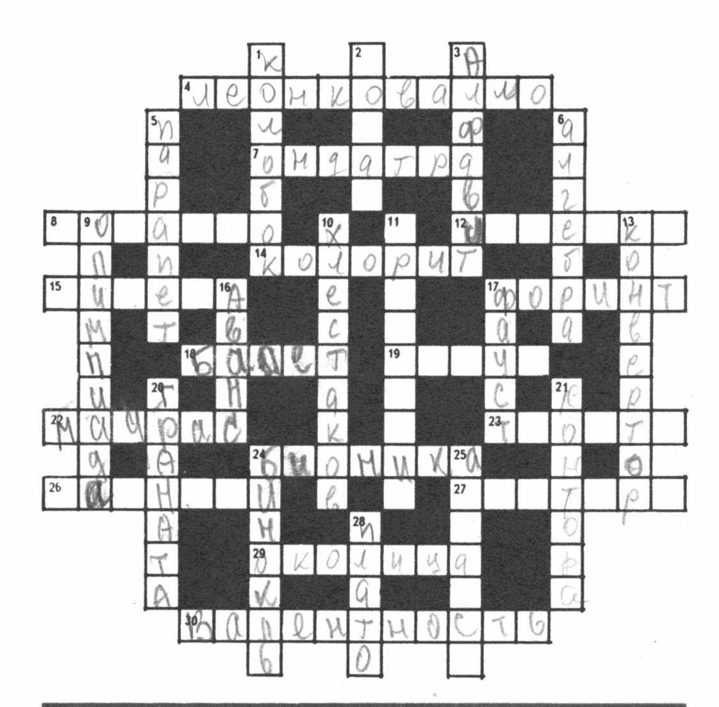

В строительном тресте, где после окончания курсов работал Семен, зарплата была не очень-то высока, а его потребности все возрастали. Не мог же он в самом деле обойтись без джинсов, мокасин, нарядных и ярких импортных рубашек. А костюмы, а плащ? Но не только этим жив человек. Как, например, жить без четырехдорожечного «грюндига» и без записей Джони Холлидэя? Хоть все это и влетало в копеечку, но необходимые приобретения были сделаны.

Да, многое было нужно теперь Семену. Мать все испуганнее провожала его из дома, ожидая очередного требования. Уже ушли в комиссионный заветные кольца и брошка, ложки, подстаканники — последнее из ее более или менее ценных вещей. Наконец, она сказала, что больше ничего нет. Сын не поверил. «Решила припугнуть»,— подумал он. Такое уже бывало. И он одолжил деньжат у приятелей в расчете на доброе, отходчивое сердце матери.

А Семену предстояли еще большие расходы.

Окончание следует.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Итальянский композитор, автор оперы «Паяцы». 7. Пушной зверек. 8. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 12. Птица семейства фазановых. 14. Сочетание цветов на картине. 15. Приток Камы. 17. Денежная единица Венгрии. 18. Вид театрального искусства. 19. Река в Казахстане. 22. Порт в Индии. 23. Древко смычка. 24. Раздел кибернетики. 26. Пьеса М. Горького. 27. Музыкальная пьеса. 29. Окраина села. 30. Свойство атома соединяться с определенным числом других атомов.

По вертикали:

1. Русская народная сказка. 2. Тропическое растение. 3. Азбука. 5. Ограда, перила вдоль моста, набережной. 6. Часть математики. 9. Спортивные соревнования. 10. Персонаж комедии Гоголя «Ревизор». 11. Глагольно-именная форма. 13. Аппарат для получения стали. 16. Деньги, выдаваемые под отчет. 17. Драматическая поэма Гёте. 20. Артиллерийский снаряд. 21. Рассказ Тургенева из «Записок охотника». 24. Оптический прибор. 25. Город в Иркутской области. 28. Возвышенная равнина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 7. Шолохов. 8. Саженец. 11. Серенада. 12. Бобрик. 13. Убанги. 15. Роза. 17. Клиника. 18. Сардина. 19. Балласт. 22. Апофеоз. 24. Ейск. 27. Кудряш. 29. График. 30. «Антигона». 31. Никитин. 32. «Далибор».

По вертикали: 1. Мотобол. 2. Топография. 3. «Гобсек». 4. Какаду. 5. Межелайтис. 6. Ветлуга. 9. Брошюра. 10. Каракас. 14. Витраж. 16. Грибов. 20. «Лауренсия». 21. Теплота. 22. Аксаков. 23. Евпатория. 25. Кунашир. 26. Филолог. 28. Шпагин. 29. Гранат.

На первой странице обложки: В Кракове любят голубей. Анджей Бжевский — монтажник с Гданьской судоверфи. Краков, у Монумента в честь воинов — освободителей города. Площадь Парадов в Варшаве.

На последней странице обложки: В Гданьске дождь..

Фото Л. Шерстенникова и ЦАФ.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 250-14-70; Юмора — 253-32-13; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00380. Сдано в набор 1/VII-69 г. Подп. к печ. 15/VII-69 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 125 000 экз. Изд. № 1403. Заказ № 1912.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

В эти дни мимо гостиницы «Россия» с утра идет пестрый поток людей. Москвичи, спешащие на работу и по делам, не ленятся иногда даже круг сделать, чтобы заглянуть хоть на минутку в уголок старого московского Зарядья, где в новом огромном отеле живут сейчас участники и гости VI Московского кинофестиваля. На лицах москвичей не столько любопытство, сколько дружеское участие, ясно выраженное желание душевно поддержать волнующихся артистов и режиссеров, которые привезли на суд зрителей и коллег свои произведения.

В вестибюле «России» царит особое оживление. Взволнованные, улыбающиеся лица, рукопожатия, приветствия. И встречи, встречи...

Вот мы подошли к группе наших румынских гостей. Режиссер Мирча Дрэган знакомит нас с одной из участниц фильма «Женщина на один сезон» — артистной Юаной Булкэ. Здесь же неподалеку беседует с группой журналистов Ирина Петреску — героиня фильма. Беседа идет бойко, но по какому-то неписаному закону о фестивальных лентах здесь не говорят: ведь решать-то будет жюри!

Югославскую артистку Нэду Арнерич мы встретили в окружении фоторепортеров. Весело жмурясь на солнце, она, пока ее фотографировали, принимала шаловливые позы. На наш вопрос, как нравится ей Москва, Нэда в восторге отвечает, что Кремль ее поразил, особенно в вечерние часы, своим величием и русской сказочностью.

Зато Эдгара Энстея, одного из старейших кинодокументалистов Англии, мы можем считать старым знакомым. Третий раз является он одним из арбитров международного кинофорума в Москве. Документальное кино — давняя и постоянная привязанность Энстея. Началась же эта любовь, как он рассказывает, когда Энстей увидел первый советский кинодокумент о Турксибе.

Особым вниманием пользуются на фестивале гости из далекого Сенегала — юные, с царственной осанкой, смуглые женщины: Тереза Диоп, Исса Н'Янг, Юнус Н'Дьяй. Мы обнялись. Мы взаимно радуемся, вспоминая наши недавние встречи на Ташкентском кинофестивале.

А вот перед нами живая история кинематографа: знаменитый старейший французский киноартист Мишель Симон. Многие, наверное, помнят его по шедшему у нас фильму «Господин Такси». Поразил он зрителей и в «Соборе Парижской Богоматери» исполнением роли Квазимодо.

Мишеля Симона со всех сторон атакуют друзья и поклонники, вокруг него толпа. Улыбаясь, он каким-то по-французски легким жестом отбирает у меня блокнот и старательно выводит большие русские буквы: «ОГОНЕК»... Он тоже хочет послать через журнал свои горячие приветы советским друзьям.

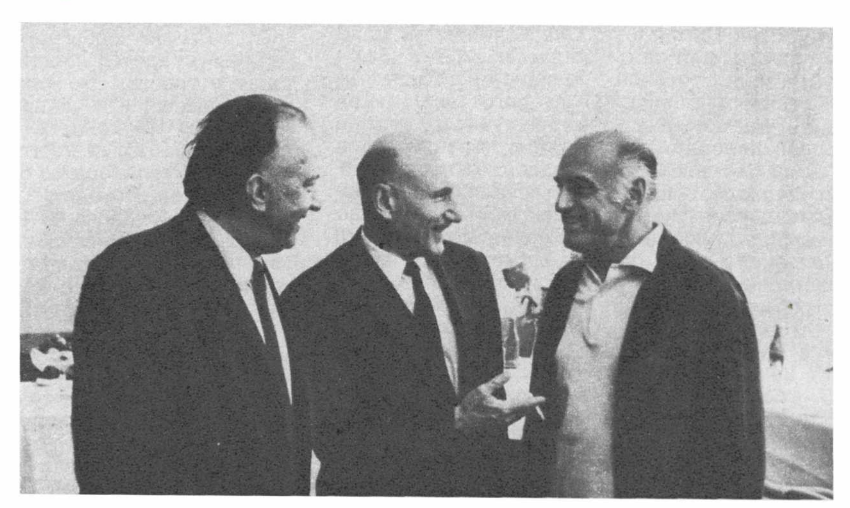
Встречи, встречи... Но сколько их еще впереди! Гости побывали и на Выставке достижений народного хозяйства СССР, которая, кстати, является «ровесницей» Московского кинофестиваля: ей тоже минуло десять лет,— и на студии «Мосфильм». Ждут их на московских предприятиях. Делегатов ОАР и Судана уже принимали у себя рабочие Останкинского молочного комбината. А кинематографисты Болгарии смогли увидеть, как на заводе имени Лихачева сходят с конвейера новые автомашины...

Большое оживление царит на Ленинских горах, во Дворце пионеров. Там сейчас работают сразу два жюри. Маленькие москвичи учредили свои собственные премии. Они вручат их по достоинству лучшей девочке и лучшему мальчику, которых увидят в фильмах. Премии получат также авторы самого смешного и самого красивого фильма.

Итак, фестиваль продолжается. Теперь нам остается рассказать о его победах.

Н. ЗЫБИНА

ФЕСТИВАЛЬН

Снова встретились в Москве на фестивале кинорежиссеры: Захарий Жандов (Болгария), Сергей Герасимов (СССР) и Ежи Кавалерович (Польша).

Старейший деятель документального кино Англии Эдгар Энстей с коллегами по жюри короткометражных фильмов Мохаммедом Джумале (Сомали) и Хосе Массипом (Куба) беседуют с председателем жюри, народным артистом СССР Романом Карменом.

Марчелло Мастроянни и Марина Влади снимаются на студии «Мосфильм» и считают себя москвичами. Сейчас они рассказывают об этом сенегальским артисткам.

ЫЕ ВСТРЕЧИ

Фото Е. Умнова.

Нэда Арнерич впервые в Москве.

Гость VI Международного кинофестиваля артист Мишель Симон (Франция).

Руфина Нифонтова и Лидия Смирнова — хозяйки фестиваля — принимают гостей из Японии: Сакаэ Китабаяси, Мидори Исомура и Аяко Вакао.

Вия Артмане (СССР) и Кинг Видор (США) — члены жюри полнометражных фильмов. На фестивале их уважительно зовут членами большого жюри.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.